(Годъ пятнадцатый)

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877. ИЗДАВАЕМЫЙ 2.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія П. А. Лебедева, Донская, домъ Зоркиной.
1877

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать книги Русскаго Архива слѣдующихъ годовъ.

Главнѣйшія статьи въ нихъ здѣсь исчисляются.

1872 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Воспоминанія **Ѳ. П. Лубяновскаго.**—Записка **графа Нессельрода** о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира. — Мининъ и Пожарскій. Статьи **И. Е. Забѣлина.**—Воспоминанія **А. Н. Аѳанасьева.**—Записки **Вебера** о Петрѣ Великомъ. Цѣна 4 рубля.

1872 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой.**—Записки **Вебера** о Петрѣ Великомъ. — Письма графа **С. Р. Воронцова** къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма **М. А. Волковой** къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ. Цѣна 3 рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, **князя Куракина**, 1810 г.—Письма **Жуковскаго** о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича. — Письмо **жениха-Пушкина** къ его тещѣ.—Политическія записки. **Ѳ. И. Тютчева.**—Записки **графа П. Х. Граббе.**—Записки **Н. И. Греча.**—Записка **графа I. И. Ростовцева.**—Записки **И. П. Сахарова.**—Записки **И. А. Шестакова.** Цѣна 4 рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записки **Фокерода** о Петрѣ Великомъ.—**Бумаги П. А. Демидова.**—Е. И. Нелидова.—Донесенія изъ **Франціи графа А. И. Маркова.**—Записки о 1812 годѣ, **П. А. Тучкова.**—Записки **Фотія.**—Записки **А. Я. Стороженки.**—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой.**—Россія и Германія, статья **Ѳ. И. Тютчева.**—Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Осьмнадцать писемъ **В. А. Жуковскаго** къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ **А. С. Пушкина** къ князю П. А. Вяземскому съ новыми стихами А. С. Пушкина. — Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759. — Письма **лорда Мальмсбюри** о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й.—Записки **князя Ѳедора Николаевича Голицына.**—Записки **Хршонщевскаго.**—Записки **Ильи Ѳедоровича Тимковскаго.**—Записки **Николая Ивановича Лорера** (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой.**—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго** (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ.—Планъ **князя Потемкина** о наборѣ народныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками **Екатерины второй.**—Письмо **Императора Павла** къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма **графа Н. И. Панина** къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича. — Два письма изъ Лондона отъ **графа С. Р. Воронцова** къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру. — Записки **Н. И. Лорера.**—Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго.** — Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья **И. С. Аксакова.** Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева. Цѣна 4 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки сенатора **Е. Ѳ. Фонъ Брадке.**—Воспоминанія **графини Блудовой.**—Старая Записная Книжка.—Письма **Императора Александра Павловича** къ князю Васильчикову.—Записки и бумаги **И. Б. Пестеля.** Цѣна 3 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Сказаніе о Колівщинѣ **М. А. Максимовича.**—Бумаги **князя Васильчикова.**—Старая Записная

Два письма императора Александра Павловича [1]).

I.

КЪ А. Н. НАРЫШКИНОЙ [2]).

Анна Никитишна! По прошенію вашему, ко мнѣ дошедшему, разсматривалъ я дѣло о завѣщаніи покойнаго супруга вашего и послѣдствіяхъ онаго тѣмъ съ большимъ вниманіемъ, что искренно желалъ найти въ немъ основаніе правъ вашихъ ко удовлетворенію вашему. Взвѣсивъ уваженія той и другой стороны, открылъ я въ существѣ дѣла сего слѣдующія истинны: двѣ законодательныя власти, равно для меня священныя, положили по оному два противныя рѣшенія. Одно изъ нихъ основано на милости къ вамъ любезнѣйшей моей Государыни-бабки, великой Екатерины; другое по силѣ законовъ и грамоты дворянства, мною признанной и утвержденной. Я не могу прикоснуться къ дѣлу сему, не отвергнувъ одного изъ сихъ двухъ положеній и если, превзойдя сіи уваженія, рѣшился я на утвержденіе того или другаго, какое основаніе могъ бы я дать сужденію моему, чтобы удостовѣрить неподвижнымъ на будущее время, присоединивъ еще одно положеніе къ двумъ первымъ до сего бывшимъ? Я бы подалъ примѣръ къ безконечному ихъ нарушенію и положилъ бы основаніе къ вѣчной тяжбѣ отъ рода въ родъ, при всякомъ царствѣ возраждающейся. Вы слишкомъ справедливы, чтобы не почувствовать сихъ истинъ во всей ихъ силѣ и не согласиться со мною, что въ дѣлѣ семъ, по настоящему его положенію, никакая власть не можетъ принять участія, не выступивъ изъ мѣръ своихъ. Обстоятельства, его сопровождающія, поставивъ его внѣ общаго порядка, не могу допустить инаго на него вліянія, кромѣ родственнаго обоюднаго согласія и примиренія, къ коему я какъ васъ призываю, такъ и племянниковъ вашихъ [3]) склонить не оставлю не силою моей власти, но единымъ дѣйствомъ убѣжденія и особеннаго моего къ вамъ уваженія, пребывая всегда вамъ доброжелательный

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

Александръ.

Апрѣля 25 дня
1801 года.

---

[1]) Печатаются съ современныхъ списковъ.

[2]) Вдовѣ оберъ-шенка и теткѣ канцлера графа Румянцева (См. Р. Архивъ 1876, III, 418).

[3]) Т. е. извѣстныхъ Дмитрія и Александра Львовичей Нарышкиныхъ.

II.

КЪ КНЯГИНѢ ГОЛИЦЫНОЙ [4]).

Княгиня Марья Григорьевна! Положеніе мужа вашего, въ письмѣ вашемъ изображенное, привлекаетъ на себя все мое сожалѣніе. Если увѣреніе сіе можетъ послужить вамъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ, примите его знакомъ моего искренняго въ судьбѣ вашей участія и вмѣстѣ доказательствомъ, что одна невозможность полагаетъ мѣры моего на помощь вашу расположенія. Какъ скоро я себѣ дозволю нарушать законы, кто тогда почтетъ за обязанность исполнять ихъ? Быть выше ихъ, если бы я и могъ, но конечно бы не захотѣлъ: ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала; напротивъ, я чувствую себя обязаннымъ первѣе всѣхъ наблюдать за исполненіемъ его и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, а я могу быть только справедливымъ. Вы слишкомъ справедливы, чтобъ не ощутить сихъ истинъ и не согласиться со мною, что не только невозможно мнѣ остановить взысканія долговъ, коихъ законность утверждена подписью мужа вашего, я не могу удовлетворить просьбы вашей и съ той стороны, чтобъ подвергнуть обязательство его особенному разсмотрѣнію: законъ долженъ быть для всѣхъ единственъ, и по общей его силѣ признаются ясными и разбору неподлежащими требованіями вексель, крѣпость, запись, контрактъ и всякое обязательство, гдѣ есть собственноручная должниковъ подпись и гдѣ нѣтъ отъ оной отрицанія. Впрочемъ, мнѣ довольно извѣстно состояніе и имѣніе мужа вашего, чтобъ надѣяться, что, при лучшемъ распоряженіи дѣлъ его, продажею нѣкоторой части онаго, не только всѣ долги уплачены быть могутъ, но и останется еще достаточное имущество къ безбѣдному вашему содержанію. Сія надежда, облегчая вашъ жребій, доставляетъ мнѣ удовольствіе мыслить, что страхи ваши, можетъ быть болѣе отъ нечаянности происшествія, нежели отъ самаго существа дѣла родившіеся, сами по себѣ разсыплются, законъ сохранится въ своей силѣ, и вы меня найдете справедливымъ, не преставая вѣрить, что вмѣстѣ пребываю я всегда вамъ доброжелательнымъ.

Подлинное подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

Александръ.

Санктпетербургъ.
7 Августа 1801 года.

[4]) Урожденной княжнѣ Вяземской, впослѣдствіи графинѣ Разумовской. Первый супругъ ея, камергеръ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (дядя адмирала князя Меншикова) 1769—1817, былъ извѣстенъ своимъ мотовствомъ.

Письмо императрицы Маріи Θеодоровны

КЪ НАЧАЛЬНИКУ ПАРИЖСКАГО УЧИЛИЩА ГЛУХОНѢМЫХЪ, АББАТУ СИКАРУ.

Monsieur l'abbé Sicard. Votre lettre et le livre qui l'accompagnait me sont exactement parvenus, et je m'empresse de Vous en exprimer ma bien sincère reconnaissance, en Vous priant d'en accepter le témoignage. La lecture de Votre ouvrage m'a fait le plus sensible plaisir par la manière à la fois profonde, lumineuse et intéressante dont Vous y traitez un sujet si difficile à manier. Je Vous dirai même, que l'intérêt avec lequel j'ai lu ce traité était d'autant plus vif, qu'il était pour ainsi dire personnel, comme Vous allez voir. Le succès de l'établissement, qui Vous doit sa perfection, m'ayant engagée de tourner mon attention vers les malheureux privés de l'usage du plus précieux des organes, j'ai fait en petit, dans ma campagne de Pawlowsk, l'essai d'un institut des sourds-muets, et pour le peu de temps j'ai lieu d'être contente de la réussite. Un honnête ecclésiastique polonais, qui a fait son apprentissage à l'institut de Vienne, dirige le mien, et il a prouvé son savoir faire par les progrès de ses élèves parvenus dans une année à écrire correctement, à calculer et même à lire en prononçant les mots d'une manière intelligible, et quelques uns même avec assez de facilité. Il n'en est pas encore avec eux aux idées de la Divinité et du Culte, et j'avoue que la haute importance de ces notions me ferait bien désirer de connaître plus particulièrement la manière dont Vous Vous êtes pris pour les communiquer à Vos élèves. En général, monsieur l'abbé, je ne Vous cache pas le plaisir que j'aurais de pouvoir recourir à Vos conseils pour l'utilité de mon institut, et je me félicite de l'occasion que Votre livre me procure de me mettre en relation directe avec Vous. Il me semble que de droit Votre influence doit s'étendre sur tout établissement de ce genre, et si Vous vouliez user de ce droit si bien acquis, à l'égard du mien, en coopérant par Vos lumières à son perfectionnement, je Vous en aurais une reconnaissance bien véritable. Quoique j'aye lieu d'être jusqu'à présent contente de l'instituteur que je possède, cependant, comme il n'a jamais vu l'établissement que Vous dirigez, ni Votre méthode, je n'ai pas la certitude, que je désirerais avoir sur l'étendue de ses moyens, et si effectivement il ne lui manque rien pour mener ses élèves aussi loin que possible, ce qui m'intérèsse d'autant plus que je compte étendre l'institut avec le temps. Je désirerais par cette raison envoyer quelqu'un

à Paris, qui sachant parfaitement la langue russe et ayant les connaissances préliminaires que Vous jugeriez nécessaires, pût non seulement se former sous Vos yeux pour l'instruction des sourds-muets, mais appliquer aussi Votre méthode à sa langue maternelle. Si Vous approuvez cette idée et si Vous vouliez avoir la complaisance de Vous charger de la direction d'un pareil apprentif, Vous me feriez plaisir en m'indiquant les connaissances qu'il doit avoir, pour profiter de Vos leçons. Je Vous prie, monsieur l'abbé, de ne pas Vous gêner sur cet article, et Vous engage non seulement à m'adresser sans détour ce que Vous aurez à me répondre, mais je recevrai en général toujours avec une reconnaissance sensible tout ce que Vous me ferez parvenir directement sus un objet aussi intéressant que l'éducation des sourds-muets. Je ne saurai, mieux Vous faire connaître combien je sais apprécier Votre mérite qu'en Vous offrant l'occasion d'en étendre les effets salutaires, et je ne crois pas me tromper en supposant que Vous y trouverez le meilleur témoignage que je puisse Vous donner des sentimens d'estime particulière avec les quels je suis

Votre affectionnée

Marie.

St. Pétersbourg,
ce 4 Decembre 1808.

Переводъ.

Господинъ аббатъ Сикаръ! Ваше письмо и при немъ книга [1]) дошли до меня исправно, и я спѣшу выразить вамъ за нихъ мою искреннѣйшую благодарность, прося васъ принять свидѣтельство оной [2]). Чтеніе вашего сочиненія доставило мнѣ чувствительнѣйшее удовольствіе, потому что предметъ, столь трудный, изложенъ у васъ основательно, даровито и общедоступно. Скажу вамъ даже, что я прочла вашу книгу съ живѣйшимъ и, можно сказать, какъ вы увидите далѣе, съ личнымъ участіемъ. Успѣхъ заведенія, обязаннаго вамъ своимъ улучшеніемъ, заставилъ меня обратить вниманіе на несчастныхъ, которые лишены употребленія драгоцѣннѣйшихъ органовъ. На моей дачѣ въ Павловскѣ я недавно попробовала учредить небольшое училище глухонѣмыхъ, и покамѣстъ остаюсь довольна успѣхомъ [3]). Моимъ училищемъ завѣдуетъ честный священникъ изъ Поляковъ [4]), обучавшійся въ Вѣнскомъ училищѣ. Онъ доказалъ свою способность тѣмъ, что ученики его, въ теченіи года, стали правильно писать, считать и даже произносить слова внятнымъ образомъ, а нѣкоторые и довольно свободно. Но понятія о божествѣ и о религіи остают-

---

[1]) Это было сочиненіе Сикара, появившееся въ 1808 году: Ученіе о знакахъ (Théorie des signes). Аббатъ Сикаръ (1742—1822) былъ преемникомъ знаменитаго Лепе въ Парижскомъ училищѣ глухонѣмыхъ.

[2]) Брилліантовое кольцо въ 30.000 франковъ.

[3]) См. объ этомъ первоначальномъ училищѣ разсказъ А. Меллера, старѣйшаго воспитанника онаго, въ Р. Архивѣ 1872 г., стр. 1009.

[4]) Профессоръ Сигмундъ-Сикаръ.

ся для нихъ еще недоступны, и признаюсь, ради великой важности этихъ понятій, мнѣ было бы желательно познакомиться подробнѣе съ пріемами, которые вы употребляете для сообщенія ихъ вашимъ воспитанникамъ. Вообще, господинъ аббатъ, я не скрою отъ васъ, что мнѣ пріятно было бы имѣть возможность обращаться къ вамъ за совѣтами на пользу моего училища, и я радуюсь случаю, который доставленъ мнѣ вашею книгою, чтобы войти въ непосредственныя сношенія съ вами. Мнѣ кажется, что вашему вліянію подобаетъ распространяться на всѣ учрежденія подобнаго рода, и если вы захотите воспользоваться этимъ столь заслуженнымъ вами правомъ относительно моего училища, содѣйствуя вашими познаніями улучшенію его, то я вамъ поистинѣ буду очень благодарна. До сего времени я не имѣю причины быть недовольною преподавателемъ, который у меня; но онъ никогда не видалъ вашего заведенія, ни вашихъ пріемовъ. Поэтому я не вполнѣ увѣрена, достаточно ли онъ знающъ и дѣйствительно ли можетъ наилучшимъ образомъ вести свое дѣло; мнѣ же это важно, такъ какъ со временемъ я располагаю увеличить мое училище. На этомъ основаніи мнѣ хотѣлось бы послать въ Парижъ человѣка, хорошо владѣющаго Русскимъ языкомъ и имѣющаго предварительныя свѣдѣнія, какія вы признáете нужными, съ тѣмъ чтобы онъ подъ вашими глазами приспособилъ себя къ преподаванію глухонѣмымъ и могъ бы примѣнить ваши пріемы къ своему родному языку. Коль скоро вы одобряете эту мысль и будете такъ любезны, что возмете къ себѣ на выучку такого человѣка, то сдѣлайте мнѣ удовольствіе, сообщите, чтò ему нужно знать напередъ, чтобы пользоваться вашими наставленіями. Прошу васъ, господинъ аббатъ, не стѣсняться въ этомъ отношеніи. Я не только приглашаю васъ отвѣчать мнѣ безо всякихъ околичностей, но буду вамъ чувствительно благодарна за то, чтó вы мнѣ сообщите прямо о предметѣ столь важномъ, какъ воспитаніе глухонѣмыхъ. Лучшимъ заявленіемъ, какъ отношусь я къ вашимъ достоинствамъ, можетъ служить то, что я предлагаю вамъ распространить благотворную вашу дѣятельность, и конечно я не ошибусь, полагая, что предложеніе это вы примите, какъ свидѣтельство особеннаго уваженія, съ коимъ остаюсь

вамъ благожелательная Марія.

С.-Петербургъ,
4-го Декабря 1808 г.

Извлечено изъ книги г. Ландеса (Justin Landes) и сообщено г. директоромъ С.-Петербургскаго Училища глухонѣмыхъ П. И. Степановымъ, при просвѣщенномъ посредствѣ М. П. Щербинина. П. Б.

ЗАПИСКИ ВИНСКАГО *).

Въ тюрьмѣ заключеніе.

Видя себя въ совершенной темнотѣ, я сдѣлалъ шага два впередъ, но лбомъ коснулся свода. Изъ осторожности простерши руки въ право, я ощупалъ прямую мокрую стѣну; поворотясь въ лѣво, наткнулся на мокрую скамью и, на сей сѣвши, старался собрать разсыпавшійся мой разсудокъ, дабы открыть, чѣмъ я заслужилъ такое неслыханно-жестокое заключеніе. Умъ, что̀ называется, заходилъ за разумъ, и я ничего другаго не видалъ, кромѣ ужасной бездны золъ, поглотившей меня живаго.

По прошествіи, можетъ быть, четверти часа, слышно стало, что подходятъ крадучись къ моему чулану, отпираютъ дверь, и я увидѣлъ лысаго солдата, который со свѣчею въ рукахъ началъ чего-то искать по полу. «Скажи, мой другъ, за что меня заперли?» Молчитъ.—«Кто здѣсь судьею?» Ни слова.—«Развѣ ты не Русской?» Нѣтъ отвѣта. Не имѣвши еще времени быть усмиреннымъ, схватываю его за ухо больно небрежно: «Ты видно нѣмой?» И онъ сердечушко благимъ голосомъ завопилъ: «шалишь, хозяинъ!» На сей вопль прибѣжали еще двое солдатъ и унтеръ, который сказалъ грозно: «не забіячь, баринъ; здѣсь келья—гробъ, дверью хлопъ».—«Да что же онъ мнѣ не отвѣчалъ? Я офицеръ».—«Здѣсь ты хозяинъ, и коли станешь забіячить, то уймутъ; а баять здѣсь не велятъ». Сказавши это, дверь захлопнули и цѣпь наложили.

Хотя я снова остался въ темнотѣ, но и кратковремянное освѣщеніе начертало весьма явственно всю гнусность и ужасъ моея темницы. Въ мокромъ, смрадномъ углу загороженъ хлѣвъ досками, на пространствѣ двухъ съ половиною шаговъ, въ которомъ добрый человѣкъ пожалѣлъ бы и свиней запирать. Кто же были сіи люди, задумавшіе и устроившіе подобныя убивственныя узилища для своихъ братій, людей же, хотя бы и преступныхъ? Ближайшій вельможа, вѣрнѣйшій исполнитель повелѣній премилосердыя Екатерины, провозгласившей торжественно во весь свѣтъ: «лучше оправдать десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго». А тутъ и сотни невинныхъ, которымъ не объявлено даже за что они воровски похищены изъ своихъ жилищъ и, прежде всѣхъ вопросовъ и сужденій, преданы уже наитягчайшему тюремному наказанію.

---

*) См. выше, стр. 76.

Въ первые три дня моего заключенія, я никакъ не могъ настроить свою голову ниже къ малѣйшему порядочному сужденію. Непрестанное воображеніе убійственнаго узилища, гробовая темнота и тишина, прерываемая иногда шептаніемъ стражей, весьма похожихъ на ползаніе гадкихъ насѣкомыхъ, неизвѣстность теченія времяни, сердечная скорбь о милой, навѣрно страждущей супругѣ, лишеніе всего и безъ надежды когда либо быть между своими; все сіе, одно съ другимъ непрестанно сталкиваясь и одно другое неизмѣнно запутывая, производило въ головѣ моей ужасную бурю, а въ сердцѣ мертвенное отчаяніе.

По всему свое время, какъ и конецъ. Обуреванія моей души въ третій день нѣсколько утишились; волненіе крови отъ трехдневнаго поста уменьшилося; мысли начали собираться и улаживаться порядкомъ.

Позабылъ я сказать, что, еще въ первый день, унтеръ, ставши предо мною и показывая мнѣ пятикопѣешникъ, сказалъ: «Государыня жалуетъ тебѣ на кормъ. Чтò велишь купить?» —. «Ѣшь самъ». Такъ и въ слѣдующіе два дни. Въ четвертый, чтò я считалъ по пятакамъ, лысый солдатъ, вошедши опять ко мнѣ въ мою лачугу, говоритъ мнѣ тихонько: «Што, сударь, не покушаешь? Богъ милостивъ, коли не виноватъ; а морить себя грѣхъ; у тебя теперь пять алтынъ: вели, я сготовлю тебѣ кашицу знатную и калачикъ принесу».—«Другъ мой, у меня во рту все сухо».—«Тотчасъ, батюшка, принесу чайку». За симъ и скоро на самомъ дѣлѣ принесъ онъ мнѣ въ горшечкѣ сбитню и копѣешную булку. Сіе Русское питьецо, освѣживъ засохшіе во мнѣ соки, способствовало немало къ успокоенію моего духа. На другой день также по утру сбитень и булка, въ полдень кашица съ говядиною, чтò продолжалося ежедневно во все время моего пребыванія въ семъ казаматѣ.

Коль скоро я началъ ѣсть и пить, то и все жизненное нáчало снова во мнѣ появляться. Первыя спокойныя мысли я обратилъ на обозрѣніе моего положенія. По безчеловѣчному заключенію я не могъ инаго придумать, какъ: есть на меня подозрѣніе въ весьма важномъ преступленіи. Перебравши на досугѣ и неоднократно всѣ происшествія моей жизни до самыхъ мельчайшихъ, я истинно ни въ одномъ не находилъ ничего такого, чтò бы заслуживало таковую безпримѣрную строгость. Буйства и забіячества мои прежнія не могли быть къ сему поводомъ; долгъ въ банкѣ меньше всего могъ способствовать къ сей жестокости. И такъ за что иное, кромѣ преступленій по 2-му пункту? Но я въ семъ не только дѣломъ, ниже когда-либо всесовершенно не былъ виновенъ; ибо правительственными дѣлами я столько же тогда занимался, сколько и астрономіею, т. е. взглядывалъ на небо, видѣлъ звѣзды и планеты, не заботясь никогда знать, какъ онѣ тутъ помѣщены, какъ движутся. По симъ сужденіямъ выводилъ заключеніе: вѣрно открытъ какой нибудь важный заговоръ; кто нибудь изъ моихъ знакомыхъ, въ ономъ замѣшанный, болтнулъ мое имя; при допросахъ и очныхъ ставкахъ истина откроется, и я, какъ невинный, конечно, буду освобожденъ. Такъ безумный пустоумствовалъ я, не зная еще тогда всѣхъ адскихъ пріемовъ и всѣхъ дьяволовъ, работавшихъ на пагубу человѣчества.

Успокоенный однако моими сужденіями, я рѣшился ожидать терпѣливо зову предъ судъ, какъ единственнаго предмета моихъ желаній. Между тѣмъ дни и недѣли, хотя весьма для меня медленно, текли, и я уже дожилъ первыхъ чиселъ Ноября.

7-го сего мѣсяца, утромъ, примѣтилъ я необыкновенное шептанье и движеніе у моихъ стражей. Скоро подходятъ къ моей клѣткѣ, отпираютъ ее, и унтеръ говоритъ мнѣ: «одѣвайся, хозяинъ, ступай за мною». Надобно знать, что, по причинѣ многотопленія печи и отъ того почти баннаго жару, я всегда сидѣлъ въ одной рубахѣ. Одѣваться было недолго: сапоги были на мнѣ, шинель безъ пуговицъ надѣть было нельзя. И такъ, накинувши сюртукъ и подпоясавшись носовымъ платкомъ, я побрелъ за унтеромъ. Но лишь только отворили наружную дверь, и меня коснулся свѣжій воздухъ, глаза мои помутились, и я, какъ догадываюсь, впалъ въ обморокъ, каковый былъ первый, а, можетъ быть, и послѣдній въ моей жизни. Не знаю, какъ меня втащили въ мою лачугу; но опамятовавшись, я видѣлъ себя опять въ темнотѣ на моей скамьѣ, и видѣнный свѣтъ я считалъ сновидѣніемъ, пока мой добрый лысый не увѣрилъ меня, что я точно былъ у дверей, но что мнѣ попритчилось и потому не повели меня въ присутствіе.

Сіе извѣстіе крайне меня опечалило; ибо я боялся, чтобы зовъ мой снова не оттянулся; но, къ счастію, на другой день опять пришли за мною, и я, приблизившись къ дверямъ, просилъ напередъ ихъ отворить, дабы я могъ, не выходя, нѣсколько свыкнуться съ воздухомъ. Вышедши на дворъ, я видѣлъ землю, покрытую глубокимъ снѣгомъ и царствованіе настоящей зимы, что̀ мои голыя лядвіи весьма ощущали.

Чрезъ коридоръ введенъ я въ прежнюю горницу, на сей разъ занимаемую судьями. Предсѣдательствующій, съ мясничьею рожею и взорами цѣловальника, былъ г. Терскій, во всемъ Петербургѣ извѣстный подъ именемъ багра̀, въ знаменитое отличіе отъ его братіи мелкихъ крючковъ. По правую его сторону сидѣлъ штабъ-офицеръ въ кавалерійскомъ мундирѣ, мнѣ незнакомый; подлѣ его, хотя съ наклоненною головою, не трудно было узнать честнаго и добраго князя Мещерскаго, члена Юстицъ-Конторы, человѣка мнѣ знакомаго; двое остальныхъ, сидящихъ ко мнѣ спинами, были мнѣ совсѣмъ не видны; напротивъ предсѣдателя помѣщался видѣнный мною при приводѣ.

Подавшись нѣсколько къ предсѣдательствующему, я встрѣченъ былъ отъ него нижеслѣдующимъ: «Здравствуй г. Винскій! Прошу со вниманіемъ слушать *). До свѣдѣнія Ея Императорскаго Величества дошло, что въ Санктпетербургѣ многіе молодые люди изъ дворянъ, проживая праздно, ведутъ жизнь крайне подозрительную, утопаютъ въ распутствѣ, затѣваютъ дѣла самыя беззаконныя, клонящіяся къ потрясенію всего благосостоянія общества. Для прекращенія сего,

*) Можетъ быть, онъ не слово въ слово такъ говорилъ, но содержаніе его рѣчи истинно было таково.

Государыня изволила указать учредить при Сенатѣ сію коммиссію для изслѣдованія со строжайшею точностію всѣхъ преступленій. Но, какъ мать, соболѣзнующая о своихъ дѣтяхъ, объявила свое соизволеніе, чтобы коммиссія пеклась болѣе всего возбудить въ каждомъ преступникѣ раскаяніе и заставить его учинить самопроизвольное, искреннее признаніе, обѣщевая чистосердечно раскаевающемуся не только прощеніе, но и награжденіе, какъ строптивнымъ и непокорнымъ ея волѣ, за утаеніе малѣйшей вины, жестокое и примѣрное наказаніе, какъ за величайшее злодѣяніе». Видя его замолчавшимъ, я собирался нѣчто сказать, но при первомъ словѣ онъ меня прерываетъ: «На меня возложена особенная обязанность внушать каждому подсудимому волю нашея Монархини; ты ее слышалъ. Располагай себя по тому. Прибавлю еще, что укрывательство съ твоей стороны будетъ совершенно тщетнымъ; ибо всѣ твои дѣянія, до малѣйшихъ, коммиссіи извѣстны». Послѣ сего сказалъ: «Ну, Малафѣичъ, начинай».

Тутъ показался изъ другой горницы человѣкъ съ бѣлою бумагою и перомъ въ рукахъ, сѣлъ у конца стола, написалъ нѣсколько строкъ, потомъ спрашиваетъ меня: «Какъ зовутъ? Которой попъ крестилъ?» и пр. Что касается до допроса, я, помня рѣчь Терскаго, хотя и почиталъ ее за ловушку, но отвѣты мои располагалъ такъ, что и самыхъ шалостей подверховно касался, не высказывая однако ничего явно. Багоръ иногда вмѣшивался въ вопросы, стараясь меня спутать, какъ въ вопросѣ: «За чѣмъ ты пріѣхалъ въ Петербургъ?»—«Потому, что по моей отставкѣ я имѣю право жить, гдѣ захочу».—«Да чѣмъ ты живешь?»—«Деньгами».—«Откуда ты ихъ берешь?»—«Получаю изъ дому».—«Чать по трактирамъ?»—«Трактиры правительствомъ позволены».—«Да тамъ много дѣлается непозволеннаго?»—«За симъ есть надзоръ».—«Да, надзоръ; знаемъ, братъ, что полицейскіе съ вами за одно».—«По крайней мѣрѣ я съ ними никогда не бывалъ въ дѣлѣ». Когда дошли до Банка, багоръ снова вмѣшался: «Ну, а какъ же ты денежки-та получилъ?» — «Какъ обыкновенно получаютъ». — «Нѣтъ, сколько ты далъ Адамовичу, али его зятю?»—«Ни копѣйки, ибо я не знаю и никогда не видалъ ни того, ни другаго». — Тутъ сбѣленился мой Терскій, заревѣлъ страшнымъ голосомъ: «Ахъ, ты лжецъ, нарядный воръ, и ты отпираешься, что не знаешь Адамовича, банковаго судью, а изъ Банка деньги взялъ?» — «Деньги я взялъ по переводу г. Стромилова, который и свое о взносѣ и мое о выдачѣ 500 рублей объявленія подалъ одинъ въ присутствіе; я же, подписавши въ Юстицъ-Конторѣ обязательство и росписавшись тутъ же въ книгѣ, за вычетомъ процентовъ, отъ него и деньги получилъ, что все сдѣлано по точнымъ правиламъ Банка». — «Правила въ сторону; а ты навѣрное знаешь Адамовича и его зятя Епанчина?»—«Хоть умереть, ни того, ни другаго». При семъ князь Мещерскій, при которомъ все дѣло съ Стромиловымъ происходило, примѣчая изъ моего лица, что хочу на него сослаться, говорилъ что-то тихонько Терскому. Тогда сей, сказавши мнѣ: «И не знаешь? Малафѣичъ, такъ этого и писать не для чего». За симъ, къ окончанію допроса, учинено мнѣ паки

увѣщаніе: Не знаю ли кого я изъ преступниковъ? Не извѣстны ли мнѣ какія нибудь дѣла, вредныя для общества? и пр. На все одинъ отвѣтъ: «Не знаю и никогда не зналъ».

Послѣ сего Терскій, просмотрѣвши написанное, сказалъ мнѣ съ сатанинскою улыбкою: «Посему ты святой? Ась?»—«Святой, не святой, да не очень и грѣшенъ».—«Ты еще и пошучиваешь (нахмуривши харю). Я тебѣ говорилъ, что коммиссіи всѣ твои дѣла извѣстны».—«Говорили, но я знаю, что нечему быть извѣстнымъ».—«А какъ я разверну сію бумагу, тогда уже поздно будетъ». — «Разверните».—«О! ты, братъ, видно, хватъ; тебѣ смерть копѣйка».—«Смерти я не боюсь, а сказать напраслины не хочу».—«Посмотримъ», понизивъ голосъ: «теперь пойди!» Такъ кончился мой страшный допросъ.

Изъ судейской ввели меня въ приказную, гдѣ я увидалъ человѣкъ двухъ юстицкихъ знакомыхъ. За мною скоро вошелъ князь Мещерскій, привѣтствовалъ меня весьма человѣколюбиво, сказалъ, что ко мнѣ есть принесенныя нѣкоторыя вещи, которыя и велѣлъ тотчасъ мнѣ отдать, прибавивъ: «вамъ велятъ и денегъ побольше выдавать».

Оттуда провели меня въ другой казаматъ, который былъ сухъ и свѣтелъ, по причинѣ большаго окна. Унтеръ, введши меня въ оной, сказалъ: «теперь ты тутъ будешь хозяиномъ». Нѣтъ возможности изъяснить тогдашнюю мою радость, увидѣвши себя на просторѣ и при дневномъ свѣтѣ, которая еще усугубилась при появленіи связки, мнѣ врученной, въ которой находились: тулупъ, штаны и камзолъ суконные, двое чулокъ, двѣ рубахи и сапоги. Унтеръ, отдавая ихъ, выложилъ еще серебряной рубль на столъ, сказавши: «изъ твоихъ денегъ велѣно выдавать тебѣ по четверти на день, и вотъ на четыре дня». Никогда я не считалъ себя столько богатымъ и такъ достаточно снабденнымъ, какъ въ сію минуту, особенно поужинавши повкуснѣе и легши спать на постланномъ тулупѣ.

На другой день, часу въ 11-мъ, потребовали меня къ подпису допроса, который подписавши въ подъяческой, я слышалъ нѣкоторыхъ сужденія, что меня вѣрно перваго освободятъ. Не успѣла еще сія сладость коснуться моего сердца, какъ услышалъ я странное ревѣніе Терскаго, горланящаго: «да, онъ чать еще здѣсь; подавай-ка его сюда». Тутъ дверь скоропостижно отворяется, кто-то говоритъ мнѣ: «ступай въ присутствіе!» Вхожу, вижу багра́, свирѣпо подымающагося съ своего мѣста, подходящаго ко мнѣ и вѣщающа: «Такъ-то ты думалъ свои плутовства сокрыть! Ты малый самый безвинный: посмотри-ка на сего человѣка. Знаешь ли ты его?» — Признаюсь, что сіе неожиданное, пылкое наступленіе сильно меня смѣшало. Посмотрѣвши на стоящаго отъ меня влѣвѣ, въ замаранномъ нагольномъ тулупѣ, пребольшою черною бородою обросшаго человѣка и точно его не узнавши, я сказалъ: «въ здѣшнемъ маскарадѣ самаго знакомаго не скоро распознаешь».—«Это Л. П. Соколовъ; знаешь ли его?»—«Знаю.»—«А что воровать ты съ нимъ хотѣлъ, то утаилъ въ своемъ допросѣ? А онъ, какъ истинно раскаявающійся, все показалъ».—«Богъ знаетъ, гдѣ онъ хотѣлъ воровать; а я сего никогда отъ него не слыхалъ; слѣдовательно и соглашаться съ нимъ не могъ».—«Какъ! Ты еще запи-

раешься? Говори-ка, старинушка». На сіе Соколовъ, взглянувъ на меня со слезами, отвѣчалъ: «Виноватъ, отецъ мой, Григорій Степановичъ! Во всѣхъ своихъ преступленіяхъ признаваясь, я и о двухъ тысячахъ рублей показалъ, которыя хотѣлъ занять чрезъ васъ изъ Банка». «А!» закричалъ багоръ, «что ты на это скажешь?»—«Хотѣлъ онъ, да не я; говорилъ ему о семъ словами, не думая никогда произвесть дѣломъ, чему можетъ послужить доказательствомъ, что о семъ болѣе года предъ симъ, въ частыхъ нашихъ свиданіяхъ, никогда о томъ ни словомъ не поминалъ». — «Что тутъ пустое врать? Ты намѣревался взять двѣ тысячи рублей изъ Банка. Сколько должно на то число заложить крестьянъ, ты ихъ не имѣешь; слѣдовательно ты хотѣлъ занимать фальшиво и чрезъ то обворовать казну».—«Малафѣичъ, прибавь это объясненіемъ: въ допросѣ о семъ умолчалъ, но на очной ставкѣ уличенъ и признался».—«Помилуйте, въ чемъ признаваться?» — «Молчи, ни слова; здѣсь Петра и Павла, надо говорить правда. Пошолъ къ мѣсту!»

Возвратившись въ мою свѣтлую галлерею, я нашелъ ее отъ повстрѣчавшагося мнѣ несгодья весьма потемнѣвшею; но, обдумавши сколько можно точнѣе все происшествіе, открывалось, что это была истинная натяжка, которая всякому сама собою обнаруживалась, и что при сужденіи, хотя бы и намѣреніе поставили въ вину, я не долженъ ожидать никакого взысканія: ибо задержаніе одно слишкомъ уже за оное удовлетворяло. Мечталъ, не зная я того, что сія натяжка могла быть растянута до безконечности. Послѣ я никогда уже не былъ призыванъ въ коммиссію *).

Чрезъ нѣсколько дней, стражи наши стали поговаривать, что канцелярію переводятъ въ крѣпость, и что опредѣляется въ коммиссію главнымъ генералъ. 20-го вывели меня и еще многихъ изъ казематовъ, провели чрезъ деревянные ворота и по лѣвой сторонѣ крѣпости въ зданіе извѣстное подъ названіемъ Италіанскаго дворца. Тутъ въ залѣ нашлось насъ десятка съ три, разношерстно наряженныхъ. Скоро услышали о пріѣздѣ генерала Толстаго, опредѣленнаго главнымъ въ коммиссію. Преображенцы, сколько ихъ тутъ было, обрадовались; да и другіе, по слуху, зная о его добротѣ, ожидали всего добраго. Побывши съ часъ въ коммиссіи, онъ вышелъ къ намъ со всѣми присутствующими, и первое его слово, взглянувъ на несчастныхъ, было: «эхъ! эхъ! какъ васъ перерядили». Потомъ, обратясь къ Терскому, спросилъ: «къ чему такія жестокости?» Сей что-то пробормоталъ, а мы слышали: «монастырь, уставъ». Генералъ, посмотрѣвши на насъ съ жалостію, спросилъ: «у кого ваши вещи?» И узнавши, что у тамошняго караульнаго офицера, велѣлъ тотчасъ всѣмъ раздать и притомъ оставить жить въ сихъ покояхъ, сколько

---

*) Учрежденіе банковъ, выпускъ ассигнацій, вынужденные тогдашними обстоятельствами и принесшіе великую пользу, отмѣнно озабочивали Государыню; она лично и дѣятельно занималась розысканіемъ злоупотребленій по этимъ частямъ, какъ это видно по письмамъ ея къ князю М. Н. Волконскому, напечатаннымъ въ 1-й книгѣ нашего изданія «Осмнадцатый Вѣкъ». П. Б.

могутъ помѣститься. Назвавъ нѣкоторыхъ по фамиліямъ, тутъ же заглянувши въ бумагу, спросилъ: «подпоручикъ Винскій здѣсь?» На отвѣтъ мой: «здѣсь, ваше превосходительство!» — «ваша супруга была у меня; она здорова, останьтесь здѣсь жить, и вы можете съ нею завтра видѣться». Тутъ приказалъ новому караульному офицеру: «родныхъ и знакомыхъ безпрепятственно ко всѣмъ допущать, въ кушаньѣ и питьѣ никакихъ затрудненій не дѣлать; вмѣсто собственной услуги, употреблять солдатъ», и прочія важныя облегченія; «а вы, господа (взглянувъ на насъ), какъ благородные люди, вѣрно не употребите во зло моего снисхожденія. Да пожалуйте, выбрѣйте бороды и исправьте одежду, чтобъ мнѣ не горько было васъ видѣть». Послѣ, поклонившись весьма обязательно всѣмъ, уѣхалъ *).

Какая тутъ началась суматоха, это изъяснить трудно. На житье осталось насъ всѣхъ 17 человѣкъ. Тотчасъ учредили компанію и старшиною поручика Пучкова. Чрезъ часъ явились у насъ водка, вино и достаточный завтракъ. Вытребовали фельдшеровъ, началось бритье; послѣ обѣда новая сцена: явился красноголовый сатиръ для раздачи намъ вещей. Какую жалкую представлялъ онъ фигуру, возвращая будто мертвыхъ отъ гроба! Бѣсили же его и дразнили столько, что онъ ночью занемогъ и, спустя недѣли двѣ, умеръ. Мы торжествовали, что уморили злодѣя, двадцать лѣтъ дышавшаго стонами и упивавшагося слезами несчастныхъ.

На другой день, какъ праздничный, присутствія не было, и комнаты скоро наполнились родными и знакомыми, пріѣхавшими видѣть милыхъ узниковъ. Лорхинъ моя, чуть ли не изъ первыхъ, вбѣжала безъ памяти, бросилась ко мнѣ на шею и обмерла. Какое свиданіе! Какія сердечныя изліянія! Сколько она бѣдная потерпѣла! И какое явила мужество! Не зная двухъ словъ Русскаго языка, не имѣя никого сотоварищемъ, рѣшилась одна бродить по Петербургу, отыскивать своего мужа. Къ счастію, кто-то добрый человѣкъ научилъ ее попросить перваго г. Лопухина, оберъ-полиціймейстера. Тутъ хотя она и никакого точнаго не получила свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ принята была человѣколюбиво и, говоря природнымъ своимъ языкомъ, узнала хоть имяна нѣкоторыхъ судей. Испытала жестокость чугуннаго Терскаго, добилась вручить просьбу ядовитому Вяземскому, видѣлась съ сострадательнымъ Мещерскимъ, который и связку мнѣ взялся доставить; наконецъ, удостоилась чести быть принятою благороднымъ Толстымъ, который, съ неизъяснимою благосклонностію принявши участіе въ ея страданіяхъ, обѣщалъ ей чрезъ три дни со мною свиданье, и посему-то меня, совсѣмъ ему незнакомаго, спросилъ изъ первыхъ.

Съ сего дня, проживши еще въ неволѣ тринадцать мѣсяцевъ, я не могу пожаловаться, чтобы задержаніе мое имѣло что нибудь тягостнаго; кромѣ выходу изъ крѣпости, я всѣмъ почти нужнымъ жи-

*) Александръ Петровичъ Толстой (1719—1792) былъ отецъ извѣстныхъ впослѣдствіи графовъ Николая и Петра Александровичей Толстыхъ. П. Б.

тейскимъ пользовался и даже привыкъ было къ сей мирной, беззаботной жизни.

Вина перевода коммиссіи.

О переводѣ коммиссіи изъ равелина и объ опредѣленіи г. Толстаго начальникомъ оныя извѣстнымъ учинилось. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, будучи всемогущъ и своеволенъ, натурально не любилъ своихъ соревнователей, отъ нихъ же Вяземскій былъ изъ первыхъ. Адская коммиссія, симъ заведенная, обхватывая всѣ состоянія, цѣпляла и Преображенскій полкъ, состоящій подъ непосредственными повелѣніями Потемкина. Съ первыхъ движеній онъ молчалъ, высматривая ходъ лукаваго Вяземскаго. Примѣтивши же, что вмѣсто чаемыхъ важныхъ открытій, заговоровъ и злоумышленій, всѣ по подозрѣнію забираемые въ коммиссію являются только моты и шалуны, и предвидя, что, давши волю Вяземскому, половина его полка навѣрное была бы въ крѣпости, онъ рѣшился легонько открыть Государынѣ глаза на Вяземскаго затѣи, доказать ей тщету оныхъ, важныя понапрасну издержки, простертыя по всему государству, особенно въ дворянскомъ сословіи уныніе, и тѣмъ испросилъ, чтобы коммиссія поручена была, мимо Вяземскаго, человѣку безпристрастному, съ повелѣніемъ окончить ее надъ тѣми только, которые находятся уже въ крѣпости.

Что г. Толстой былъ честенъ, это извѣстно; какъ и преданъ князю Потемкину, также справедливо.

Коммиссія съ сего времени занялась весьма дѣятельно слѣдствіемъ, и въ Сочельникъ, т. е. 24-го Декабря, выпустила отъ себя первое отдѣленіе подсудимыхъ, состоящее: изъ злодѣя Кашинцова и его сообщниковъ, изъ Адамовичевыхъ приспѣшниковъ, словомъ, изъ 13 человѣкъ, истинныхъ и важнѣйшихъ преступниковъ. По выходѣ выбывшихъ изъ коммиссіи, генералъ потребовалъ живущихъ тутъ въ присутствіе, которымъ сказалъ: «труднѣйшее окончено; послѣ праздниковъ займемся вами, и вѣрно не замедлимъ; не тужите, надѣйтесь на Бога». Толикое вниманіе къ нашему положенію, конечно, заслуживало всю нашу признательность.

На первыхъ дняхъ масляницы еще учинился выпускъ, состоящій по большей части изъ Преображенцевъ или изъ имѣвшихъ съ ними дѣла. Генералъ сдѣлалъ намъ снова ласковое обнадеживаніе, и мы его благодарили. По сему отпуску, опустѣвшія комнаты наполнены новыми жильцами, между которыми я съ радостію увидѣлъ моего любезнаго Соколова и Брещинскаго.

Въ продолженіе великаго поста примѣтно было, что генералъ очень рѣдко пріѣзжалъ уже въ присутствіе. На страстной недѣлѣ выпущены были еще нѣсколько подсудимыхъ, въ томъ числѣ купцы и иностранцы, замѣшанные по Банку. Въ сей выпускъ поступилъ и Брещинскій, жертва доброты своего сердца и неопытности, молодой человѣкъ, заслуживающій душевное соболѣзнованіе всѣхъ добрыхъ людей, котораго исторію бѣдствій считаю не излишнимъ здѣсь написать.

Сей благородный юноша, сдѣлавшись въ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ бѣднымъ сиротою, по человѣколюбію одного отдаленнаго родственника, призрѣнъ, воспитанъ въ университетскомъ Московскомъ пансіонѣ и опредѣленъ 17 лѣтъ въ службу по арміи. Съ открытіемъ первой Турецкой войны, перенесся на степи Буджацкія. По ревности къ службѣ и по дарованіямъ, не замедлилъ выдти въ офицеры; служивши же всегда съ отличіемъ, удостоенъ въ началѣ 1779 года отъ начальства важнымъ препорученіемъ: быть приставомъ и препроводить сераскира въ Санктпетербургъ. Въ сей роскошной столицѣ, при блистательномъ тогдашнемъ дворѣ, въ раю, можно сказать, пренаполненномъ всѣхъ родовъ забавами, утѣхами и веселостями, молодой, ловкій человѣкъ, при подобной должности, занимая довольно видной постъ, имѣлъ возможное удобство все видѣть, быть видимымъ и многимъ пользоваться. Домъ для житья въ Малой Морской, избыточное содержаніе, прекрасный экипажъ, отличительный пріемъ отъ всѣхъ, даже отъ вельможей, куда только приглашался сераскиръ, словомъ, шесть мѣсяцевъ онъ плавалъ въ рѣкѣ удовольствій и, не хотя ихъ вдругъ лишиться, при отпускѣ сераскира въ отечество, перепросился въ штатъ генерала Николая Салтыкова, командовавшаго Санктпетербургскою дивизіею. Ведя таковую жизнь въ столицѣ, не трудно надѣлать себѣ знакомыхъ тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе, чѣмъ занимаемое нами мѣстечко завиднѣе и мы сами къ дружелюбію расположеннѣе. Извѣстно также, что офицеръ, любящій службу, охотнѣе всегда сближается съ военными. Посему знакомство неосторожнаго Брещинскаго съ хитрымъ Кашинцовымъ нимало неудивительно. Сей, почитаясь лучшимъ Великолуцкаго полка офицеромъ, по обхожденію самый привѣтливый, по житію самый развязный, по опытности самый интересный, немного долженствовалъ употребить старанія, дабы втѣсниться въ открытую душу благороднаго юноши и помѣститься при нёмъ ближайшимъ. Кромѣ частаго свиданія и тѣсныя связи, дѣлъ однако Брещинскій никакихъ съ Кашинцовымъ не имѣлъ; можетъ быть, онъ оставлялъ его для переду; когда же я съ нимъ познакомился, то Кашинцовъ былъ уже подъ стражею.

По принятіи княземъ Потемкинымъ въ полное свое завѣдываніе военнаго департамента, многія по арміи учинены перемѣны и введены новости, изъ которыхъ немаловажною можно поставлять преобразованіе иррегулярныхъ войскъ въ регулярные полки и причисленіе ихъ въ составъ армейскій. Отъ сего Петербургъ наполнился, особенно князь окружился разными языки и племенами, какъ-то козаками, Греками, Албанцами, Татарами, Горцами и всякою иною чудью, никогда до того въ столицѣ невиданною; всѣ съ чинами, съ большимъ жалованьемъ, съ почестями, въ блестящихъ странныхъ одеждахъ. Въ сей толпѣ разнородныхъ, Богъ одинъ знаетъ, какихъ не находилося, что называется, молодцовъ! Можно почти утвердительно сказать, что большая часть изъ нихъ причисляли себя сами, ибо довольно было имѣть Азіатскую рожу, странную одежду, чудную какую нибудь шапку, и таковый смѣло могъ себя выдавать принадлежащимъ къ штату его свѣтлости. Между сими новобранцами весьма

скромно помѣщался нѣкто Михаилъ Князевъ, отставной поручикъ. Онъ былъ вхожъ и выдавалъ себя ближнимъ славнымъ тремъ братьямъ Горичамъ; но въ самомъ дѣлѣ, кто онъ былъ, того ни одинъ изъ его знакомыхъ на вѣрное не могъ знать; да и самъ онъ едва ли о томъ былъ извѣстенъ; по лицу же, по пріемамъ, по душевнымъ качествамъ, онъ былъ истинный Армянинъ, наилукавѣйшій. Ума имѣлъ достаточно, опытность выработанную, вкрадчивость надежнѣйшую, осторожность неизмѣнную; почему всѣ плутни и обманы, которыми одними онъ существовалъ, ежели выходили наружу, то одинъ обманутый оставался въ накладѣ и дуракахъ, а онъ въ барышахъ и умныхъ. Сему-то злодѣю судьба повелѣла погубить любезнаго юношу. Когда и какъ онъ познакомился съ Брещинскимъ, сіе мнѣ неизвѣстно; но по случившемуся можно заключать, что онъ успѣлъ имъ завладѣть всесовершенно: ибо, когда я чрезъ мое знакомство съ Брещинскимъ, жившимъ тогда съ Князевымъ, сталъ къ нимъ вхожъ, то уже легко можно было видѣть, что онъ находился въ полной зависимости. Брещинскій у Князева былъ, какъ бы любимое избалованное дитя, котораго всѣ желанія, даже прихоти выполнялися охотно; за то и самъ, гдѣ дѣло шло о видахъ Князева, Брещинскій не только въ дѣлахъ, но и въ словахъ искалъ его одобренія. Въ кратковременное мое знакомство Князевъ обходился со мною вѣжливо, но изъ осторожности ни о какихъ дѣлахъ никогда ни слова, чему и Брещинскій слѣдовалъ. Посему, за что сей былъ взятъ въ крѣпость, я точно не знаю.

По перемѣщеніи Брещинскаго изъ равелина къ намъ въ коммиссію, мы жили въ одной половинѣ; тутъ, сблизившись тѣснѣе и узнавши другъ друга короче, мы сообщили взаимно и со всею искренностію все насъ касающееся.

Когда Брещинскій, разсказывая мнѣ свою жизнь, приближился ко времени знакомства его съ Князевымъ, то онъ мнѣ сказалъ: «Признаюсь тебѣ, мой другъ, сей человѣкъ, въ три или четыре дни своего со мною свиданія, столько обнаружилъ мнѣ доброты своего сердца, кротости своего нрава, столько явилъ мнѣ основательности въ своихъ сужденіяхъ, стойкости въ своихъ правилахъ, и знанія людей, что я, какъ бы увлекаемый волшебною силою, прилѣпился къ нему всею душою; полюбилъ его, какъ моего лучшаго друга, внималъ его словамъ съ сердечною довѣренностію; словомъ, поставлялъ его знакомство такимъ пріобрѣтеніемъ, котораго вознаграждать я ничѣмъ не могъ. Познакомившись съ нимъ уже достаточно и удостоившись отъ него нѣсколькихъ откровенностей, когда я обнаруживалъ ему мое положеніе или виды и надежды на мою службу, то онъ во всемъ почти со мною соглашался; но въ самомъ соглашеніи такъ искусно вмѣшивалъ свои сужденія о заботахъ, нуждахъ, трудахъ, опасностяхъ, а болѣе всего о неминуемости, что, съ лѣтами или съ потеряніемъ здоровья, служба оставляется, по большей части, не обнадежась кускомъ насущнаго. Сіи и симъ подобныя частыя у насъ бесѣдованія весьма много ослабили мою горячность къ полю; особенно когда онъ сдѣлалъ мнѣ довѣренность, пересказавши, что смолоду

самъ весьма былъ къ службѣ пристрастенъ, но что служивши въ такихъ мѣстахъ, гдѣ къ отличіямъ не было случаевъ и къ концу третьяго десятка своихъ лѣтъ, увидѣвши тщету и почестей и воинскихъ награжденій, онъ рѣшился, пока еще былъ въ силахъ, похлопотать понадежнѣе о насущномъ; что для сего пріѣхавши въ столицу, какъ иностранецъ и недостаточный, весьма много сначала онъ затруднялся; но при неусыпномъ стараніи нашелъ дорогу, которая, можетъ быть, доведетъ его не только къ безбѣдному, но и къ завидному положенію. Человѣкъ съ дарованіями и съ прилежностію, по нынѣшнимъ временамъ въ Петербургѣ, весьма можетъ существовать. Сіе, или лучше признаться, удовольствіе быть съ нимъ неразлучнымъ, сильно на меня подѣйствовало. Между тѣмъ приближалось время отъѣзда сераскира въ Крымъ; мнѣ должно было или, возвратясь съ нимъ, по прежнему опредѣлить себя на долгую службу, или, отказавшись отъ него, помѣститься въ Петербургѣ. Но военную службу оставить я ни за что не соглашался и потому одному, что при первомъ производствѣ я поступалъ въ капитаны. Другъ мой все сіе не только одобрилъ, даже показалъ дорогу и пособилъ, что я въ два дни помѣщенъ былъ въ штатъ генерала Салтыкова. Распрощавшись съ сераскиромъ, я перешелъ жить къ моему другу и, живучи съ нимъ вмѣстѣ, видя его заботливость, самое бдительное попеченіе не только удовлетворять, даже предупреждать, предвидѣть всѣ мои желанія, я, кажется, еще усугубилъ мою къ нему любовь и привязанность. Будучи съ нимъ неразлучны, мы находили лучшее удовольствіе въ одиночномъ бесѣдованіи. Въ сіи часы, раскрывая свое сердце, онъ извѣстилъ меня о настоящемъ положеніи его дѣлъ, которыя на тотъ разъ были весьма затруднительны, о своихъ надеждахъ и о способахъ усовершенствовать оныя. Въ сихъ способахъ находилось нѣсколько такихъ, о коихъ довѣренность, для доставляемыхъ ими выгодъ, я принялъ съ восхищеніемъ, но отъ которыхъ, ежели они теперь приходятъ мнѣ въ голову, кровь моя застываетъ. Сіе есть роковая тайна, которой я тебѣ теперь, а, можетъ быть, и никогда не открою; я чувствую, что она погубила меня на вѣки. Засимъ остается тебѣ еще сказать, что всѣ сіи его дружескіе со мною поступки, его великолѣпные планы и надежды употреблены были на то, чтобы меня ограбить и погубить. Начало сему учинено: первое деньгами, какія у меня оставались, тысячъ около двухъ; потомъ займомъ мною изъ Банка трехъ. Сіи послѣднія взяты не болѣе, какъ за два мѣсяца до моего заключенія, и я тебѣ божусь, что я изъ нихъ ста рублей на себя не употребилъ. Когда извѣстность о коммиссіи сдѣлалась уже всѣмъ несомнительною, тогда, при изъявленіи моихъ опасеній, кромѣ обыкновенныхъ успокоеній, онъ увѣрялъ меня, что имѣетъ благодѣтелей самыхъ сильныхъ; что въ крайности онъ точно пожертвуетъ всѣмъ своимъ благополучіемъ, но меня не допуститъ узнать и малѣйшее оскорбленіе. На самомъ же дѣлѣ, когда я для него нахожусь въ пропасти, когда всѣмъ позволены свиданья, онъ ни раза меня не видалъ; на три или четыре мои посольства всегда одинъ отвѣтъ, что онъ скоро меня увидитъ, что его обнадеживаютъ

всѣмъ добрымъ и прочее сему подобное».— «Да ты всѣмъ нуждаешься? Неужели и въ семъ онъ тебя оставляетъ?»—«Онъ недогадливъ; а сказать ему, хоть умереть, не соглашусь».

Послѣ Св. Пасхи присутствія коммиссіи бывали очень рѣдки, и изъ немногаго числа оставшихся страдальцевъ начали высылать по одному. Къ Троицыну дню оставалось всѣхъ насъ только шесть. Мы навѣрное полагали, что къ сему дню насъ всѣхъ рѣшатъ; но, противъ чаянія нашего, въ Пятницу съѣхались всѣ присутствующіе и генералъ, не бывавшій съ великаго поста. По кратковременномъ засѣданіи вышли всѣ, и г. Толстой, проходя мимо насъ, сказалъ: «и вы скоро освободитесь, не тужите». И такъ всѣ удалились. Отъ приказныхъ же мы узнали, что коммиссія кончилась, и что присутствующіе пріѣзжали подписать только опредѣленіе о закрытіи коммиссіи. Какъ же мы остаемся? былъ нашъ вопросъ. Не знаемъ, былъ ихъ отвѣтъ. На Троицинской недѣлѣ Малаѳѣичъ прибылъ на подводахъ съ ящиками, забралъ всѣ бумаги и увезъ ихъ съ собою. Объ насъ же сказалъ, что наши допросы остались въ Сенатѣ.

Такъ, съ окончаніемъ коммиссіи оставленные неоконченными, мы были тогда, можетъ быть, единственными несчастливцами, которыхъ, восемь мѣсяцевъ державши въ заключеніи, судивши и не досудивши, бросили, но не освободили. Полагая однако, что что нибудь да должно съ нами дѣлать, мы вооружились терпѣніемъ. Несноснѣйшее въ нашемъ положеніи было то, что мы и навѣдаться уже о себѣ никакъ не могли.

Разсуждая между собою о семъ неожиданномъ съ нами происшествіи, мы никакого не умѣли дѣлать заключенія, и старый нашъ секретарь Соколовъ, сколько ни свѣдущъ былъ въ дѣлахъ, подобнаго ни одного не зналъ. Но какъ несчастнымъ обыкновенно одна отрада—надежда, то и мы осмѣлились догадываться, что насъ, какъ маловиновнѣйшихъ, Сенатъ навѣрное освободитъ, зачетши содержаніе въ наказаніе, какъ и законы велятъ.

Несмысленные, а то и забыли, что ястребъ ни одной птички, попавшей въ его когти, не отпущаетъ, и волкъ ни одного пойманнаго ягненка не освобождаетъ! Мы оставлены не какъ маловинов-ные, но какъ маловажные, т. е. мы не интересовали генерала, поелику мы не были Преображенцы и не годились Терскому, поелику мы для него ничего не могли значить.

Я меньше всѣхъ безпокоился: первое, знавши, что я почти безвиненъ; другое, что меня всегда обнадеживали, что задержаніе замѣнятъ мнѣ, и что я безъ всякаго взысканія буду свободенъ.

Все, однако, что̀ мы ни думали о себѣ частно, или заключали совокупно, нимало не перемѣняя нашего положенія, заставляло съ терпѣніемъ ожидать будущаго. Между тѣмъ, дни пробѣгали, недѣли проходили, мѣсяцы протекали, одна наша злая участь оставалась неподвижною. Никто объ насъ не навѣдывался; а мы хотя и усердно желали бы освѣдомиться, но не знали, кого спросить. Съ наступленіемъ холодныхъ дней, отъ г. коменданта возвѣщено намъ, что на топленіе занимаемаго нами дома нѣтъ дровъ и что для того пере-

ведутъ насъ въ казаматъ. Сей казаматъ ничѣмъ не былъ похожъ на равелинскій; онъ былъ, лучше сказать, покой, сдѣланный въ стѣнѣ, довольно сухой, свѣтлый и теплый; мы и наша стража помѣстились въ немъ свободно.

Настала зима и Рождество. Какъ сей праздникъ въ Россіи есть одинъ изъ важнѣйшихъ, для котораго на двѣ недѣли закрываются всѣ присутственныя мѣста, то мы небольшое наше всегда обманываемое ожиданіе отложили на долго. Но что начинается необыкновенно, видно и оканчиваться должно также. На другой день праздника, офицеръ съ гаупвахты представши намъ возвѣстилъ, чтобы мы всѣ тотчасъ слѣдовали за нимъ. Сборы неважные; чрезъ четверть часа всѣ готовы, и походъ открылся. Офицеръ въ заглавіи, за нимъ страдальцы, позади нѣсколько солдатъ. Куда насъ вели, никто того не зналъ; да и о чемъ было спрашивать или сомнѣваться? Въ дни великаго праздника за тѣмъ позвали насъ, чтобы возвѣстить намъ радость, т. е. свободу.

Вышедши за стѣны крѣпости, глазамъ моимъ представилося обширное, какъ бы никогда невиданное пространство. Двѣ Невы и по ихъ берегамъ огромныя зданія, а болѣе всего толпы народа ѣдущаго и идущаго, неимовѣрно меня занимали. Я мечталъ и радовался, что севодни же, можетъ быть, буду участвовать во всеобщемъ движеніи.

Перешедши большую площадь предъ Коллегіями, вмѣсто Сената препроводили насъ въ Юстицъ-Контору. По докладу были мы немедленно впущены въ судейскую. Тотчасъ присутствующій, съ держимою въ рукахъ бумагою, поднявшись съ своего мѣста (чему послѣдовали и другіе члены) подходитъ къ намъ важно и громогласно читаетъ: «Всеподданнѣйше взнесенный намъ отъ Правительствующаго Сената докладъ, всемилостивѣйше конфирмовать соизволили: колежскаго ассесора Соколова, порутчика Гиммеля, подпорутчиковъ Радищева, Теляковскаго, Калитѣевскаго и Винскаго, лишивъ чиновъ и дворянства, послать: Радищева и Теляковскаго въ Колу; Соколова, Гиммеля и Калитѣевскаго въ Тобольскъ; Винскаго въ Оренбургъ, вѣчно на житье».

Между тѣмъ вывели насъ въ подъяческую; тутъ добрый Мещерскій, обливаясь слезами, заставилъ и меня плакать. Возвѣстили намъ, что подводы и провожатые готовы; торопили, какъ можно, собираться; едва позволили кой-какъ снарядиться необходимѣйшимъ. Товарищи мои уѣхали прежде; я же за сборами промѣшкалъ до вечера, и въ шесть часовъ ввалившись въ кибитку, по освѣщеннымъ, шумнымъ радостію улицамъ, выведенъ изъ преславнаго С.П.бурга.

*

Описывать важныя происшествія тѣхъ временъ не считаю нужнымъ, поелику оныя всѣмъ извѣстны. Тогдашнія повѣствованія сихъ дѣяній, по новости ли, или по ненавычкѣ еще безсовѣстнѣйше обманывать, вразумляютъ любопытнаго читателя достаточно о всѣхъ пріемахъ, чрезъ которые совершено усмиреніе Турокъ и обезсиленіе Польши. Кагульская побѣда, одержанная Россійскимъ Тюренемъ, мужественными чиновниками и храбрыми воинами, отъ истин-

ныхъ знатоковъ военнаго дѣла достойно прославляемая; взятіе Бендеръ грудью и совершенное истребленіе Агарянскаго, въ ихъ собственныхъ водахъ, флота; дѣянія, по справедливости, могущія требовать сравненія съ безсмертными подвигами у Платеи, Маратона и Саламина, представленныя отъ отечественныхъ и чужеземныхъ писателей несомнительными доказательствами поверхности Россіянъ надъ Оттоманами.

Потемкинъ, вознесенный въ достоинство Римской имперіи князя, хотя временщичалъ недолго, но Екатеринѣ столько умѣлъ угодить и сдѣлаться ей необходимымъ, что остался навсегда всемогущимъ. Не могши, однако, какъ я прежде сказалъ, поравняться съ древними вельможами, оттѣснилъ ихъ всѣхъ отъ двора въ самое короткое время. Графы Разумовскій и Панинъ удалились въ деревни; Захарій Чернышовъ, пожалованный фельдмаршаломъ, принужденъ былъ ѣхать въ свою Бѣлорусскую губернію и Военную Коллегію уступить Потемкину *). Графъ Румянцовъ, завоеватель Кайнарджискаго мира, въ полномъ смыслѣ генералъ и патріотъ, заманенный въ Санктпетербургъ для испытанія всѣхъ родовъ уничиженій, послѣ годоваго терпѣнія, отправленъ открывать свои Малороссійскія и нѣкоторыя сосѣднія намѣстничества, ставши по сему новому назначенію въ зависимости кн. Вяземскаго. По сущей справедливости, князя Потемкина нельзя порицать жестокосердымъ и гонителемъ своихъ недоброхотовъ (напротивъ, много было примѣровъ, что онъ бывалъ нерѣдко къ нимъ великодушенъ, по большей же части мстилъ своимъ злодѣямъ однимъ презрѣніемъ).

Въ сіе время начали на театрѣ появляться новыя лица, изъ коихъ нѣкоторыя отъ мелкихъ ролей переходили очень скоро играть первыя. Въ числѣ сихъ Безбородко, пріобрѣтши своими дарованіями благоволеніе Самодержицы, умѣлъ чудесно протѣсниться между двумя могучими сатрапами, т. е. Потемкинымъ и Вяземскимъ и, создавши для себя новый генералъ-почтъ-директора чинъ, ежели не поравнялся съ ними; по меньшей мѣрѣ, сдѣлавшись отъ нихъ независимымъ, удержалъ до смерти Екатерины всю ея довѣренность.

Гвардія, корпусъ со временъ Петра Перваго всѣми его преемниками до того уважаемый, что въ немъ не только офицеры непремѣнно долженствовали быть изъ настоящихъ дворянъ,—въ правленіе Потемкина наполнилась всѣхъ родовъ разночинцами, даже Азіатцами.

Водвореніе въ Россіи иностранцевъ, Петромъ Великимъ сильно покровительствуемое, сколько было тогда нужно и полезно, столько по кончинѣ его, особенно въ царствованіе Анны, сдѣлалося для Россіи тягостнымъ; такъ что Елизавета принуждена была издать законъ о непроизводствѣ иностранцевъ, не знающихъ Россійскаго языка, въ офицеры. Съ половины царствованія Екатерины II, не только Евро-

---

*) До какой степени это сужденіе невѣрно, читатели наши знаютъ: оставлять графа Чернышова во главѣ Военной Коллегіи, благодаря которой началось броженіе на Яикѣ, было немыслимо послѣ Пугачевскаго бунта. *П. Б.*

пейцы, но всѣхъ странъ чужеземцы начали у насъ поступать въ службу, производиться въ чины, вписываться въ сословіе дворянства и занимать государственныя должности. Санктпетербургъ, какъ бы разсадникъ всѣхъ сихъ нечистыхъ растеній, распложалъ ихъ по всей Имперіи. Съ сего времени начали появляться между гвардейскими офицерами Чухонцы и въ Сенатѣ засѣдать Маймисты; Нѣмчура же, какъ однодневная мошка, забивалась въ мельчайшіе изгибы государственнаго тѣла. Ни одинъ народъ не обнаруживаетъ болѣе непріязненности къ иностранцамъ, какъ Русскій; но и нигдѣ они не усвоиваются такъ легко и повсемѣстно, какъ въ Россіи *).

III.

ТРИНАДЦАТЬ ЛѢТЪ

ИЛИ СРЕДНІЕ ГОДЫ.

Я сказалъ выше, что для перевезенія меня въ Оренбургъ, даны мнѣ двѣ повозки, каждая съ парою коней, и три тѣлохранителя. При суматошномъ отправленіи, самаго важнѣйшаго не удалося мнѣ сдѣлать, именно проститься съ милою женою. Я зналъ, что она въ гостяхъ у большой своей сестры на Рукѣ; посему оставалась мнѣ одна сомнительная надежда тамъ съ нею увидѣться. Выѣхавши изъ города, посчастливилось мнѣ уговорить своего унтера, пока прописываться будутъ подорожныя, сводить меня въ домъ штабъ-лѣкаря, бывшій вторымъ отъ караульни. Какъ описать удивленіе хозяевъ, записныхъ моихъ враговъ, видящихъ меня неожиданно въ ихъ жилищѣ? Какъ изобразить отчаяніе моея бѣдныя Лорхинъ, когда она узнала, что я осужденъ въ вѣчную неволю и зашелъ только съ нею проститься? Бросившись ко мнѣ на шею, она рыдала, не могучи ни слова вымолвить. Мать ея сидѣла полумертвая; средняя сестра обливалась слезами, тогда какъ старшая и зять изрыгали на меня всѣ клятвы и осыпали меня самыми обиднѣйшими ругательствами. Преожесточенный всѣмъ симъ, я вырвался изъ милыхъ объятій съ насиліемъ и побѣжалъ къ моей повозкѣ стремглавъ, заглушая чувства, раздиравшія мою душу.

Лишь только усѣвшись и скрѣпя сердце, хотѣлъ я молвить: пошолъ! услышалъ голоса съ правой руки: «постойте! постойте!» Унтеръ говоритъ: «двѣ женщины бѣгутъ, видно проститься». Слышу шаги и вижу, что одна, прыгнувши ко мнѣ въ сани и схватя меня весьма крѣпко обѣими руками за шею, кричитъ: «нѣтъ, я съ тобою, мой другъ, не разстанусь; вели ѣхать; ступай, пошолъ!» Будучи въ

*) Замѣчательное совпаденіе съ отзывами графа С. Р. Воронцова (см. IX и X книги Архива Князя Воронцова).—Стоитъ также обратить вниманіе на то, что Винскій, столь расположенный осуждать великую государыню, будучи самъ Малороссійскимъ уроженцемъ, не ставитъ Екатеринѣ однако въ вину, какъ дѣлали позднѣйшіе недоброжелатели ея, введенія крѣпостнаго права въ Малороссіи. *П. Б.*

крайнемъ замѣшательствѣ, я самъ кричу: «пошолъ!» Сани летятъ; слышу еще въ воздухѣ: Schwesterchen, Bruder! и мы за Рукою. Опомнившись нѣсколько, спрашиваю: какъ она рѣшилась на сей поступокъ?— «Ахъ! Они меня вчера и третьяго дня непрестанно уговаривали, чтобъ я тебя оставила; хотѣли меня услать въ Выборгъ; на отказъ мой, грозились меня отъ себя не отпускать; я имъ божилась скорѣе умереть, нежели съ тобой разстаться. Они вѣрно знали, что тебя посылаютъ сего дня; ибо весь день меня изъ горницы не выпущали и платье, и шубу мою спрятали; сестра надо мною сжалилась, дала мнѣ свою мантилію и проводила меня сюда».—Да ты, моя милая, замерзнешь?—«Нѣтъ, нѣтъ; мнѣ подлѣ тебя будетъ тепло».— Конечно неимовѣрной, по нынѣшнимъ временамъ, поступокъ; но оный точно произведенъ въ дѣйствіе 16-ти лѣтнею иностранкою, вырвавшеюся изъ рукъ родныхъ, въ домашнемъ платьѣ и въ одной мантиліи, рѣшившеюся съ мужемъ ѣхать въ изгнаніе за 2500 верстъ. До Славянки я былъ почти въ несомнѣнномъ надѣяніи, что насъ догонятъ и Лорхинъ мою отнимутъ; но, противъ чаянія, не только не было за нами погони, но и ночь въ семъ мѣстѣ мы провели довольно покойно.

Узнавши на другой день при выѣздѣ, что уѣхавшіе прежде меня мои товарищи, назначенные въ Тобольскъ, тутъ же ночевали, мы соединились съ ними, и такъ неразлучно продолжали наше путешествіе до Казани. Описывать города и мѣста, на сей дорогѣ лежащіе, я не считаю нужнымъ, поелику они довольно извѣстны; приключеній съ нами, заслуживающихъ вниманія, также не случилося. Мы ѣхали почти по своей волѣ, довольно покойно; ибо не проѣзжали въ день болѣ 50 верстъ.

Въ Казани мы должны были разлучиться и разстались съ искреннимъ сожалѣніемъ, какъ родные братья, не надѣясь нигдѣ уже видѣться, развѣ только въ вѣчности. Въ любезномъ моемъ Соколовѣ я лишился друга, собесѣдника, утѣшителя и что̀ всего важнѣе, въ самой его бѣдности, моего благотворителя. Мы всѣ вывезены изъ Петербурга весьма не съ грузными карманами: у меня было 14, у Лорхины какъ-то случилось на тотъ разъ 7 рублей, и мы были богатѣйшіе. Съ первыхъ дней надобно было купить кое-что необходимѣйшее; для сего въ Новгородѣ же издержано около десяти рублей. Посему къ Москвѣ оставалось у насъ уже весьма немного, и по уваженію, что мы долженствовали еще проѣхать болѣе 1500 верстъ, издержки свои мы крайне убавляли. До Москвы, имѣя на каждой станціи порядочныя, по крайней мѣрѣ просторныя кибитки, мы помѣщались въ нихъ безъ дальняго стѣсненія; но проѣхавши Москву, когда долженствовали мы ѣхать на крестьянскихъ подводахъ, тутъ не только кибитокъ, да и саней порядочныхъ нельзя было имѣть. Тогда мы начали испытывать крайнее утѣсненіе, особенно бѣдная Елеонора Карловна, будучи за половину беременна. Въ городѣ Покровѣ, остановившись обѣдать, когда я, не имѣя никакого средства пособить реченному негодью, старался ободрять мою жену къ терпѣнію, Соколовъ отлучился изъ горницы и, чрезъ четверть часа возвратясь, говоритъ мнѣ: «Я сыскалъ изрядную кибитчонку и недорогую; вели, братъ, укласть въ нее

все свое; Елеонорѣ Карловнѣ будетъ въ ней покойнѣе».—«Другъ мой сердечный, и недорогую мнѣ нечѣмъ заплатить».—«Да она уже заплачена».—«Какъ! Ты, не имѣя самъ необходимѣйшаго?»—«Пустое, братъ, полтора рубля еще у меня осталось, а пять копѣекъ царицыны». Кибитка заплачена четыре рубля съ полтиною. И такъ сей добрый человѣкъ имѣлъ всего шесть рублей и отъ тѣхъ три четверти посвятилъ терпящему человѣчеству. О вы! Кузмичи, Ильичи, Андреичи, Фалалеичи, и вы всѣ любимѣйшіе чада Плутуса, всѣ милліоны свои нажившіе самыми благонамѣренными средствами, кто отъ кабаковъ, кто отъ промысловъ, кто отъ подрядовъ, кто отъ закладовъ, скажите по совѣсти: въ состояніи ли кто нибудь изъ васъ тысячною частицею своихъ сокровищъ пожертвовать для нужды ближняго? Да вы подумаете, а можетъ быть и скажете: «развѣ мы не жертвуемъ на пользу общую?» Знаемъ, знаемъ: иной отъ двухъ милліоновъ даже до двухъ десятковъ тысячъ, и въ то время, когда бѣднякъ, поднесши свой рубль, отдалъ половину своего имущества. Но вы христіане, Евангеліе должно быть вамъ знакомо, припомните вдовицины два лепта и устыдитесь предъ Соколовымъ.

Отъ Казани дорога къ Оренбургу, особенно переѣхавши Каму, почти вся заселена Татарами. Первый ночлегъ имѣвши у торговаго Татарина, мы не могли довольно налюбоваться чистотою и опрятностію особо намъ данной комнаты: диванъ покрытый коврами и мягкими подушками, полъ устланный кошмами; къ тому предложены симъ хозяиномъ чистый бѣлый хлѣбъ и весьма хорошее свѣжее коровье масло, заставили возъимѣть насъ о Татарахъ самыя выгодныя мысли. На другомъ однакожъ ночлегѣ все другое уже намъ представилось: изба мокрая, смердящая самою отвратительною вонью, окны плевою бараньею обтянутыя; стужа, по причинѣ неимѣнія сѣней, прямо врывавшаяся въ избу; къ тому видѣнное нами гадкое стряпанье и нелюдимость хозяевъ, все сіе такъ невыгодно поселило Татаръ въ моихъ мысляхъ, что, тридцать лѣтъ живши между ими, никогда не могъ себя принудить даже отвѣдать ихъ пищи.

7-го Февраля прибывши въ Бугульму, первый Оренбургской губерніи городъ, узналъ, что губернаторъ Рейнсдорпъ, къ которому я былъ адресованъ, умеръ, и что его должность занята вице-губернаторомъ княземъ Хвабуловымъ: извѣстіе для меня немаловажное, поелику я зналъ, что г. Рейнсдорпъ былъ человѣкъ умный и добрый. Въ семъ вшивомъ городишкѣ воевода отнялъ у меня мою гвардію, препровожденіе мое поручивши одному старому солдату. Правда, сей добрый старикъ иногда помогалъ моей нуждѣ.

16 Февраля, въ сыропустное заговѣнье, пообѣдавши въ Сакмарскѣ, пустились мы къ Оренбургу. Проѣхавши Каргалу и приблизившись къ 9 верстѣ, открылась мнѣ необозримая равнина, покрытая снѣгомъ, не имѣющая не только деревъ или кустовъ, ниже какихъ-либо видныхъ изъ подъ снѣгу растеній. На правой сторонѣ видно было кругловатое возвышеніе; съ лѣвой—два довольно высокихъ хребта; впереди городъ Оренбургъ, какъ груда собранныхъ въ одно мѣсто церквей и колоколенъ. При первомъ обозрѣніи сердце затрепетало и мысли

сказали: «вотъ твое жилище и гробъ!» По мѣрѣ приближенія, городъ прибывалъ въ окружности, но терялъ въ видѣ; ибо его стѣны, съ сея стороны одѣянныя камнемъ и отъ времени почернѣвшія, казались къ бѣлизнѣ снѣга весьма страшными, что̀ воображеніе несчастнаго узника еще больше усиливало.

Проѣхавши вороты, увидѣли мы прямую длинную улицу, загроможденную катальщиками всѣхъ званій, такъ что по ней проѣхать никакъ было нельзя. Посему боковыми улицами пробрались мы кой-какъ до постоялаго двора и, тутъ помѣстясь въ заднемъ уголку, провели мы вечеръ самый немасличный, ибо радость и веселіе отъ насъ были весьма далеко.

На другой день съ алгвазиломъ отправились мы къ г. вице-губернатору. По долгомъ въ пустой передней ожиданіи, позвали меня въ комнату. Его сіятельство лежалъ на софѣ; предъ нимъ съ бумагами стоялъ секретарь. Едва вскинувши на меня взоръ, спросилъ секретаря: что̀ съ нимъ дѣлать? Сей отвѣчалъ ему нѣсколько словъ. Князь сказалъ мнѣ: «Ступай, братъ, за нимъ».—«Ваше сіятельство, до сегодняшняго дня я получалъ казенное содержаніе; теперь какъ изволите приказать?»—«Ты присланъ сюда на житье, а о содержаніи твоемъ ничего не сказано».—«Чѣмъ же я буду жить, ваше сіятельство?»—«Будешь сытъ, было бы что ѣсть». Сіи жестокія слова сказалъ онъ не отъ жестокосердія, но въ шутку, какъ то послѣ учиненными отъ него мнѣ многими милостями оказалось.

Сей день я долженъ былъ весь просидѣть въ Губернской Канцеляріи, пока совершались приказные обряды касательно помѣщенія меня въ число жителей Оренбургскихъ, разумѣется несчастныхъ. Къ вечеру отвели мнѣ въ небольшой улицѣ, въ мизерномъ домикѣ, маленькую горенку, довольно чистую и теплую, приказавши хозяевамъ со мною обходиться ласково.

Оставшись одинъ съ женою и чувствуя себя послѣ 18 мѣсячной неволи впервое безъ надзору, я ощутилъ было сначала нѣкоторую пріятность; но, взглянувши на брошенные въ уголъ наши бѣдные пожитки, видя мою несчастную Лорхинъ въ задумчивости, сообразивъ бѣгло, гдѣ я и что̀ я, грусть мгновенно сжала мое сердце. Жена, примѣтивъ мое уныніе, подошла ко мнѣ и своимъ ангельскимъ взоромъ и нѣжнѣйшими ласками разогнала весь мракъ моея души. «О чемъ, мой другъ, тужишь? Теперь мы, слава Богу, вмѣстѣ; никто не помѣшаетъ намъ быть неразлучными; мы станемъ работать, будемъ веселы и счастливы».—«Работать? отвѣчалъ я смѣючися; но я ничего не умѣю, а ты не сможешь».—«Научимся, мой другъ, научимся». И послѣ сихъ словъ принялась улаживать наше житье, чѣмъ и меня заохотивши себѣ помогать, гореванье мое весьма облегчила. О, въ сихъ единственно случаяхъ, т. е. въ порядочномъ несчастіи, можно только узнать—что̀ есть, добрая, нѣжная жена.

Хозяйка простая, даже глупая, но добрая крестьянка, вышедши къ намъ, спрашивала: не угодно-ли намъ чего поѣсть, расхваляя свою капусту, рѣдьку, огурцы и прочее, употребляемое въ великой постъ. Поблагодаривъ за ея предложенія, мы распросили кое-что о городѣ

и, узнавши, что городъ, по тогдашнимъ торгамъ, снабденъ былъ достаточно всякими товарами, съѣстные же припасы даже были весьма дешевы, мы сожалѣли о нашемъ недостаточномъ состояніи, но получили нѣкоторую надежду.

Разбирая нашу бѣдную рухлядь, мы неожиданно увидали двѣ пары новыхъ шелковыхъ чулокъ, завалившихся въ моей укладкѣ. Какъ мы обрадовались оба сей находкѣ! Мы тотчасъ назначили ихъ быть проданными для нашего содержанія. Позвана хозяйка, взялась продать, но боялась быть обманутою, ибо такихъ вещей никогда не видала. Успокоили ее всевозможно; согласилась, но сказала, что базаръ бываетъ послѣ обѣда; а у насъ къ завтрему ни копѣйки; обѣщала ссудить четвертью рубля; просили купить по утру для насъ говядины и хлѣба. И такъ первый вечеръ прошелъ.

На другой день хозяйка приноситъ на десять копѣекъ говядины, предовольно для горячаго и изжарить; за пять копѣекъ бѣлаго хлѣба на три дни; словомъ, обѣдъ изобильный. Лорхинъ занялась стряпнею; я пошелъ къ князю на дворъ, узнавши, что у него есть учитель для дѣтей Французъ. Тутъ принятъ былъ я довольно ласково. Учитель изъ чадъ Гаронны, старикъ вызванный въ Россію для поселенія, не умѣвши совладѣть съ нашею землею, рѣшился лучше обработывать умы и сердца молодыхъ дворянъ; рѣшился и успѣлъ: ибо имѣлъ мѣсто, приносящее ему 500 р. годоваго жалованья и все содержаніе. А какъ воспитывалъ? Чему училъ? О! это дѣло совсѣмъ было ему чуждое. Въ сей домъ для дѣтей надобенъ былъ Французъ; онъ Французъ, и по рукамъ!

Почто забавляться на твой счетъ, любезный, простосердечный, въ тогдашнемъ смыслѣ, истинный гусаръ, князь Матвей Аѳанасьевичъ? Не ты сіе затѣялъ: ты только послѣдовалъ десяти тысячамъ глупцовъ, ловившихъ въ перехватъ всѣхъ бродягъ Французскихъ для воспитанія своихъ чадъ.

Старикъ Ганіо, хотя истинный мужикъ, но по мѣрѣ просвѣщенія его отечества, держался въ семъ домѣ довольно изрядно: для дѣтей онъ былъ угодливая нянюшка, для князя забавникъ. Обошедшись со мною ласково, онъ хотѣлъ сказать князю, что я знаю пофранцузски и что меня можно рекомендовать въ какой нибудь домъ учителемъ. Лишенный всѣхъ средствъ къ существованію, я согласился на предлагаемое, предоставляя случаю весь успѣхъ онаго. Возвратясь, я нашелъ мою милую Лорхинъ ожидающую меня съ обѣдомъ. Какой обѣдъ, мой Боже! Глиняная посуда, деревянная ложка; но мы ѣли тогда съ охотою, со вкусомъ, приправляя все сладостными мыслями, что мы вмѣстѣ, никѣмъ болѣе не надсматриваемся. Послѣобѣденное время провели въ разговорахъ, въ ласканіяхъ одинъ другаго; словомъ, наиприятнѣйше. Къ вечеру хозяйка наша принесла намъ 3 р. 80 к. денегъ. Сумма, какой давно уже мы не имѣли въ своихъ рукахъ. За двое новыхъ Туринскихъ чулокъ 3 р. 80 к.! Слава Богу и за тѣ.

На другой день Лорхинъ была у дочери князя; возвратясь, не могла довольно нахвалиться привѣтливостію и добродушіемъ милыя княжны. Она, узнавши отъ Ганіо, что я говорю пофранцузски, хотѣла сама постараться сыскать намъ мѣстечко.

Сей день проведенъ какъ вчерашній, но ночью моя бѣдная подруга занемогла нешуточно. Безпокойствія въ дорогѣ и другія потрясенія повредили несчастное твореніе, носимое ею подъ сердцемъ. Она начала чувствовать страшное мученіе, продолжавшееся чрезъ весь день и которое не инымъ кончилось, какъ рожденіемъ мертваго ребенка.

Спустя нѣсколько времяни, князь, призвавши меня, говорилъ: «Я слышалъ, ты мастеръ пофранцузски, и еще кое-что знаешь? Сходи къ маіору Рыбкину; скажи, что я тебя прислалъ». — «Ваше сіятельство, я говорю пофранцузски и еще знаю нѣкоторыя науки, но учителемъ быть я никакъ не готовился». — «Экой ты чудакъ; вѣдь ты говоришь пофранцузски: такъ мудрено ли учить дитя азбукѣ? Ступай, знай; да смотри, не плошай; онъ скупъ, какъ Жидъ!»

Пришедши къ сказанному господину, я встрѣченъ былъ довольно ласково отъ него и его супруги. Оба мнѣ обѣщали свою высокую милость, естьли я буду стараться прилежно учить ихъ Катиньку. Представленный къ дочкѣ, я нашелъ ее за Французскою азбукою въ складахъ. Попросивши меня прослушать ее, родители удалились, и я принужденъ былъ часа два заняться преинтересными складами. Наконецъ явился отецъ, спрашивалъ: «понятна ли Катенька и не забыла ли задовъ?» Я отвѣчалъ: «о понятіи на первый разъ не могу сказать ничего худаго; забыть же ей почти нечего, ибо она только лишь выучила азбуку». Г. маіоръ, входя къ женѣ, приказалъ подать мнѣ рюмку водки и просилъ, чтобы я каждый день до обѣда приходилъ учить Катеньку. О награжденіи онъ ни слова, а я какъ-бы это смѣлъ начать?

Князь, по добротѣ своей души, сердился, что началъ я учить безъ договору; я по мягкости моей каждый день собирался о семъ предложить, и все молчалъ; Рыбкинъ по жестокости своей молчалъ также, надѣясь—ничего, или по крайней мѣрѣ, весьма мало платить. Такъ протекло около двухъ недѣль, и я начиналъ чувствовать въ самомъ необходимомъ прекрайнюю нужду.

Не знаю, чѣмъ бы сіе кончилося, ежели бы Богъ не явилъ мнѣ неожиданно Своея милости. Въ обѣдъ одного дня, я потребованъ къ князю. Время необыкновенное заставляло догадываться о чемъ нибудь важномъ. Вхожу, князь съ веселымъ лицемъ говоритъ: «Съ Рыбкинымъ, братъ, ты не сладишь; ступай-ка къ здѣшнему откупщику на дворъ теперь же; спроси тамъ Астраханцова и скажи ему, что я тебя прислалъ. Завтра же поутру явись ко мнѣ непремѣнно съ отчетомъ, что́ тамъ будетъ».

Откупщиковъ нашелъ я за благословенною трапезою. Человѣкъ распудренный въ прахъ, сидѣвшій въ заглавіи правой стороны, сказалъ мнѣ: конечно вы отъ его сіятельства? и просилъ тотчасъ садиться съ ними обѣдать. Увернуться было нельзя; сѣлъ и, окинувши взорами честную бесѣду, увидѣлъ, что оная составлялась изъ двухъ пудреныхъ, нѣсколькихъ бородатыхъ, нѣсколькихъ съ пучками, большой частію стриженныхъ—и ихъ дражайшихъ половинъ. Столъ преизобильно покрытъ былъ лучшими рыбами, кашами, пирогами, кулебяками и прочимъ благочестивымъ кормомъ. Запивая пивкомъ, мед-

комъ и наливками. Послѣ обѣда г. Астраханцевъ ввелъ меня въ свое жилище. Онъ-то былъ распудренный, краснорожій, съ вытяжкою произносящій свои глаголы, главный и важнѣйшій всего откупа повелитель. Потребовавши, чтобы я что нибудь написалъ, хотѣлъ еще знать, могу ли я сочинять? Для опыта далъ мнѣ прочесть небольшую бумагу и велѣлъ по оной написать къ г. губернатору прошеніе. Сочиненіе одобрено въ полной мѣрѣ, и изъ разговора можно было заключить, что онъ, зная порусски плохо читать и писать, слыхалъ о краснорѣчіи и любилъ высокопарныя рѣченія, предложилъ мнѣ должность заниматься однимъ сочиненіемъ просьбъ и его собственною перепискою, словомъ: я принимался къ нему секретаремъ. Жалованья предложилъ онъ мнѣ на первой случай 200 р. въ годъ и 100 р. на квартиру, прибавивъ къ тому, ежели имѣлъ надобность, получить, сколько угодно, впередъ денегъ. Я попросилъ 50 р., безъ прекословія выданы; и я въ вечеру, возвратясь домой, принесъ съ собою: голову сахару, фунтъ чаю, пять фунтовъ кофію и 45 р. 50 к. наличныхъ. Такая пріятная нечаянность много ободрила мою подругу. Мы, до сего видѣвши себя непрестанно подъ мрачными тучами, съ сего дня могли надѣяться иногда и вёдра.

На другой же день квартиру перемѣнили, дворовую Маріихинъ, колонистскую дѣвку, за 15 р. въ годъ наняли въ работницы, необходимѣйшимъ завелись и стали жить поопрятнѣе, ѣсть, пить вкуснѣе и спать покойнѣе.

Князь, узнавши о всемъ обстоятельно, сказалъ: «вотъ такъ-то, братъ, будетъ получше; да смотри, самъ не плошай»! *Не плошай,* — совѣтъ добрый, но коего я никогда не могъ употребить въ пользу: ибо къ сему требовалося болѣе досужности, пролазничества, безстыдства и прочихъ достохвальныхъ качествъ, способствующихъ, что̀ называется, къ наживѣ; а я ихъ начисто былъ чуждъ. Теперь, стоя у конца моего теченія и смотря на прошедшее время, заключающее въ себѣ множество различныхъ случаевъ и происшествій, вижу весьма ясно, что я могъ-бы, какъ и другіе, кое-чѣмъ для переду запастись, ежели бы рѣшился предъ богачами ползать, глупцамъ вторить, бездушниковъ хвалить, волокитамъ помогать и пр., весьма обыкновенное между всѣми лучшими нынѣшними людьми. Многіе, зная нѣкоторые случаи моея жизни, можетъ быть, называютъ меня дуракомъ, что я не умѣлъ воспользоваться своимъ временемъ; пусть и такъ: но подлецомъ, по справедливости, никто не можетъ меня назвать.

Проживши съ недѣлю съ моимъ Астраханцовымъ, написавши ему удачно нѣсколько бумагъ, пришелъ я у него въ такую милость, что онъ открылъ мнѣ всѣ важныя тайны откупа, т. е. что онъ въ разстройствѣ и въ казенномъ надзорѣ, по злоупотребленіямъ товарищей его хозяина, имѣющаго въ откупѣ семь частей; что онъ Астраханцевъ присланъ главнымъ управляющимъ отъ стороны хозяина, почему онъ неминуемо долженъ былъ завести приказную ссору, и для того онъ хочетъ меня имѣть собственно для его хозяина. Въ семъ расположеніи я самъ находилъ для себя болѣе выгодъ, ибо долженствовалъ угождать одному, а не троимъ.

Сіе не могло долго укрыться отъ товарищей, и я скоро почувствовалъ ихъ къ себѣ неблагопріязнь, хотя и нимало не могшую мнѣ вредить. Къ свѣтлому празднику, за написанную по вкусу моего принципала бумагу, я получилъ отъ него не въ зачетъ 50 р. Чрезъ сіе я могъ состроить себѣ новый сюртукъ; Лорхинъ также, хоть и неважныя, нѣкоторыя обновки. Къ самому празднику обослалъ насъ г. Астраханцевъ всѣмъ преизобильно, особенно что касается до піемаго.

Наставшу Маію мѣсяцу, когда кассиръ вопрошалъ: сколько мнѣ положено жалованья? Астраханцевъ далъ письменный приказъ: производить коммиссіонеру Винскому, изъ части его хозяина, по 400 р. въ годъ, безъ зачета выданныхъ 50 р. Такъ, я въ короткое время достигъ безбѣднаго содержанія, и съ сего времяни я жилъ въ полномъ удовольствіи. Но какая жизнь, когда я теперь объ ней вспомню! Быть ежедневно въ сообществѣ корчмарей, слышать непрестанно ихъ ссоры и раздоры, напиваться безъ вкуса по дважды въ день, а иногда и трижды; словомъ, быть настоящимъ ярыгою. Такъ провелъ я почти два года, и не могу сказать, что бы изъ меня вышло, ежелибы я долѣе оставался при семъ мѣстѣ.

Очередь дошла Оренбургскому краю быть причастну преобразованій: генералъ-поручикъ Якоби былъ назначенъ отъ Императрицы обозрѣть сію губернію и положить на мѣрѣ открытіе новаго намѣстничества. Сей чиновникъ, будучи уменъ, обходителенъ и въ дѣлахъ свѣдущъ, при первомъ своемъ пріѣздѣ въ Оренбургъ, имѣлъ съ собою много людей съ дарованіями, пріятнаго обхожденія, словомъ, людей весьма отъ Оренбургскихъ каторжныхъ жителей отличныхъ. Открытіе же въ Уфѣ намѣстничества еще болѣе доставило сему краю людей весьма порядочныхъ, такъ что грубость и скотство, прежде здѣсь господствовавшія, тотчасъ принуждены были уступить мѣсто людкости, вѣжливости и другимъ качествамъ, свойственнымъ благоустроеннымъ обществамъ.

Уфа, сдѣлавшись губернскимъ городомъ, наполнилась многими благородными семьями изъ другихъ мѣстъ, которыя, заѣхавши въ отдаленной пустой край, конечно во многомъ имѣли недостатокъ. Учители языковъ, особенно Французскаго, ставши за нѣсколько лѣтъ въ дворянскихъ домахъ необходимостію, были изъ первыхъ исканій сихъ заѣзжихъ господъ. Нѣкто г. Шишковъ, Ѳедоръ Яковлевичъ, по новому учрежденію губерній таможенный совѣтникъ, пріѣхавши въ Оренбургъ по своей должности и увидѣвшись со мною, какъ сослуживецъ въ Измайловскомъ полку и добрый человѣкъ, вошелъ искренно въ мое положеніе и, желая, сколько можно, улучшить мою участь, предложилъ мнѣ сдѣлаться домашнимъ учителемъ у одного его пріятеля, чиновника, живущаго въ Уфѣ.

Откупъ кончился, ссоры и всѣ кабацкія дѣла прекратились, жизнь моя корчмарская опостылѣла уже и мнѣ, а женѣ моей давно была несносна. Посему еще болѣе, дабы только выѣхать изъ ненавистнаго Оренбурга, я охотно согласился на предложеніе добраго г. Шишкова, предоставивъ его полной волѣ постановленіе за меня условій, что

онъ совершилъ какъ истинно-честный человѣкъ и мой благодѣтель. 9-го Августа 1783 отправился я изъ Оренбурга, а 13 былъ уже въ Уфѣ и помѣщенъ въ домѣ г. надворнаго совѣтника Николая Михайловича Булгакова.

Договоръ постановленъ былъ для двухъ дѣтей: учить Французскому языку, Географіи, Исторіи, Ариѳметикѣ, за то получать въ годъ деньгами 300 р. и все содержаніе со услугою и выѣздомъ для жены и меня. По счастію, дѣти, бывши на рукахъ Француза около года, еще изъ азбуки не вышли. Посему начать мою школу я могъ для себя съ честію, ибо грамматику я твердо еще помнилъ; начатки другихъ наукъ также еще были не забыты. Впрочемъ, уча, на досугѣ можно и самому учиться, что̀ точно со мною сбылося: ибо я, пробывши около 16 лѣтъ въ разныхъ домахъ учителемъ, ежели не выпустилъ своихъ учениковъ виртуозами въ наукахъ, за то самъ столько успѣлъ въ знаніи Французскаго языка, что могъ читать и переводить всѣхъ родовъ авторовъ безъ словарей.

Новая жизнь.

Въ порядочномъ дворянскомъ домѣ должно было непремѣнно перемѣнить образъ моей бывшей жизни, т. е. опрятнѣе одѣваться, ѣсть въ пору, пить въ мѣру, находиться чаще между порядочными людьми и такъ далѣе. Въ сей нѣсколько приневоленной перемѣнѣ я положилъ для себя обѣтъ: «недостающее во мнѣ для званія порядочнаго учителя пополнить прилежностію и истиннымъ усердіемъ во исполненіи сея должности». Могу похвалиться, что въ продолженіе во всѣхъ домахъ моего учительства, я точно не только не пропускалъ дней или часовъ, опредѣленныхъ для ученія, но отъ времени узнавъ легчайшіе или вѣрнѣйшіе способы къ преподаванію наукъ, я употреблялъ ихъ охотно, даже жертвуя собственными моими часами и занятіями. Я бы могъ здѣсь ясно доказать ничтожный способъ домашняго ученія, обыкновенно употребляемаго и пользу того, къ которому я, по усердію моему, добрелъ, но... пѣть глухимъ и картины показывать слѣпымъ тутъ не мѣсто; знающій же дѣло меня пойметъ. Кто отправлялъ мучительную учительскую должность, тотъ вѣрно знаетъ, что, выписавъ грамматику, разговоры, лексиконы и распорядивъ по нимъ уроки невеликая трудность, а только скука—просиживать въ школѣ часы съ учениками: обыкновенная метода иностранцевъ и нашихъ педантовъ. Но есть средство самое вѣрное и ученику полезное въ ученіи его языку, чрезъ чтеніе съ переводомъ и истолкованіемъ слога того языка и разности нашего. Въ семъ способѣ вся трудность учителю; поелику онъ долженъ не только съ усердіемъ, но и съ крайнимъ терпѣніемъ и снисхожденіемъ внушать ученику скучныя правила, не именуя ихъ, что̀ особенно трудно на первыхъ десяткахъ страницъ. Но я по опытамъ увѣренъ, что, прошедши такъ съ ученикомъ только четверть тома, онъ столько уже зналъ языкъ и его составъ, что ему можно было поручить тотчасъ переводы самыхъ трудныхъ авторовъ. Сей способъ для иностранцевъ совершенно невозможенъ, ибо онъ требуетъ отъ учителя знанія обоихъ языковъ всесовершенно.

Жизнь Русская домашняя.

Знавши до сего Русскихъ въ столицахъ или на улицахъ, теперь же начавши жить съ ними поближе и что называется въ ихъ домашнемъ быту, я многое увидалъ неожиданное и многое узналъ, чему бы никогда не повѣрилъ. Николай Михайловичъ Булгаковъ, его супруга Прасковья Михайловна, трое дѣтей и до 60-ти обоего пола челядинцевъ, составляли въ настоящемъ видѣ Русскій дворянскій домъ. Господинъ былъ за 40 лѣтъ, кротокъ, снисходителенъ, искателенъ, не корыстолюбивъ, хотя и не щедръ. Госпожа подъ 40 лѣтъ, ласкательна сначала безъ мѣры, искательна до низости, услужлива до подлости, завидлива, скупа, сварлива, тщеславна, болтунья, безстыдница и къ людямъ жестока. Дѣти, какъ избалованные барчата; сынъ Александръ 9 лѣтъ, истинный ососокъ; дочь Анна 15 лѣтъ, уже, что первое меня удивило, заглядывалась на мужчинъ; Аленушка 4-хъ лѣтъ съ рожкомъ во рту. Челядинцы, какъ и вездѣ, составляли домашній скотъ; одни приближенные, любимцы имѣли лучшее одѣяніе и содержаніе; другіе, назначенные работать руками и ногами, имѣли одно нужное, и то бережливо.

Госпожа управляла домомъ самовластно, или лучше самовольно. Управленіе сіе, во всѣхъ подробностяхъ, есть дѣло довольно любопытное, ибо тутъ непрестанно незнаніе сражается съ невѣжествомъ. Сколько меня сначала удивляло: «не дѣлай своего хорошаго, дѣлай мое худое» — обыкновенный Русскаго дворянства отвѣтъ на представленіе своего холопа! Хозяйство Русской домоводки состоитъ все изъ самыхъ мелочей: на кухнѣ — масла, яицъ и другихъ припасовъ ежедневно издерживается втрое болѣе надобнаго, и отъ неумѣнья повара употреблять, и отъ привычки воровать, чему ни одна хозяйка воспрепятствовать, кромѣ крику и побоевъ, надлежащимъ образомъ не можетъ: ибо ни одна не познакомлена съ кухонными работами. И смѣшно, и жалко бывало смотрѣть споръ незнающей госпожи съ невѣжею поваромъ. Сія кричитъ: «у тебя сегодня соусъ былъ «совсѣмъ нехорошъ».—«Не хорошъ, сударыня, да чѣмъ же?»—«Ещебъ «я знала чѣмъ? Не хорошъ, скверенъ, тебѣ говорятъ: вотъ я тебя, «каналью, научу».—«Воля ваша, сударыня, а я лучше не умѣю». — «Еще ты смѣешь говорить! Развѣ даромъ за тебя деньги платили?»— «Большія, сударыня, деньги 15 р., да тому же болѣе уже 30 лѣтъ; «тогда и не слыхать было о такихъ кушаньяхъ, какихъ ты изволишь «требовать».—«Разговорился, бестія?» — «Воля твоя, сударыня, вѣдь «мнѣ скоро 60 лѣтъ; я же человѣкъ ломанный, пора бы отставить».— «А вотъ я тебя отставлю, забудешь ты противъ барыни ротъ разѣ-«вать». Счастливъ, когда таковыя бесѣды угрозами кончатся.

Законъ, запрещающій дворянскимъ людямъ ни въ какомъ случаѣ не имѣть голоса противъ своихъ господъ, дѣлаетъ ихъ истинными безотвѣтными скотами, покорность коихъ посему дальше всякія вѣроятности, какъ и звѣрство ихъ властелиновъ. Надобно быть допущену во внутренность домовъ дворянскихъ, и самому не быть посему Русскимъ, дабы видѣть всѣ своевольства ежедневно въ сихъ

вертепахъ. Я началъ мое ознакомливаніе съ домами точно не въ худшемъ, и по совѣсти не могу сказать, чтобы я, гдѣ ни жилъ, видѣлъ тиранства, творимыя у Михаила Васильевича Матюниныхъ и ихъ сестрицъ; но съ чистосердечіемъ долженъ написать, что и въ семъ домѣ за малѣйшіе проступки, часто по одному своенравію госпожи, лилась кровь несчастныхъ. Помѣщенный въ главномъ корпусѣ дома, такъ что однѣ только узенькія сѣни отдѣляли меня отъ комнатъ хозяйки, я невольно долженъ былъ видѣть или слышать экзекуціи, всегда отправляемыя въ сѣняхъ въ присутствіи госпожи.

Распространяться о проступкахъ нѣтъ надобности: всякъ знаетъ, что предъ господиномъ, чтó ступилъ, то провинился и за все наказывается; важнѣйшими однакожъ всегда почитаются волокитство и домашняя кража. Крайнее удивленіе возбуждается въ иностранцѣ истребленіемъ по дворянскимъ домамъ челядинцами посуды и другихъ вещей. Они все бьютъ, ломаютъ, теряютъ, будто на подрядъ; а глупые хозяева довольствуются однимъ лишь за то наказаніемъ.

Надзоръ за комнатными дѣвками есть первая заботливость госпожи. Малѣйшее сихъ несчастныхъ поползновеніе, даже ничего не значущая игра, никогда не прощается; яснѣе же доказанное преступное дѣяніе, кромѣ истязаній тѣлесныхъ, во всѣхъ благочестивыхъ домахъ наказывается выдачею несчастныя преступницы въ замужество за какого нибудь урода. Сколько разъ я бывалъ заступникомъ, ходатаемъ за таковыхъ несчастныхъ, и всегда почти безуспѣшно, ибо у благочестивыхъ барынь сей проступокъ безъ помилованія.

Кража домашняя, особенно господскаго и бездѣльнаго, розыскивается, взыскивается и наказывается со всею жестокостію; но украденное на сторонѣ всегда почти укрывается.

Первый годъ моего житья съ Русскими для меня былъ весьма тяжелъ, ибо сколько уже ни испорченъ я былъ въ моей нравственности, но обхожденія и всѣ пріемы Русскихъ заставляли меня, особенно мою бѣдную Лорхинъ, много переносить непріятностей. Въ Русскомъ домашнемъ съ посторонними обхожденіи множество случается мелочей по скупости, или по глупости, которыя щекотливаго человѣка ежедневно станутъ выводить изъ терпѣнія. Не жившій съ Русскими ослѣпится первыми ихъ пріемами и ласковостями; но не пройдетъ двухъ недѣль, и все сіе воспріиметъ совершенно иной видъ. Скоро предупрежденіе замѣнится упорнѣйшимъ невниманіемъ, ласки угрюмостію, угожденія отказами и пр. Челядинцы съ первыхъ дней начинаютъ творить всевозможныя пакости. Они въ каждомъ домѣ, составляя для своихъ выгодъ братство, всякаго посторонняго опасаются и потому стараются ему всегда досаждать. Пріобрѣсть же ихъ приверженность почти ничѣмъ нельзя; ибо сколько они ни корыстолюбивы, но вѣроломны еще болѣе.

Хотя распуста мною владычествовала еще полновластно, хотя многіе вечера и свободные дни провождалъ я въ нѣсколькихъ домахъ, какъ и прежде, въ діонисіякахъ и карточной игрѣ: со всѣмъ тѣмъ учительская должность, требующая нѣкотораго рода степенности, расшевеливая и временами смачивая засохшія въ сердцѣ моемъ сѣмена

Малороссійскаго воспитанія, тѣмъ пособствуя имъ кой-гдѣ возникать, возродила во мнѣ пристрастіе къ двумъ занятіямъ, ставшимъ наконецъ истиннымъ посредствомъ для сбереженія моего здоровья и для обработанія моея нравственности. Дабы не сидѣть праздно-скучно въ классѣ, пока дѣти учили уроки, я началъ читать книги, сперва, какъ и многіе, только чтобъ убивать время; но книгами не всегда можно шутить: онѣ часто или тихонько закрадываются, или насильно втискиваются въ человѣческое сердце, разумѣется однако *человѣческое*. Начавшій тогда выходить въ свѣтъ *Всемірный Путешествователь* зажегъ во мнѣ любопытство. Блаженъ, чье сердце способно принять сію божественную искру, и преблаженъ, кто, воспламеняемый симъ священнымъ огнемъ, нападетъ самъ собою, или наведенъ будетъ добрымъ человѣкомъ любопытствовать, то есть научаться одному полезному. Къ несчастію рода человѣческаго, дщери ада, изувѣрство и ложная политика, умѣли столько засыпать гибельными мнѣніями правила чистыя нравственности, что одни счастливые и отлично прозорливые смертные могутъ ихъ отличить отъ лжей, безстыднѣйше выдаваемыхъ за истины.

Продолжая чтеніе, я скоро примѣтилъ, что въ Россійскихъ книгахъ много недоставало для удовольствованія моего любопытства, и для сего началъ знакомиться съ Французскими. По счастію у г. губернатора имѣлась богатая библіотека, и онъ благоволилъ дать мнѣ позволеніе ею пользоваться. Первый Вольтеръ заохотилъ меня читать и разсуждать. Занимательный слогъ, важность вещесловія, смѣлыя истины, тотчасъ мною переведены и сообщены знакомымъ, какъ новость. Похвалы, благодарность болѣе и болѣе заставили упражняться въ переводахъ, а симъ самымъ пріобрѣталась нравственность, ибо писать и бражничать—сладить было никакъ нельзя. Славолюбіе есть одна изъ дѣятельнѣйшихъ сердца человѣческаго пружинъ; умѣй только ее трогать, и она произведетъ неимовѣрное.

Къ сему времени случай доставилъ мнѣ знакомство почтеннаго Александра Ивановича Арсеньева, дворянина отличныхъ достоинствъ по уму и добротѣ сердца. Онъ, получивши превосходное воспитаніе и достаточное наученіе въ родительскомъ домѣ, потомъ усовершенствованный долговременнымъ пребываніемъ при своемъ дядѣ, бывшемъ министромъ въ Англіи, употребленный отличительно при посольствѣ князя Репнина, состоялъ тогда по военной службѣ подполковникомъ. Ни одного изъ Русскихъ не зналъ я, кто бы, какъ г-нъ Арсеньевъ, живши весьма долго между иностранцами, болѣе привerженъ былъ къ своему Отечеству и любилъ его страстнѣе, хотя и весьма не принадлежалъ къ тому безмѣрному скопищу, гдѣ Русскій дымъ называется сладкимъ, какъ благовоннымъ. Сей благородный человѣкъ, по благодушію своему, занялся образованіемъ моего невѣжества, какъ благодѣтель ближняго. Около года имѣлъ я счастіе почти ежедневно пользоваться его бесѣдою; онъ-то одобрилъ меня заняться переводами важнѣйшими; его: ed io correggio suo pittore навсегда врѣзаны въ моемъ сердцѣ. Онъ мнѣ, между прочимъ, говаривалъ, что авторы въ Европѣ, особенно Французскіе, начали въ сіе время выда-

вать свои сочиненія подъ названіями странными и что любопытнѣйшее по большей части можно находить въ такихъ книгахъ.

По отбытіи уже его изъ Уфы, увидѣвши въ каталогѣ книгу подъ названіемъ L'an 2400, я тотчасъ ее выписалъ. Съ первыхъ главъ: Сонъ, Грёза обезахотили было меня заняться сею книгою; но, прочитавши внимательнѣе приношеніе самому лѣту, я ощутилъ въ душѣ моей неизъяснимое влеченіе полюбить сего смѣлаго сочинителя, твердаго поборника истины и неустрашимаго защитника правъ человѣчества. Съ сего времени сей знаменитый писатель и ему соотвѣтствующіе сдѣлались моими любимѣйшими авторами. Имъ однимъ обязанъ я благодарностію вѣчною за небольшое количество знаній, мною пріобрѣтенныхъ, особенно за возвращеніе на путь чистыя нравственности, отъ котораго я былъ уже столь удаленъ.

Переводы мои, сообщаемые моимъ знакомцамъ, доставляли мнѣ лестную награду похвалами и благодарностію. Я ожидалъ было лучшаго, т. е. что читающіе ихъ хоть столько же ими воспользуются, сколько я, и для сего надрывался выбирать любопытнѣйшее и трудился, точно, нелѣностно. Къ несчастію, долженъ признаться, что ожиданіе мое едва ли имѣло въ комъ успѣхъ; по меньшей мѣрѣ скажу, не хвастаясь, что я имѣлъ удовольствіе видѣть предлагаемые мнѣ мои собственные переводы за новинку, вывезенные изъ средины Сибири; въ Симбирскѣ же и въ Казани они весьма многимъ были извѣстны.

Страннымъ, можетъ быть, покажется читателю, что я со вторичнаго моего изъ Малороссіи выѣзда ни единожды не упомянулъ о моихъ родственникахъ. Вина сего молчанія—неимѣніе ничего важнаго по сей части къ сообщенію; къ тому какъ мать моя, во время нахожденія моего подъ судомъ, скончалася, я сталъ какъ бы чужой моимъ роднымъ, или лучше, моей сестрѣ, которая, по смерти нашей матери, закусивши удила и загнавши своего бѣднаго мужа въ Черниговъ судействовать, пустилась безъ оглядки своевольничать. Я и теперь не упомянулъ бы о семъ, ежели бы сестрица моя не сыграла мнѣ самой досадной шутки, во время пребыванія моего въ домѣ г. Булгакова. Надобно знать, что мы, съ перваго года ея замужества, т. е. съ 1775 года, были съ нею не въ ладахъ: она кичилась своимъ полковничьимъ званіемъ, я защищалъ мое первородство, и такъ частехонько отъ споровъ доходили, по взаимной неуступчивости, до ссоры. Въ Петербургъ она ко мнѣ совсѣмъ не писала; правда, и я не исправнѣе ея былъ. По переселеніи въ Оренбургъ, я писалъ къ ней со всею возможною покорностію и униженіемъ, надѣясь возбудить въ ней сострадаціе; но на письма мои или отвѣчала сухо, или оставляла ихъ безъ отвѣтовъ; о пособіи же никогда и не думала. Такъ протекло пять лѣтъ моего заточенія, и я привыкалъ считать себя безроднымъ. Зимою въ 1786 году, отъ тогдашняго г. губернатора Квашнина-Самарина неожиданно получилъ я сестрино письмо и два имперіала. Въ письмѣ извѣщая, что она ѣдетъ въ С.-Петербургъ, требовала, чтобы я прислалъ къ ней въ Малороссію мою жену, которую намѣревалась она взять съ собою и употребить ее тамъ ко

испрошенію мнѣ свободы. Дѣло сіе, по моимъ тогдашнимъ обстоятельствамъ, было для меня самое тяжелое; но, повинуясь моей злой участи, собравши послѣднія крохи и съ помощію г. Булгакова, отправилъ я по назначенію мою бѣдную жену. Умалчивая, что она принята была весьма худо, еще хуже отправлена при обозѣ въ Петербургъ, скажу только, что сестрица моя, представивши одинъ только разъ ее графинѣ Апраксиной, потомъ совершенно бросила до того, что если бы не имѣла сія родныхъ, то и пріютиться ей было бы негдѣ. Окончила же сіе свое великодушное предпріятіе, оставивши мою бѣдную жену въ С.-Петербургѣ безъ денегъ, безъ покровительства, не сказавши ей о своемъ отъѣздѣ, ниже меня извѣстивши. Получивши о семъ увѣдомленіе отъ жены, ежели бы я не былъ увѣренъ въ ея истинной честности, я бы подумалъ, что она своимъ поведеніемъ довела сестру до такой жестокости; но пріѣздъ ея ко мнѣ пояснилъ все дѣло. Сестрица поступила тутъ какъ истинная своевольница, чуждая не только нѣжныхъ ощущеній сердца, даже не повинующаяся и пристойности. На три мои о семъ досадномъ происшествіи убѣдительнѣйшія просьбы не удостоила ни единымъ словомъ, чѣмъ и меня принудила было прервать съ нею всякое сообщеніе.

Оружейная охота.

Жизнь моя въ домѣ г. Булгакова, кромѣ изъясненныхъ выше небольшихъ непріятностей, впрочемъ была довольно сносна; ибо, не заботясь о ежедневномъ насущномъ, имѣя упражненіе, я возобновилъ еще для себя потерянную было забаву, именно оружейную охоту. Оренбургскій край, преизобилуя всѣхъ родовъ дичью, доставлялъ чрезъ сію охоту и для здоровья весьма полезное занятіе, и для моего лакомства изобильное удовлетвореніе. Могу по совѣсти похвалиться, что я въ 35-ти лѣтахъ моей жизни, можетъ быть, ни одного дня не прожилъ безъ дичины своего стрѣлянья, и что забава сія, послуживши къ поддержанію моего здоровья, доставляла мнѣ всегда немалое удовольствіе собственно само собою.

У насъ въ Россіи можно полагать только два рода охоты, т. е. оружейная и псовая. Звѣроловство и рыболовство суть промыслы. Оружейная охота, т. е. стрѣляніе дичи изъ ружей, противъ псовой или ловленія зайцевъ собаками, имѣетъ великія преимущества. Оружейный охотникъ, не могучи въ семъ дѣлѣ иначе дѣйствовать, какъ непосредственно самъ, ежели искусенъ въ стрѣльбѣ, имѣетъ право присвоивать себѣ нѣкоторый родъ искусства, доставляющаго, какъ и другія художества, своимъ производителямъ извѣстность, отличія. Псовый охотникъ въ своей ловитвѣ самъ собою ничего не значитъ, ибо догнать и поймать зайца не отъ него собственно зависитъ; слѣдовательно безъ личнаго искусства, какое право на извѣстность, еще больше на отличіе? Оружейная охота, по своему производству, есть самая простая, до того немногосложна и безубыточна, что ею можетъ пользоваться почти каждый гражданинъ. Псовая, напротивъ, сколько требуетъ приготовленій, разныхъ постороннихъ посо-

бій, столько издержекъ, что одни только богатые люди въ своихъ помѣстьяхъ могутъ ею, по Русскому обычаю, въ полномъ смыслѣ пользоваться. Стрѣлокъ, вздумавши позабавиться охотно, встаетъ тихо съ своей постели, на зарѣ выходитъ изъ дома безъ шума, проходитъ жительство, никого не обезпокоивая, ищетъ добычи, или легонько насвистывая, или тихо напѣвая пѣсенку; ходитъ по полямъ, лугамъ и лѣсамъ, не только не причиняя земледѣльческимъ нивамъ поврежденія, ниже дѣлая въ полевыхъ работахъ малѣйшую помѣху. Псовники, въ назначенный день для выѣзда на охоту, съ полуночи наполняютъ весь домъ шумомъ: клики людей, ржаніе коней, лай и вой собакъ, заставляя деревенскихъ отвѣтствовать тѣмъ же, разбужаютъ все живущее въ селеніи и, вынуждая къ тому же рыканіе испуганныхъ коровъ, блеяніе овецъ, визгъ свиней, плачъ дѣтей, вопли бабъ, составляютъ такой адской концертъ, который всѣхъ воробьевъ полусонныхъ выгоняетъ изъ гнѣздъ. При таковомъ всеобщемъ смятеніи охотники проѣзжаютъ деревню, гдѣ первая гоньба начинается за дворными собаками и терзаніемъ несчастныхъ овецъ и свиней, попадающихся на улицахъ. Чтó производится на мѣстахъ самыя охоты? Какой подымается тамъ крикъ, свистъ, хлопанье арапникомъ, ревѣніе роговъ! Какъ сей гамъ въ окрестности нѣсколькихъ верстъ наводитъ всему дышущему всеобщій трепетъ! Какая причиняется пагуба осеннимъ посѣвамъ и веннимъ всходамъ! Какъ вытаптываются луга! Все сіе потребовало бы особеннаго описанія; и все сіе, конечно, каждый псовникъ знаетъ, но не скажетъ. А чтó стоятъ бѣднымъ земледѣльцамъ, особенно коронным, отъѣзжія, чтó называются, дворянскія поля? Оружейный охотникъ, въ сотовариществѣ добрыхъ пріятелей (слуги въ ней, какъ товарищи, никогда не допущаются) весьма пріятно можетъ забавляться; ибо сія охота, при самомъ своемъ производствѣ, не отнимаетъ возможности бесѣдовать даже объ важныхъ дѣлахъ; но онъ ничуть не имѣетъ непремѣнной надобности въ товарищахъ: поелику, дѣйствуя самъ собою, онъ всегда достаточенъ одинъ для своего дѣла. Псовый, напротивъ, одинъ и самъ собою почти ничего не можетъ сдѣлать. Товарищество ему необходимо, изъ котораго для труднѣйшихъ производствъ обыкновенно назначаются слуги. Бѣднѣйшій господинъ долженъ для охоты имѣть ихъ при себѣ не меньше трехъ, богатые держать десятки и сотни. Всѣ они, какъ охотники, не только участвуютъ въ самой забавѣ, но и при сужденіи и разговорахъ о травлѣ. Тутъ-то наблюдатель имѣетъ случай полюбоваться, глядя, какъ барская глупая надменность и жестокость якшаются съ холопьимъ подлымъ невѣжествомъ. Оружейная забава, по собственному своему производству будучи временна, по простотѣ своей не требуя излишнихъ заботъ, не отнимаетъ у благонамѣреннаго охотника ни времени, ни способовъ заниматься другими полезнѣйшими дѣлами, даже ученіемъ.—Псовая, продолжаясь цѣлые дни, недѣли, у многихъ мѣсяцы, по многосложности своей требующая много заботливости, по производству своему пріучающая къ праздности и пустословію, отвлекаетъ молодыхъ барчатъ отъ полезныхъ дѣлъ, поселяетъ въ нихъ

вкусъ къ молодечеству, т. е. къ буйству, наклоняетъ почти всѣхъ къ безженству; словомъ, дѣлаетъ ихъ совершенными негодяями, вредными себѣ, пагубными ихъ рабамъ, несносными даже знакомцамъ, ежели они не псовники. Оружейный, охотникъ ежели, какъ выше сказано, занимается другими полезными дѣлами, особенно ученіемъ, можетъ быть добрымъ мужемъ, нѣжнымъ отцомъ, вѣрнымъ другомъ, пріятнымъ собесѣдникомъ; словомъ, полезнымъ членомъ общества. Псовый, по сказанному же выше, чуждаясь всего дальняго, ученія же бѣгая, какъ опаснѣйшаго непріятеля своему пристрастію, никогда не можетъ быть добрымъ мужемъ, нѣжнымъ отцомъ; ибо сіи должности сами собою требуютъ важнаго занятія. Бесѣдовать же гг. псовники, кромѣ о своихъ собакахъ, ни о чемъ начисто не умѣютъ. Сколько разъ я бывалъ свидѣтелемъ, какъ иной, прилучившись въ порядочной компаніи, просиживалъ цѣлые дни, не вымолвя ни одного слова. Оружейный охотникъ, дѣйствуя самъ собою, не имѣетъ причины за какія-либо неудачи или ошибки на кого другаго сердиться, еще меньше взыскивать. Псовый же, ежели не гонятъ собаки, бранитъ псарей; ежели проглядятъ зайца, бѣсится на охотниковъ; ежели не лѣзетъ на него добыча, винитъ всѣхъ, и часто на мѣстѣ же несчастные получаютъ награжденія арапниками. Стрѣлокъ всей опасности подверженъ отъ одного ружья; но ежели онъ искусенъ въ выборѣ оныхъ, знающъ и осмотрителенъ при зарядахъ, то ему совершенно нечего бояться. Псовникъ, ѣздя всегда верхомъ, подверженъ непрестанной опасности и за самую лошадь, и еще болѣе по причинѣ рытвинъ, ямъ, водомоинъ, сурчинъ, пней, колодъ и пр., которыхъ онъ видѣть и уклоняться не всегда можетъ. Изо ста стрѣлковъ, можетъ быть, два-три были подвержены, въ ихъ жизнь, опасности; но изо ста псовниковъ вѣрно девяносто пять были не одинъ разъ на два перста отъ смерти. Заключу доказательнѣйшимъ: стрѣлокъ все то, что̀ можетъ только псовникъ своими собаками поймать, весьма легко получаетъ отъ ружья; но псовый охотникъ къ тому, что̀ пріобрѣтается ружьемъ, и примѣриться не смѣетъ.

Ревнивость.

Русскіе умствуютъ: *кто не ревнуетъ, тотъ не любитъ.* Сіе, по моему, самое плохое заключеніе, никогда не улаживалось въ моей головѣ. Ревновать значитъ подозрѣвать въ обманѣ такое существо, которое мнѣ любезно и самому унижать себя, т. е. думать про другаго, что онъ меня достойнѣе. Сія гнусная страсть никогда въ истинно-добромъ сердцѣ не можетъ помѣщаться. Я самъ никогда не испыталъ ея мученія, но безпокойствія претерпѣлъ отъ нея довольно.

Скоро по переселеніи моемъ въ домъ г. Булгакова, пріѣхала къ нему на житье его меньшая, недавно овдовѣвшая сестра Авдотья Михайловна, барыня молодая, любезная, кроткая, веселая, дружелюбная. Съ первыхъ дней жена моя съ нею подружилась, и я сему сердечно радовался: поелику связь сія для обѣихъ была весьма выгодна. Сдѣлавшись по добротѣ своей неразлучными, онѣ скоро возбудили

въ мерзкой душонкѣ хозяйки негодованіе, заставившее сію подлую женщину прибѣгнуть къ самымъ гнуснымъ средствамъ для разрыва сея связи.

Праздные часы, когда оставался дома, по большей части провождалъ и я съ ними, находя болѣе удовольствія у веселыхъ молодыхъ, нежели у брюзгливой бабы. Она, попытавшись нѣсколько разъ разрушить наше сообщество, то требованіями сидѣть у ней, то брюзжаніемъ, что мы шумно веселимся, то настоящимъ негодованіемъ, что мы всегда вмѣстѣ, рѣшилась на адское дѣло: поселить въ невинную душу моея жены ревнивость. Долго ей сіе не приносило желаемаго успѣха; ибо моя Лорхинъ, привыкши сказывать мнѣ обо всемъ, и первые пріемы госпожи Булгаковой пересказала. Почувствовавши, сколько зла можетъ произойти, ежели невинное сердце заразится сею мучительною страстію, я приложилъ всевозможное стараніе объяснить клевету и всѣ ея послѣдствія; усиливался, сколько умѣлъ, обнаружить злость клеветницы и, точно будучи ниже мыслію поползновенъ, я думалъ, что слова мои и поступь защитятъ насъ отъ сея напасти. Но, увы! злоба взяла верхъ надъ простосердіемъ; всѣ мои старанія, убѣжденія, доказательства сдѣлались тщетными: бѣдная Лорхинъ заразилась сею бѣдственною страстію, страдала и мучилась ею болѣе семи лѣтъ; ибо я, какъ истинно-безвинный, употребивши сначала всѣ способы къ ея излѣченію, но увидя упорность не внимать моимъ убѣжденіямъ, по крутости моего нрава, предоставилъ наконецъ все времяни, которое конечно ее исправило. Но чтó она претерпѣла? И сколько я перенесъ досадъ? Сіе однимъ намъ извѣстно.

Кромѣ сего досаднаго происшествія, жизнь моя въ домѣ г. Булгакова впрочемъ была довольно сносна. Ученіе, хотя не могу похвалиться, чтобы было завидное, имѣло однакоже свою пользу тѣмъ, что я, поступая искренно, не только никогда не внушалъ ничего дѣтямъ порочнаго, но старался всевозможно поселить въ нихъ человѣколюбіе, справедливость, безкорыстіе и другія нужнѣйшія для Русскихъ добродѣтели. Изъ сего дому перезванъ я былъ, за полгода до моего срока, въ домъ г. Левашова; оставилъ гг. Булгаковыхъ съ искреннимъ сожалѣніемъ, отъ ихъ стороны преущедренный благодареніями и обѣщаніями, чѣмъ вообще Русскіе весьма чтивы..... на словахъ, но не на дѣлѣ.

Четырехлѣтнее мое въ губернскомъ городѣ пребываніе сдѣлало великую перемѣну не только въ моемъ житьѣ, но и въ образѣ мыслей. Уничтожаемое положеніе и необходимость быть знакому съ порядочными людьми принудили меня жить благоразумно. Съ сего самаго времени я поставилъ себѣ правило: *быть всевозможно съ полиціею въ миру*, и могу похвалиться, что, исполнявши оное всегда старательно, я былъ всегда спокоенъ и лучшими людьми любимъ.

Чтеніе, переводы и бесѣдованіе съ знающими людьми, которыхъ на сей разъ въ Уфѣ находилось довольно, оживили сѣмена нравственности Малороссійской. Мнѣ не великаго труда стоило перемѣниться, ибо я природою былъ добръ, человѣколюбивъ, безкорыстенъ. Не

могъ еще совершенно побороть дурныхъ во мнѣ склонностей, какъ-то: мотовства, бражничества, безпечности; но буйство, грубіянство, низкія знакомства окончательно были прекращены. Сродная однако мнѣ неуступчивость не только не уменьшилась, но отъ времяни дѣлалась сильнѣйшею, чему виною было внутреннее чувство, подстрекаемое уже нѣсколько смѣлыми авторами, и что отъ меня требовали несправедливаго. Съ сего точно времени начало во мнѣ раскрываться мое природное свойство. Сколько я въ юношескихъ лѣтахъ любилъ, почиталъ и слушался людей умныхъ, знающихъ, добрыхъ: столько же и теперь прилѣплялся къ нимъ и искалъ ихъ благосклонности съ такою ревностію, что ее можно было назвать пристрастіемъ; за то невѣжи и злонравные были сердечно мною ненавидимы. *Несчастіе есть лучшій учитель*, я точно на себѣ испыталъ. Принужденный по моему униженному положенію быть въ обществѣ болѣе зрителемъ, нежели дѣйствователемъ, я непримѣтно сдѣлался физіономистомъ. Опредѣленный всякое дѣло, особенно сужденія другихъ, разбирать и опредѣлять въ одномъ себѣ, я нечувствительно навыкалъ заводить собственный свой судъ. Подкрѣпляемый чтеніемъ важныхъ книгъ, я немного затруднялся бесѣдою моихъ соотечественниковъ, открывая въ ней, съ нѣскольких словъ, всю сущность и мысли бесѣдующихъ. Мораль и политика были мои любимѣйшія занятія; метафизика же возбуждала во мнѣ непреодолимое отвращеніе. Поставивши непремѣннымъ правиломъ говорить только о томъ, что было извѣстно и справедливо, никогда я отъ онаго не отступалъ; и въ сихъ-то случаяхъ неуступчивость моя выходила, можетъ быть, за предѣлы.

Кто бывалъ допущенъ въ Русскія искреннія бесѣды и имѣлъ возможность дѣлать наблюденія, тотъ признается, что оныя состоятъ по большей части изъ повѣствованій. Десять и двѣнадцать человѣкъ обыкновенно слушаютъ одного разскащика. Вещесловіе всегдашнее въ деревняхъ: хозяйство, охоты, путешествія; въ городахъ: тоже, съ прибавленіемъ городскихъ и столичныхъ новостей. О политическихъ дѣлахъ говорятъ мало; но ежели случается собственная война, непрестанно и съ неисповѣдимымъ пристрастіемъ. При повѣствованіяхъ слушатели одобряютъ разскащика взглядами, улыбками, иногда и словами. При разсказываніяхъ, ссылки и повѣрки всегда бываютъ на бывалыхъ; никогда ни на одну книгу ни одинъ Русской не ссылается и ни одного автора не имянуетъ. Въ случаѣ возраженія подпираются сами собою, родными или ближними, отъ чего человѣку, знающему обхожденіе и вѣжливому, крайне затруднительно съ ними бесѣдовать. Дворяне почитаютъ невѣжество своимъ правомъ. Человѣкъ со свѣдѣніями не только не уважается, но, можно сказать, нѣкоторымъ образомъ обѣгается. Смотря по обстоятельствамъ, хотя и будетъ онъ терпимъ, но въ довѣренности не будетъ никогда. Сіе такъ далеко простирается, что иностранные учители, которыхъ берутъ для дѣтей въ дворянскіе домы, удобнѣе уживаются самые посредственные, даже невѣжи, лишь бы они умѣли поддѣлываться къ нравамъ хозяевъ, сносить ихъ шутки, часто весьма дерзкія, особен-

но находить вкусъ въ пищѣ и питьѣ домовомъ; а ежели рѣшаются еще постничать, суевѣрствовать, то симъ и цѣны нѣтъ. Посему человѣкъ съ обширнѣйшими знаніями, честнѣйшихъ нравовъ, деликатнѣйшаго обхожденія, никогда не удерживается у деревенскихъ дворянъ.

Что невѣжествующіе говорятъ иногда о дѣлахъ важныхъ, заводятъ споры и стоятъ крѣпко за свои мнѣнія, сіе, можетъ быть, свойственно всѣмъ народамъ; но Русскіе единственны тѣмъ, что учившіеся, въ молодости имѣвшіе достаточныя свѣдѣнія, начавши жить въ деревняхъ, ставши хозяевами, отцами, скоро привыкаютъ къ разговорамъ и мнѣніямъ своихъ сосѣдей, поставляютъ какъ бы зазорнымъ свои знанія и, въ случаѣ прѣній, всегда держатся стороны невѣжъ. На улику: «вы сами сему учились; вы знаете, что я говорю справедливо», и проч. не стыдятся отвѣчать: «мало ли, что̀ пишутъ ученые; что̀ лучше святой Руси!».

Живучи въ Уфѣ, мнѣ посчастливилось познакомиться съ весьма добрыми и умными людьми. Изъ нихъ же вѣчное мое напоминаніе о тебѣ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій другъ Петръ Ивановичъ Чичаговъ. Въ тебѣ я потерялъ одного совершенно моего единомышленника, сострадательнаго друга, честнаго и съ обширными знаніями человѣка. Миръ праху твоему! Приводя часто на память твою доброту, твою кротость, твою неизмѣнную чрезъ 20 лѣтъ со мною пріязнь, я всегда въ мысляхъ прибавляю: «аще забуду тебе, любезный Петре, забвенна буди моя душа». Не проходитъ, можетъ быть, ни единаго дня, чтобы я тебя не вспомнилъ; безъ тебя я сталъ истинный сирота. Нѣтъ ни единыя души, которую понимала бы моя; ниже единаго сердца, которое билося бы для моего. Съ какою горестію воспоминаю наши бесѣдованія о происшествіяхъ, начавшихся въ нашихъ глазахъ, отъ которыхъ надѣялись мы спасенія, счастія человѣческому роду, но, увы! все сіе, по отшествіи твоемъ, воспріяло новый видъ, или лучше: древнѣйшіе рода человѣческаго враги, самовластіе и суевѣріе, перемѣнивъ только одѣяніе и рѣчь, возложили снова чрезъ безумныхъ честолюбцевъ оковы рабствованія, еще тягчайшія прежнихъ, на выи глупой черни.

Благодареніе и тебѣ, любезный, добрый Миллеръ! Твоя дружеская улыбка, сотовариществовавшая всѣмъ твоимъ рѣчамъ, никогда для меня не перемѣнялася; и при послѣднемъ прощаньи, ты также дружески меня проводилъ, какъ за 20 лѣтъ до того встрѣтилъ. Гагемейстеръ не долго для меня жилъ, но много мнѣ добра желалъ. Вы всѣ уже давно въ вѣчности.

Не забуду никогда и живущихъ еще. Почтенный, искусный, человѣколюбивый врачь Занденъ. Тебя, благотворитель мой Степанъ Семеновичъ Андреевскій, который не только по искусству своему освободилъ меня отъ тяжкія болѣзни, но умными твоими сужденіями, безпримѣрною добротою твоея души, ускорилъ образованіе моея нравственности. Ты отъ благороднаго упражненія врачевать болѣзни тѣлесныя, перемѣстившись на лѣстницу службы гражданскія, по уму твоему и сердцу, можешь быть въ пространнѣйшемъ кругу благодѣ-

телемъ несчастныхъ; дай лишь Богъ, чтобы ты никогда не забывалъ: honores mutant mores, и чтобы скверная корысть не коснулась чистотѣ твоея души.

Кеслеръ и Рейнъ также мнѣ навсегда пребудутъ памятны; первый за любезность его нрава и трогательные тоны фортепіано; другой за сотовариществованіе мнѣ, или лучше, за возобновленіе во мнѣ любви къ стрѣльбѣ.

Изъ всей моей въ Оренбургской губерніи жизни Уфимская, въ разныя пріемы составляющая болѣе 12 лѣтъ, была для меня счастливѣйшая. Молодость, здоровье, беззаботливость, занятія разновидныя, полезныя, пріятныя; знакомства, особенно съ любезнымъ Чичаговымъ и весельчакомъ Кеслеромъ, точно доставляли мнѣ много пріятностей, и съ умнѣйшею поступью я конечно тутъ же бы могъ завести что нибудь для переду; но осужденный съ ребячества волочиться, я тащился за моею судьбою безпрекословно.

Оставивши Булгаковской домъ для г. Левашова, по сумбурству же его я принужденъ былъ отъ него отстать и, возвратясь въ городъ, жить на квартирѣ, исправляя въ домѣ г. Рычкова бродящаго учителя. Доходъ, правда, былъ не великъ, но знакомство и карточная игра пополняли недостатки. За годъ предъ симъ я началъ страдать головною болью, которая въ сію зиму такъ начала усиливаться, что я со всѣмъ моимъ о себѣ нерадѣніемъ, принужденъ былъ часто лежать въ постелѣ. Въ сію зиму почтенный штабъ-лѣкарь г. Андреевскій пріѣзжалъ изъ Челябы въ Уфу, дабы познакомиться съ докторомъ Занденомъ. Онъ, услышавши, что одинъ его землякъ несчастливъ и боленъ, тотчасъ по добродушію своему меня посѣтилъ. Сердечная его ласковость и искреннее участіе во мнѣ открыли ему всю мою душу. Изъ человѣколюбія захотѣвши быть моимъ благодѣтелемъ, сказалъ: «болѣзнь ваша можетъ быть очень важна; должно непремѣнно вамъ лѣчиться; но здѣсь ни время, ни мѣсто сего не позволяютъ; поѣдемъ со мною въ Челябу, я тамъ могу вамъ навѣрное пособить». Переѣздъ сей, по моимъ недостаткамъ, былъ совершенно для меня невозможенъ; на сіе онъ отвѣчалъ: «можетъ быть, возможность откроется».

Въ сіе время, недѣли уже съ двѣ, я долженствовалъ каждый почти вечеръ собесѣдовать въ Булгаковскомъ домѣ подполковнику Александру Павловичу Мансурову собственно для пикета. Сей господинъ, преисполненный добрыхъ и худыхъ качествъ, былъ мнѣ давно слегка знакомъ; на сей разъ, по причинѣ ипохондріи, не могучи сносить шумныхъ бесѣдъ, по родству Тимашевскаго дома, въ коемъ онъ былъ старинный другъ, съ домомъ Булгаковскимъ, всѣ почти вечера провождалъ въ семъ, гдѣ хозяйка также за болѣзнію никуда не выѣзжала. И для пристойности, и для занятія гостя любимою имъ игрою я былъ избранъ, какъ приверженецъ фамиліи. Бесѣда наша была самая пріятная: дочь, не выѣзжающая же для матери, кокетствовала; подполковникъ волокитствовалъ; мать закидывала тенеты; я, по разсѣянію сопротивника, пользовался игрою.

Въ первый вечеръ, по свиданіи моемъ съ Андреевскимъ, г. Ман-

суровъ, будучи очень веселъ, вдругъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе—ѣхать съ нимъ въ Челябу, гдѣ квартировалъ его баталіонъ. На отвѣтъ мой: что я обязанъ съ Рычковымъ, что я имѣю семью — онъ мнѣ сказалъ: «Рычкова я упрошу; супругу вашу переселимъ въ мою деревню, около которой и мой баталіонъ будетъ зимовать».—Но что мнѣ у васъ дѣлать? «Быть моимъ товарищемъ! Ты игрокъ, стрѣлокъ, весельчакъ; для ипохондрика не надобно лучшаго, за пребываніе же твое я даю тебѣ все то, что ты получалъ въ семъ домѣ». Предложеніе было лестно; но я все еще отговаривался, какъ хозяйка взяла его сторону и сильнѣйшими убѣжденіями старалась меня склонить. На другой день дѣло объяснилось: г. Мансуровъ овдовѣлъ и былъ по природѣ влюбчивъ; г-жа Булгакова вознамѣрилась свою Анну Н... пристроить и меня имѣть при немъ своимъ повѣреннымъ, словомъ, ихъ виды другъ друга подтенетить; мои — воспользоваться доброхотствомъ господина Андреевскаго. Все весьма скоро сладили, и мы 9-го Февраля были уже на пути къ Челябѣ. Сколько я обязанъ господину Андреевскому, сіе я никакъ изъяснить не въ силахъ; онъ точно излѣчилъ меня тѣлесно и душевно; безъ его словоохотныхъ бесѣдъ, безъ его неутомимаго старанія внушать истины, имъ знаемыя, я бы никогда не воздержался ни отъ крѣпкихъ напитковъ, ни отъ буйныхъ поступковъ. Три мѣсяца, съ нимъ вмѣстѣ проведенные, были мнѣ полезнѣе десятилѣтняго ученія. Придержавшись по возможности его совѣтовъ, я до половины шестаго десятка моей жизни не зналъ никакихъ болѣзней; помню его слова: «огненные напитки крѣпко здоровому только не дѣлаютъ вреда, а пользы никогда никому ни малѣйшей». Въ душѣ моей горжусь моею стойкостію, отбросивъ ихъ всесовершенно.

Г. Мансуровъ, въ концѣ Мая возвратясь со мною въ Уфу, скоро сватанье свое привелъ къ концу и о семъ самъ меня извѣстилъ прибавивши: «теперь житье твое у меня еще нужнѣе; мы и наши жены будемъ всегда неразлучны». Такъ онъ сгоряча мыслилъ, и я самъ тому радовался; но Прасковья Михайловна, будущая теща, какъ заботливая барыня, совсѣмъ иначе сіе распредѣляла. Будучи корыстолюбива, подозрительна и глупа, ей тотчасъ помечталось, что жена моя, а болѣе я, можемъ быть камнемъ преткновенія для ея замысловъ; посему приложила все стараніе отсовѣтывать г. Мансурову сдѣланный со мною договоръ. Сей, во все время своего въ Уфѣ пребыванія, проводивши меня отъ одного дня до другаго обѣщаніями, при самомъ отъѣздѣ своемъ къ баталіону, отправить меня подъ видомъ препровожденія моея жены въ деревню (для чего хотѣлъ выслать своихъ людей и коней) изъ Троицка писалъ къ своему нареченному шурину, чтобы онъ сдѣлалъ со мною договоръ и написалъ со мною контрактъ для управительской должности. Обманутый такъ безсовѣстно, оставленный Булгаковскимъ домомъ безжалостно, прожившись отъ найма квартиръ, услуги и содержанія, я доведенъ былъ до самой крайности. Безъ совѣтовъ и пособій добраго Чичагова я не знаю, какъ бы выдрался изъ сей бѣды. Онъ возобновилъ и совершилъ переговоры съ домомъ Рычковымъ, съѣхавшимъ уже въ деревню: онъ же пособилъ мнѣ переселиться къ нимъ.

Живши въ Уфѣ довольно пріятно, я оставлялъ ее съ сожалѣніемъ, не надѣясь отъ деревенской жизни ничего удовольственнаго. Переѣздъ до мѣста моего назначенія совершили мы однако нескучно; прекрасная осенняя погода, изобиліе дичи, многіе по дорогѣ картинные виды, лучшіе и дешевые жизненные припасы не попущали насъ горевать объ оставленномъ городѣ.

Подъѣзжая къ селу Спасскому, мѣсту пребыванія семейства Рычковыхъ, каменная церковь и домъ построенный, съ аллеями садъ, метнулись издали въ глаза; но подъѣхавъ къ нимъ и видя, что все сіе было, ежели не весьма старо, то въ крайнемъ запущеніи, я не могъ возъимѣть о пребываніи моемъ предварительно пріятныхъ мыслей. Проѣхавши по большой улицѣ мимо каменнаго дома, провели насъ къ деревянному новенькому домику, который, начиная только заводиться, былъ еще безъ загороды. На семъ дворѣ маленькое одиночное зданіе, состоящее изъ одной голой свѣтелки, и чрезъ сѣни бани, были апартаменты, назначенные къ моему житью. Хозяевъ не застали мы дома. Они поѣхали обѣдать и ночевать къ Рычкову же Виссаріону Петровичу. Имѣя свободное время, я исходилъ все село и съ ружьемъ обошелъ всѣ его окрестности. Мѣстоположеніе не совсѣмъ было безъ пріятностей; но помѣщеніе дома совершенно не у мѣста, т. е. въ ямѣ, изъ которой видъ былъ на одну церковь съ кладбищемъ и на угрюмый садъ. Самое интереснѣйшее въ семъ селѣ былъ ключъ живой воды, бьющій изъ многихъ разсѣлинъ и составляющій весьма быстрый и сильный ручей.

Господа, возвратясь на другой день утромъ, обласкали насъ по своему довольно. Хозяинъ былъ около 50-ти лѣтъ, физіономіи самой непривлекательной: косъ, слюняй и до крайности неопрятенъ. Нравственно онъ былъ того рода чудакъ, которыхъ учатъ будто нарочно, чтобы яснѣе обнаружить ихъ глупость, заставляютъ служить, даютъ мѣста, дабы показать ихъ ничтожество, но не злой, и иногда даже добрый. Супруга его, барыня лѣтъ подъ 30-ть, бѣлотѣлая, жирная, веселая, самолюбивая и самовольная во всемъ.

Образъ ихъ жизни и обхожденіе былъ бы намъ много затруднителенъ, ежели бы по договору мы не были почти совсѣмъ отдѣленными, т. е. мы только обѣдали съ ними въ скоромные дни; въ постные же столъ и ежедневный чай мы имѣли въ своей хижинѣ. Посему мы болѣе держались у себя, пока ознакомились со всѣмъ семействомъ.

Въ каменномъ домѣ жила старая барыня, Елена Денисовна, вдова родоначальника всея сея семьи, статскаго совѣтника Петра Ивановича Рычкова. Съ нею вмѣстѣ обитали четыре ея дочери, вдова Марья Петровна Толстая, которыя сынъ былъ моимъ ученикомъ и три дѣвицы: Анна, Агриппина, Прасковья. Старуха была изъ богатаго Симбирскаго дворянскаго дома; обхожденія весьма привѣтливаго, хлѣбосолка и обязательная съ чужими, но къ своимъ крайне жестока, скупа и своенравна. По кончинѣ супруга, добрые люди попеклись поселить въ ней страсть къ игрѣ, и старушка ночи, а часто и дни просиживала за ломберомъ. Играть доброхотные пріѣзжали из-

далека; я же, будучи домашнимъ, весьма скоро удостоенъ отличными милостями.

Она, дочь ея вдова и я составляли ежедневную партію. Ежели бы я не боялся Бога, или лучше, ежели бы я умѣлъ чужія слабости обращать въ свою пользу, я бы точно могъ отъ сея барыни по картамъ имѣть свое вѣчное состояніе.

Василій Петровичъ Рычковъ, сынъ старыя барыни, хотя отдѣльно жившій, по частому своему быванію съ семьею, имѣлъ великое вліяніе на весь домъ. Онъ осыпалъ меня сначала учтивостями и ласками, но скоро заставилъ вкусить самыхъ горькихъ непріятностей, по одной своей запальчивости и тщеславію. Сія послѣдняя добродѣтель, можно сказать, всей семьѣ была общею; ибо они, будучи не изъ стараго дворянства, а по одному Петру Ивановичу ихъ отцу, во всѣхъ своихъ поступкахъ, дѣлахъ, даже рѣчахъ, являли, какъ будто они боятся урониться. Отъ сего часто бывали со мною самыя досадныя и смѣшныя приключенія, о которыхъ напоминать нѣтъ дальней надобности.

По прошествіи года, особливо когда я перешелъ на житье въ домъ старыя барыни, гдѣ занималъ цѣлый довольно пространный флигель, жизнь моя въ Спасскомъ была самая покойная: за ученіемъ несильно гналися; нравственностію, дабы я не поселилъ въ дѣтяхъ чего-нибудь несообразнаго съ правилами новаго ихъ дворянства, занимались сами родители; дичи было крайнее изобиліе; выѣздъ свободный, карточная игра, иногда скучная, пополняла малые наши доходы; словомъ, мы тутъ жили удовольственно.

На другую зиму жена моя, для сотовариществованія больной Маріѣ Петровнѣ, ѣздила съ нею въ Уфу, гдѣ прожила и весну; я, пріѣхавши къ нимъ повидаться, перезванъ былъ г. Левашовымъ къ нему, и такъ неожиданно распрощался со Спасскимъ и съ его доброю къ намъ хозяйкою.

Переселеніе къ г. Левашову было нѣкоторымъ образомъ для меня непроизвольное; обиженный имъ въ первое приглашеніе, я не хотѣлъ было съ нимъ вовсе дѣла имѣть; но увидѣвши дѣтей, обласканный ими, я забылъ все и четыре года прожилъ въ семъ домѣ, перенося многія непріятности.

Сергѣй Яковлевичъ Левашовъ, надворный совѣтникъ и совѣстный судья, былъ человѣкъ крайне странный. Въ юношествѣ безъ всякаго воспитанія, въ молодости безъ малѣйшаго образованія, въ мужескихъ лѣтахъ безъ нравственности, достаточный Казанскій дворянинъ, посему родными и знакомыми въ его своеволіи тамъ нѣсколько стѣсняемый, оставивъ молодую жену и пятерыхъ любезныхъ дѣтей, переселился въ Башкирію, гдѣ, купивши землю, переводилъ крестьянъ, строилъ домы, разсаживалъ сады, заводилъ оранжереи, учреждалъ фабрики, заводы; но все сіе только начиналъ, а не оканчивалъ. Домъ его снаружи, по виду, былъ казарма, во внутренности же оштукатуренъ какъ палаты. Садъ былъ неогороженъ, но вороты въ него воздвигнуты были столярной работы и съ Нѣмецкими петлями и замками.

Описывать всѣ его странности было бы и скучно, и трудно; скажу только еще: бывши почти безграмотенъ, охотникъ превеликій былъ диктовать письмы, особенно наставленія прикащикамъ, садовникамъ, конюхамъ и другимъ своимъ чиновникамъ. Щедръ, даже мотъ бывалъ изъ тщеславія, скупъ же по природѣ, нрава самаго крутаго и жестокаго; но къ сентиментальному разговору всегда приставалъ, выдавая себя за Стерна.

Дѣтей съ нимъ бывшихъ четверо: двѣ дочери, два сына и племянникъ составляли мой пансіонъ. Средняя дочь Наталья, 15-ти лѣтняя дѣвушка, одарена была отличною способностію и охотою къ ученію; старшій сынъ Николай былъ также понятенъ и прилеженъ, да и прочіе довольно изрядно учились, чтó, при ихъ ласковости, поселило во мнѣ неимовѣрную ревность споспѣшествовать ихъ успѣхамъ. Скажу, не хвастаясь, что Наталья Серг. чрезъ два года понимала столько Французскій языкъ, что труднѣйшихъ авторовъ, каковы: Гельвецій, Мерсье, Руссо, Мабли, переводила безъ словаря; писала письма со всею исправностію правописанія; Исторію древнюю и новую, Географію и Миѳологію знала также достаточно.

Жизнь наша въ семъ домѣ была довольно сносна; къ странностямъ хозяина присмотрѣвшись, все прочее шло порядочно; ласки же и дружелюбіе дѣвицъ Елеонорѣ Карловнѣ доставляли много пріятностей. Зиму мы жили въ городѣ, гдѣ катанья, собранья, балы, для меня и карточная игра, жизнь нашу дѣлали весьма удовольственною; весну, лѣто и осень обыкновенно проживали въ деревнѣ; тутъ разныя, ежедневно почти новыя занятія: прогулки, купанья, рыбная ловля, стрѣльба и множество другихъ забавъ, сокращали время нечувствительно.

Въ сіе время Елеонора Карловна освободилась совершенно отъ гибельной ревности; ласки ея ко мнѣ и нѣжность возвратились съ прежнею, или еще сильнѣйшею горячностію; я самъ, кажется, почувствовалъ новый жаръ къ моей милой подругѣ; всѣ пріемы первоначальныя любви, со всѣми тѣми же прелестями, наполняли наши души. Старанія быть чаще наединѣ, попеченія взаимно дѣлать другъ другу пріятное, сердечныя изліянія, неутомимость въ наслажденіяхъ; словомъ, все дѣлало насъ счастливыми, а двое милыхъ дѣтей, изъ которыхъ Корюша по пятому году, милая, рѣзвая лепетуша, и Катенька по третьему, любезная, веселая, какъ Ангелъ, усугубляли наши радости.

Но, увы! сіе благоденствіе, сія сладостная супружняя жизнь, сладостнѣйшая, можетъ быть, самаго начала оныя, была для меня весьма кратковременна. Милая моя подруга, бывши во все ея замужество хотя не больною, но всегда въ Нѣмецкомъ тѣлѣ, года за два до сего времени, пополнѣла, повеселѣла, сдѣлалась большою затѣйницею всякихъ забавъ, игоръ, обѣщавшая по всему сему добрую о своемъ здоровьи надежду, въ Сентябрѣ 1792 года, ѣздивши въ Уфу, получила простудную лихорадку, которая въ Октябрѣ, обнаружившись грудною водяною болѣзнію, прекратила ея жизнь на 29 году.

Горестнѣе всего мнѣ было тогда, да и теперь воспоминаю съ сожалѣніемъ, что я послѣдніе два мѣсяца ея жизни почти не жилъ съ нею, и что она скончалась въ Уфѣ безъ меня.

Сбиравшись давно, 2-го Сентября въ семъ году я ѣздилъ къ Рычкову, гдѣ пробылъ до 25. Жена, проводивши меня до Уфы, оставалася тутъ же и дожидаться. Я нашелъ ее въ четырехдневной лихорадкѣ, но, не уваживъ сего, особенно за отлучкою нашего врача и друга Зандена, я взялъ ее въ деревню. Въ первыхъ дняхъ Октября, г. Занденъ былъ у насъ, видѣлъ ее въ самомъ припадкѣ, оставилъ лѣкарство, но совѣтовалъ, при усиленіи жара, пріѣхать въ городъ. Послѣдуя сему въ точности, 9-го, въ ясный, прекрасный день, въ покойной коляскѣ, отправилась она въ Уфу. Двѣ почты извѣщалъ г. Занденъ о ея состояніи, предъ третьею прислалъ нарочнаго, увѣдомляя объ открывшейся опасности и чтобъ я поспѣшилъ самъ въ Уфу. Зная искусство и благоразуміе сего врача, почти увѣренный въ несуществованіи уже Елеоноры Карловны между живыми, я тотчасъ отправился, но моя милая подруга за два дни, т. е. 21, скончалась.

Описывать мою горесть, какъ давно прошедшее, не поставляю нужнымъ; скажу только, что она была точно искренна, и что сожалѣніе о сей моей потерѣ никогда не выходило изъ моего сердца. Жизнь моя послѣ сея эпохи, хотя нельзя сказать, чтобы хуже была прежней; но признаться долженъ, что съ покойною подругою была бы она несравненно лучше; теперь же, когда я уже сталъ старъ и дряхлъ, и когда предѣлъ мой у меня въ виду, я каждодневно ее воспоминаю, ибо чувствую, что одна только добрая жена быть могла бы, въ сіе роковое время, истиннымъ моимъ попечителемъ, утѣшителемъ, Ангеломъ-хранителемъ.

Преисполненный благодаренія моему Богу, я не могу иначе, какъ хвалиться моими добрыми дѣтьми. Онѣ неизмѣннымъ и усерднѣйшимъ своимъ о моемъ благосостояніи попеченіемъ доказывая въ полной мѣрѣ, сколько я имъ любезенъ, конечно ни одна изъ двухъ не пожалѣла бы ни трудовъ своихъ, ниже своего здоровья, для успокоенія и поддержанія моей болѣзненной старости, но со всѣмъ тѣмъ онѣ никакъ не могутъ замѣнить для меня своей покойной матери. Добрая жена, соучаствуя мужу во всѣхъ дѣяніяхъ супружнія жизни и подаваясь съ нимъ вмѣстѣ въ старость, навыкаетъ знать и удовлетворять всѣ его вкусы прихотѣнія и, сознакомившись даже съ его слабостями, недостатками, не только не брезгуетъ ими, но самыя отвратительныя немощи облегчаетъ и врачуетъ доброхотно.

По успокоеніи нѣсколько первыхъ ощущеній горести, обративши вниманіе на мое положеніе, я видѣлъ ясно, что бѣдныя дѣти мои наиболѣе потеряли, лишившись матери. Ихъ полъ въ сиротствѣ, тасканіе мое съ ними по чужимъ домамъ, угрожали мнѣ многими затрудненіями, для преодолѣнія которыхъ я принялъ мѣры, какія по моему бѣдственному состоянію были только возможны. Я увѣдомилъ сестру о приключившемся мнѣ несчастіи; извѣщая объ оставшихся у меня на попеченіи двухъ сиротахъ ея пола, просилъ, чтобы по родству и человѣчеству соблаговолила быть ихъ матерью. Въ прошеніи моемъ употребилъ всѣ средства убѣжденія для преклоненія къ состраданію ея строптивыя души, облегчая по возможности способы ихъ содержанія, т. е. первое: я не прежде намѣревался ихъ къ ней

отпустить, какъ чрезъ шесть или восемь лѣтъ (сіе находилъ даже необходимымъ, дабы Кирѣ, достигнувшей 15-го года, могъ я сообщить всѣ семейныя наши дѣла) и на случай, дабы онѣ не совсѣмъ были безгласны, второе: я ей обѣщевалъ ежегодно высылать въ пособіе двѣсти рублей. На сіе не удостоенъ я ниже отзывомъ, поелику сестрица моя въ сіе время крутилась въ столичномъ вихрѣ.

Облегчилося сіе однако, хотя не существенно, тогда нѣкоторою надеждою: дочери г. Левашова, по своему собственному побужденію, а по молодости ихъ лѣтъ непричастному еще корысти, предложили своему отцу и получили его соизволеніе, чтобъ дѣтей моихъ принять къ себѣ для воспитанія, съ тѣмъ, чтобы ихъ по возможности и пристроить. Предложеніе сіе меня до крайности порадовало; я зналъ, что имъ каждой утверждено было отъ отца по сту душъ лучшихъ крестьянъ; посему какъ воспитать, такъ и пристроить моихъ дѣтей немного бы имъ стоило.

Изъ благодарности за такую милость, почитая ее несомнѣнною, послѣдній годъ моего житья въ семъ домѣ, я могу сказать, что точно не жалѣлъ себя самого, стараясь всѣми силами удовлетворять дѣтскую горячность къ ученію. Нерѣдко по 12 часовъ въ сутки я, какъ осужденный, переходилъ отъ перевода къ Исторіи, отъ сея къ автору, къ сочиненію, и пр. и пр. Живучи въ семъ домѣ, особенно послѣ кончины моея жены, множество я имѣлъ странныхъ приключеній, которыя описывать не поставляю однако нужнымъ; ибо онѣ растянули бы только мое повѣствованіе. Въ началѣ зимы 1793 года сыновья г. Левашова и племянникъ долженствовали ѣхать въ Санктпетербургъ на службу; дочери же въ Казань къ ихъ матери. Я, приглашенный г. Шишковымъ, переселился къ нему въ деревню и съ моими дѣтьми; ибо зная по наслышкѣ Анну Васильевну, я не хотѣлъ жертвовать моими сиротами, да и сами барышни согласны были, чтобъ дѣти оставалися при мнѣ, пока они сдѣлаются властны сами располагать своими дѣлами. Мы поднялись вдругъ всѣ изъ Левашовки, ѣхали вмѣстѣ до Бугульмы. Разстояніе сіе растянули сколько можно больше, распрощались какъ истинные родные, не надѣясь никогда уже больше жить вмѣстѣ. Зиму я прожилъ въ Уфѣ, а весною переселился въ г. Шишкову.

Тутъ кончается наша рукопись. Припомнимъ разсказы о томъ же времени и частію о томъ же краѣ и тѣхъ же лицахъ въ Семейной Хроникѣ и въ Дѣтскихъ Годахъ, С. Т. Аксакова, который описываетъ и впечатлѣніе, произведенное въ далекомъ углу Россіи кончиною Екатерины. Въ семьѣ Аксаковыхъ плакали по ней, и ребенокъ слышалъ, что „Государыня Екатерина Алексѣевна была умная и добрая, старалась, чтобъ всѣмъ было хорошо жить, чтобъ всѣ учились, что она умѣла выбирать хорошихъ людей, храбрыхъ генераловъ и что въ ея царствованіе сосѣди насъ не обижали и что наши солдаты при ней побѣждали всѣхъ и прославились“. Не такъ думалъ озлобленный несчастною судьбою Винскій. Читателямъ Р. Архива нечего пояснять, чей отзывъ правдивѣе. П. Б.

Канцлеръ князь Безбородко *).

XIX.

Первые мѣсяцы Павловскаго царствованія.

Манифестомъ 6 Ноября 1796 г. Русскому народу объявлялось, что, «къ крайнему прискорбію всего императорскаго дома, отъ сея временныя жизни, по 34-хъ-лѣтнемъ царствованіи, преселилась въ вѣчность императрица Екатерина II», и что на престолъ взошелъ ея сынъ и наслѣдникъ императоръ Павелъ I-й [1]).

Павелъ вступилъ на престолъ на 43-мъ году отъ роду, съ накопившеюся жаждою къ работѣ, съ стремленіемъ къ педантической исполнительности и съ рыцарскою честностію. Качества эти онъ выработалъ въ Гатчинскомъ уединеніи, отстраненный совершенно отъ государственныхъ дѣлъ. Онъ зналъ, что ими заправляли сановники его матери, утомленные дѣлами, привыкшіе къ покою и сибаритству. Явились, потому, новые любимцы и довѣренныя лица: Куракины, Ростопчинъ, Нелидова, Кутайсовъ и еще нѣсколько человѣкъ, не боявшихся Гатчинской скуки. Ближе другихъ стали къ Государю Нелидова, Ростопчинъ и Безбородко. Прочія лица пользовались непродолжительнымъ довѣріемъ Павла. За новыми назначеніями на высшія должности быстро слѣдовали увольненія отъ нихъ. Причина такихъ быстрыхъ перемѣнъ заключалась, безъ сомнѣнія, въ горячности характера Государя, а, быть можетъ, въ интригахъ лицъ, окружавшихъ его. И. И. Дмитріевъ въ своихъ «Запискахъ» именно говоритъ, что царедворцы строили ковы другъ противъ друга, выслуживались тайными доносами и возбуждали недовѣрчивость въ Государѣ» [2]). Жизнь двора и высшаго круга столицы совершенно измѣнилась съ воцареніемъ новаго Императора: нѣжившіеся до полудня въ будуарахъ вельможи въ 7-мь часовъ утра должны были являться къ Государю. Роскошная

---

*) См. выше стр. 22.

[1]) Полн. Собраніе Зак., № 17,530. Графъ Ростопчинъ въ своей Запискѣ «Послѣдній день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствованія императора Павла I» пишетъ, что «великій князь (Павелъ Петровичъ), подозвавъ графа Безбородка, приказалъ ему заготовить манифестъ о восшествіи на престолъ» (Архивъ Князя Воронцова, VIII, 166). Это повелѣніе было отдано, когда Екатерина еще не испустила духа. Подлинникъ манифеста находится въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ архивѣ. Онъ писанъ рукою Д. П. Трощинскаго, безъ сомнѣнія, подъ диктовку Безбородки.

[2]) Взглядъ на мою жизнь, 149 и 150.

и праздная жизнь, къ которой особенно привыкли царедворцы въ послѣдніе годы жизни Екатерины, замѣнилась скрытностію и опасеніемъ за одно слово попасть изъ дворца въ деревню и въ Сибирь. Одинъ только графъ Безбородко умѣлъ сохранить довѣріе Павла до самой своей смерти. Государь цѣнилъ въ немъ его короткое знакомство съ государственными дѣлами [3]). Не слѣдуетъ, конечно, забывать и той придворной ловкости, которою владѣлъ Безбородко: умѣвшій держаться на высотѣ, по крайней мѣрѣ, видимаго первостепеннаго придворнаго значенія, онъ и въ царствованіе Павла не переставалъ искать сближенія съ людьми, пользовавшимися наибольшимъ довѣріемъ Государя. Гельбигъ передаетъ, будто Безбородко, чтобы поддержать значеніе свое у Монарха, вступилъ въ связь съ любимцемъ Павла Кутайсовымъ, и будто Кутайсовъ, убѣжденный, что имъ руководитъ человѣкъ умнѣе его, говорилъ и дѣлалъ только то, что̀ Безбородко ему совѣтывалъ. На эту связь намекаетъ въ своихъ «Запискахъ» и Дмитріевъ, упоминая, что Кутайсовъ былъ тогда еще только гардеробмейстеромъ. Кромѣ того, Безбородко былъ близокъ съ Ростопчинымъ, и особенно съ Е. И. Нелидовой, которая давно его отличила отъ царедворцевъ, стоявшихъ близко къ трону. Назначенная въ 1777 году фрейлиною къ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, двадцатилѣтняя, бойкая и остроумная воспитанница Смольнаго монастыря сдѣлалась душею Гатчинскаго двора и довѣренною особою какъ наслѣдника престола, такъ и его супруги. Чрезъ 15 лѣтъ особенная внимательность, коею пользовалась фрейлина великой княгини со стороны цесаревича, была неблагопріятно оглашена во Французскомъ Монитерѣ, въ 1792 году [4]), и тогда-же графъ Безбородко вручилъ Екатеринѣ II письмо Нелидовой, которымъ она испрашивала себѣ дозволеніе возвратиться на житье въ Смольный (она получила это дозволеніе уже по новому ходатайству слишкомъ черезъ годъ). Съ воцареніемъ своего рыцарскаго обожателя, Нелидова тотчасъ явилась при дворѣ. Ея вліяніе на измѣнчиваго Государя было довольно могущественно и благотворно. О довѣріи и уваженіи, какое питала Нелидова къ Безбородкѣ, свидѣтельствуетъ ея письмо, въ которомъ, по поводу государева желанія удалить отъ должности В. С. Попова, она выражается такъ: «Но если ему совершенно необходимо дать преемника, то посовѣтуйтесь объ этомъ съ Безбородкою; его честность можетъ послужить вамъ ручательствомъ, что онъ укажетъ вамъ на человѣка способнаго» [5]).

9 Ноября 1796 Павелъ возвелъ Безбородку «въ первый классъ и повелѣлъ остаться ему при прежнихъ должностяхъ, получая жалованье и столовыя деньги по сему чину, сходно какъ въ штатѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ положено» [6]).

Очутившись, такимъ образомъ, вновь въ кругу самой разнообразной дѣятельности, Безбородко сталъ теперь приближеннѣйшимъ къ престолу царедворцемъ. По словамъ Болотова, «говорили и пи-

---

[3]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, I, 19.

[4]) Въ письмѣ одного Англичанина изъ Петербурга въ Парижъ.

[5]) Е. И. Нелидова, статья въ Р. Архивѣ 1873 г., 2160—2167 и «Осмнадцатый Вѣкъ», III, 438.

[6]) Гр. Ростопчинъ пишетъ гр. Воронцову, отъ 10 Ноября 1796 г., что Безбородко «возведенъ въ первый классъ, *съ званіемъ фельдмаршала*». Р. Архивъ 1876, II, 82.

сали около сего времени, что при Государѣ только два человѣка, Безбородко и Трощинскій: одинъ — министръ, а другой секретарь, что всѣ другіе докладчики замолчали», и что Безбородко, какъ «первый министръ», долженъ былъ являться къ Государю «всякое утро» [7]).

Съ первыхъ же дней царствованія Павелъ занялся торжественнымъ погребеніемъ своихъ родителей, Екатерины и Петра III, соединивъ ихъ гробы вмѣстѣ (чѣмъ онъ желалъ, быть можетъ, напомнить «о наслѣдственныхъ прирожденныхъ правахъ своихъ») и приготовленіями къ своей коронаціи. 9-го же Ноября Павелъ возложилъ на Безбородку труды по финансовому комитету, учрежденному Екатериною въ послѣдніе мѣсяцы ея жизни. Указомъ, даннымъ Совѣту и писаннымъ Безбородкою, повелѣно разсмотрѣть «планъ, касающійся до передѣла мѣдной монеты», приглася «къ общему разсужденію изъ Сената ген. поруч. Соймонова, т. сов. Васильева и Храповицкаго, да изъ экспедиціи по казенному управленію т. сов. князя Алексѣя Куракина и, сообразя дѣло сіе со всѣми обстоятельствами къ пользѣ Имперіи и къ сохраненію ея кредита, представить намъ немедленно мнѣніе по сей матеріи, дабы мы могли по тому изъявить дальнѣйшую нашу волю» [8]). Теперь, повидимому, можно было надѣяться, что реформа по перечеканкѣ мѣдной монеты приметъ иное, болѣе благопріятное, для дѣла направленіе; но вышло не такъ. На другой же день собрался Совѣтъ для обсужденія проэкта, и вице-канцлеръ объявилъ ему, что «относительно замѣченнаго въ планѣ однимъ изъ главнѣйшихъ основаній 5-го предложенія о томъ, что перебитіе мѣдной монеты въ 32 рубля изъ пуда не понизитъ курса, но, уравнявъ количество ассигнацій, споспѣшествовать можетъ къ возвышенію онаго, соизволилъ Его Величество примѣтить, не удобнѣе ли бъ было привесть передѣлываемый пудъ мѣди въ 25 р., о чемъ онъ, вице-канцлеръ, изъяснялся съ д. т. совѣтникомъ перваго класса гр. Безбородкомъ, который находитъ, что, для лучшаго сбереженія кредита ассигнацій и нашего съ иностранцами курса, нужно мѣдную монету оставить въ настоящемъ достоинствѣ, дѣлая изъ пуда 16, а не 25 или 24 рубля, и что вообще возвращеніе всякой монеты въ ея истинную и должную цѣну и доброту и удерживаніе ея въ семъ достоинствѣ непремѣнно и скоро подѣйствуетъ, какъ надъ исправленіемъ казеннаго кредита, такъ и надъ возвышеніемъ курса». Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ Безбородки, которое и было утверждено Павломъ 17 Ноября 1796 [9]). Такъ безрезультатно кончилось задуманное предпріятіе, которое должно было, по мнѣнію князя Зубова, поправить разстроенные финансы. Нѣтъ нужды вдаваться ни въ оцѣнку проэкта Зубова, ни въ оцѣнку дѣйствій комитета; но въ послѣднемъ отношеніи неизлишне замѣтить, что если эти дѣйствія представляются вялѣе и нерѣшительнѣе, чѣмъ требовали того обстоятельства дѣла, то главная причина заключалась, кажется, во взглядѣ на монетную реформу предсѣдателя комитета, Безбородки. Изъ мнѣнія его, заявленнаго вице-канцлеру, видно, что онъ не соглашался съ проэктомъ Зубова въ самомъ его существѣ. Безбородко, умный, смѣт-

---

[7]) Р. Архивъ, 1864, 640 и 678.

[8]) Подлинникъ въ Архивѣ Госуд. Совѣта, книги протоколовъ 1796 и 1797 гг., стр. 8.

[9]) Книги протоколовъ Совѣта 1796 и 1797 гг., стр. 17 и 18.

ливый, распорядительный и дѣятельный, тотъ самый Безбородко, который былъ всегда пригоденъ на все, оказалъ очень мало вліянія на ходъ дѣла о монетной реформѣ. Когда обстоятельства измѣнились, и онъ откровенно высказалъ взглядъ свой по настоящему дѣлу, то взглядъ этотъ не только принятъ Совѣтомъ, но и утвержденъ Императоромъ. Ясно, что въ данномъ случаѣ, какъ почти и вездѣ, Безбородко былъ правъ.

22 Ноября, Императоръ писалъ Безбородкѣ, что по его волѣ, «отправленъ съ полнымъ наставленіемъ архитекторскій помощникъ Миллеръ, для построенія деревянной церкви во имя святаго архистратига Михаила и всѣхъ безплотныхъ силъ при Московскомъ домѣ Безбородки, «который мы для временнаго нашего пребыванія въ той столицѣ занять предположили», при чемъ поручалось предписать Пестелю «о надлежащемъ пособіи къ исполненію того, равно какъ и объ отпускѣ изъ почтовыхъ доходовъ 15,000 рублей [10]. Исполнителемъ распоряженій Павла въ Москвѣ назначенъ былъ гофмейстеръ князь С. С. Гагаринъ, которому предписывалось «приложить всемѣрное стараніе къ тому, чтобы все къ окончанію наискорѣе приведено было: кухни и конюшни сдѣлать въ Лефортовскомъ дворцѣ», который «отдѣлать, соединя съ дворцомъ покрытымъ коридоромъ», и «плацъ-дармъ предъ домомъ исправить во всемъ по плану» [11], но безъ употребленія въ работы солдатъ. Остальныя затѣмъ распоряженія касались заготовленія хозяйственныхъ предметовъ и починки дворцовъ.

Упомянутый домъ Безбородки почитался по величинѣ и по внутреннимъ украшеніямъ первымъ и наилучшимъ домомъ во всей Москвѣ. Въ 1785 году онъ былъ купленъ казною у наслѣдниковъ великаго канцлера гр. Бестужева-Рюмина и подаренъ Екатериною Безбородкѣ, 3 Іюля 1787 г. Павелъ купилъ его для своей коронаціи; впослѣдствіи онъ назывался Слободскимъ дворцомъ, отъ Нѣмецкой слободы, въ которой находился. Онъ сгорѣлъ въ 1812 году [12]. Теперь на этомъ мѣстѣ находится Техническое Училище Воспитательнаго Дома. О необыкновенной роскоши этого дворца свидѣтельствуетъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ любителей и лучшихъ знатоковъ изящнаго за то время, Польскій король Станиславъ-Августъ Понятовскій.

---

[10]) Дѣла Кабинета Е. И. В., св. 446, № ук. 58. Рескриптъ на имя Безбородки объ отпускѣ 15,000 рублей на сооруженіе церкви послѣдовалъ 9 Декабря 1796 г. Пестель, управляя Московскимъ Почтамтомъ, былъ тогда въ Москвѣ едва ли не самымъ вліятельнымъ лицомъ.

[11]) Дѣла Кабинета Е. И. В., св. 446, ук. № 80. Гельбигъ разсказываетъ, что «однажды Безбородко стоялъ съ Государемъ у окна одной комнаты въ своемъ домѣ, изъ которой можно было обозрѣть дорогой садъ, разведенный передъ нимъ. Государь, который на все смотрѣлъ съ военной точки зрѣнія, выразилъ мысль, что это мѣсто годно бы было для плаца, на которомъ превосходно было-бы обучать солдатъ. Это было сказано безъ намѣренія. Но когда Государь, проснувшись, подошелъ къ окну, то нашелъ садъ обращеннымъ въ плацъ-парадъ. Безбородко во время ночи приказалъ вырубить деревья и кусты» (Р. Архивъ, 1865, 418 и 419). За Гельбигомъ этотъ же разсказъ повторилъ Андреевъ въ сочиненіи: «Представители власти въ Россіи» (С.П.Б., 1870 г., стр. 269). Но послѣ приведеннаго здѣсь рескрипта, тотъ и другой оказываются неправы.

[12]) Изъ Записокъ графа Комаровскаго въ Р. Архивѣ 1867, 233.

Находясь въ Россіи, онъ велъ Записки, гдѣ подъ 10 Февраля (?) 1797 говоритъ: «7-го числа король осматривалъ домъ министра гр. Безбородки. Во всей Европѣ не найдется другаго подобнаго ему въ пышности и убранствѣ. Особенно прекрасны бронзы, ковры и стулья; послѣдніе и покойны, и чрезвычайно богаты. Это зданіе цѣнятъ въ 700,000 р. Графъ Безбородко, который самъ показывалъ королю всѣ комнаты, сказалъ, что онъ построилъ этотъ зáмокъ въ девять лѣтъ. Петербургскій его домъ, который богаче драгоцѣнными картинами, не можетъ равняться съ Московскимъ въ великолѣпіи убранства. Многіе путешественники, имѣвшіе случай видѣть Сенъ-Клу въ то время, когда онъ совсѣмъ отдѣланъ былъ для Французской короны, утверждаютъ, что въ украшеніи Безбородкина дворца и болѣе пышности, и болѣе вкуса. Золотая рѣзьба на стульяхъ работана въ Вѣнѣ, а лучшія бронзы куплены у Французскихъ эмигрантовъ. Въ обѣденномъ залѣ находится парадный буфетъ, котораго уступы установлены множествомъ прекрасныхъ сосудовъ, золотыхъ, серебряныхъ, кораловыхъ и т. д. Обои чрезвычайно богаты; нѣкоторыя, изъ нихъ выписанныя, другія дѣланы въ Россіи. Китайскія мебели прекрасны» [13]).

Совершивъ торжественное погребеніе *вѣнценосныхъ* родителей и продолжая производить дѣятельныя распоряженія къ коронаціи, Павелъ занялся установленіемъ отношеній своихъ къ иностраннымъ государствамъ. Эти отношенія были опредѣлены въ циркулярныхъ нотахъ, присоединенныхъ къ дипломатическому увѣдомленію о вступленіи на престолъ. Дружественнымъ державамъ объявлялось, что новый Императоръ намѣренъ со всѣми сохранять миръ и доброе согласіе, и хотя готовъ соблюдать существующіе договоры, однакоже, для блага своей державы, признаётъ необходимымъ не принимать участія въ войнѣ между Австріею и Франціею. Причины, побудившія Государя отступиться отъ политики его матери, гр. Остерманъ объяснялъ въ циркулярной нотѣ такимъ образомъ: «Россія, будучи въ безпрерывной войнѣ съ 1756 г., есть потому единственная въ свѣтѣ держава, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ нужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній. Однакоже, хотя Россійское войско не будетъ дѣйствовать противъ Франціи по вышеозначенной и необходимой причинѣ, Государь не менѣе за тѣмъ, какъ и покойная его родительница, остается въ твердой связи съ своими союзниками и чувствуетъ нужду противиться всевозможными мѣрами неистовой Французской республикѣ, угрожающей всей Европѣ совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благоправія» [14]).

Такимъ образомъ, съ воцареніемъ Павла, были прерваны всѣ приготовленія для войны за границею. Рекрутскій наборъ, уже объявленный при Екатеринѣ 17 Сентября 1796 года [15]), былъ отмѣненъ; эскадрамъ, находившимся въ Англіи и въ Нѣмецкомъ морѣ, повелѣно плыть назадъ въ свои порты; войскамъ же, дѣйствовавшимъ противъ Персіи, подъ командою графа Зубова, предписано возвратиться

---

[13]) Вѣстникъ Европы 1808 г., XI, 133 и 134.
[14]) Депеша гр. С. Р. Воронцову. (Милютина, Война 1799 г., т. I, стр. 10).
[15]) Полн. Собр. Зак. № 17,507.

въ предѣлы Россіи, и запрещено возводить крѣпости на Персидской границѣ.

Радикально измѣнивъ внѣшнюю политику покойной Императрицы, остановивъ всѣ ея воинственныя предпріятія, Павелъ внесъ новое направленіе и въ устройство внутреннихъ дѣлъ Отечества. Въ первый же мѣсяцъ царствованія Павелъ измѣнилъ законы Екатерины по отношенію къ Лифляндіи и Эстляндіи и возстановилъ въ нихъ присутственныя мѣста, «кои, по тамошнимъ правамъ и привиллегіямъ, существовали до 1783 г.» [16]). Указъ объ этомъ, обнародованный 28 Ноября 1796 г., былъ принятъ Лифляндскими и Эстляндскими Нѣмцами съ неописанною радостію. Зная любовь Павла къ Безбородкѣ и силу Безбородки у Императора, «ландраты, ландмаршалъ и все рыцарство и земство герцогства Лифляндскаго» выразили Безбородкѣ особенное уваженіе, избравъ его «въ корпусъ Лифляндскаго дворянства» и поднесли ему грамоту на это дворянство, подписанную 20 Апрѣля 1797 г. «Безбородко и его законные потомки могли пользоваться всѣми прерогативами, вольностями, правами и обычаями Лифляндскаго дворянства» и употреблять ихъ соотвѣтственно постановленіямъ страны. «Такъ какъ» графъ Безбородко «благоволилъ принять это, какъ знакъ преданности и высокопочитанія Лифляндскаго рыцарства и земства, то мы также имѣемъ твердую увѣренность, что онъ, какъ включенный въ составъ здѣшняго дворянства собратъ его и благосклонный патріотъ, будетъ стараться, сколько наилучше возможно, споспѣшествовать благу нашего отечества и сохраненіе нашихъ привиллегій и правъ страны при всѣхъ встрѣчающихся случаяхъ сильнѣйше поддерживать» [17]).

Отношенія Павла къ Безбородкѣ ярко обрисовываются разсказомъ, который находимъ въ «Запискахъ», оставленныхъ правдивымъ повѣствователемъ о жизни Павла, И. В. Лопухинымъ. Разсказъ относится къ дѣлу о похищеніи изъ Заемнаго Банка (кассиромъ Кельбергомъ, его женою и другими соучастниками) ассигнацій. «Государь приказываетъ мнѣ съѣздить къ Трощинскому, разсмотрѣть конфирмованный уже имъ докладъ Сената о нѣкоторыхъ осужденныхъ по дѣлу объ утратѣ въ Государственномъ Банкѣ, начавшемуся еще при жизни Императрицы, остановить исполненіе и найти способъ оправдать, или гораздо облегчить участь одного изъ осужденныхъ, иностранца, котораго имя я забылъ» [18]).

«Меня объ немъ просилъ сынъ, Александръ Павловичъ», сказалъ мнѣ Государь, а его разжалобила жена этого арестанта, которую онъ видѣлъ у мужа ея, посѣщая арестантовъ по должности военнаго губернатора С.-Петербургскаго. Я поѣхалъ къ Трощинскому, у котораго изъ короткой записки о семъ дѣлѣ увидѣлъ, что осужденный оный признанъ равно виновнымъ съ нѣсколькими другими и къ одинаковому приговоренъ публичному наказанію. Конфирмованный Государемъ докладъ возвращенъ уже былъ въ Сенатъ, а изъ Сената, какъ я и тамъ справился, посланъ уже былъ указъ ко второму воен-

---

[16]) Полн. Собр. Зак. № 17,584.

[17]) Подлинная грамота хранится въ семейныхъ бумагахъ графа А. И. Мусина-Пушкина.

[18]) Въ Полн. С. З., подъ № 17,612, напечатана высочайшая резолюція на приговоръ Сената о наказаніи главнаго виновника и соучастниковъ въ похищеніи суммъ изъ Заемнаго Банка.

ному губернатору объ исполненіи. Сообразивъ обстоятельства дѣла, я думалъ, что простить, или облегчить казнь, всегда прилично милосердію самовластнаго государя; но изъ осужденныхъ къ равному наказанію равныхъ преступниковъ одного исключить, или очень меньше наказать предъ другими, было-бы нарушить правосудіе съ наглымъ презрѣніемъ къ человѣчеству. Всего лучше казалось мнѣ, если нельзя всѣхъ простить, то перемѣнить наказаніе всѣхъ, равно съ онымъ иностранцемъ приговоренныхъ, на содержаніе въ смирительномъ домѣ, или въ какихъ другихъ тюрьмахъ, и его освободить прежде, и сіе сдѣлать, если угодно Государю, скрытнѣе, чтобы, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь при томъ въ наружности сохранить порядокъ правосудія. Съ такими мыслями возвратился я къ Государю. Онъ былъ тогда въ кабинетѣ съ наслѣдникомъ, Александромъ Павловичемъ, и графомъ Безбородкой, и скоро вошелъ въ секретарскую нашу комнату, которая была предъ самымъ кабинетомъ, и, подошедъ ко мнѣ, спрашиваетъ тихонько: что я сдѣлалъ? Я доложилъ ему о моей справкѣ и мысли свои представилъ. — «Какъ же, сказалъ Государь, всѣхъ? Они виноваты!»—«Да и онъ виноватъ», отвѣчалъ я. Государь подошелъ къ Безбородкѣ и также говорилъ съ нимъ тихо. Я оставался у своего секретарскаго стола. Поговоривъ нѣсколько съ Безбородкою, Государь, обратясь ко мнѣ, изволилъ сказать: «Чтожъ не подойдешь ты къ намъ, Иванъ Владиміровичъ? Мы говоримъ о твоемъ дѣлѣ». Я подошелъ. Государь продолжалъ: «Вотъ и Александръ Андреевичъ говоритъ, что можно его освободить и послать только, какъ хорошаго художника (не помню какого только мастерства) на житье въ бывшій городокъ Воскресенскъ, Московской губерніи, гдѣ онъ и полезенъ будетъ для отдѣлки монастыря».—«А прочихъ-то», докладывалъ я, «съ коими онъ равно виноватъ, куда-же»? «Въ ссылку, по приговору», отвѣчалъ Государь.—«Воля ваша», сказалъ я, только это будетъ несходно съ правдою и порядкомъ».—«Да онъ-же почти и невиноватъ», выговорилъ при томъ Безбородко.—«Какъже, говорилъ я, невиноватаго Сенатъ осудилъ, и Государю казнь его подписать дали»? На сіе Государь мнѣ съ гнѣвомъ сказалъ: «Полно, братецъ, перестань!» Замолчавъ, отошелъ я къ своему столу. Государь, поговоря опять тихонько-же съ Безбородкою, подошелъ ко мнѣ и уже милостиво спрашивалъ: «Ну, чтожъ ты думаешь сдѣлать»? «Я сдѣлаю то, что Ваше Величество приказать изволите; а думаю, что не сравнять наказаніе будетъ несправедливо и несходно съ вашимъ великодушіемъ». «Нѣтъ», сказалъ Государь, «этакъ нельзя: я прикажу Архарову» [19]).

Потрясенія, испытанныя Безбородкою по случаю неожиданной смерти Екатерины, не прошли даромъ для его уже ослабленнаго трудами и тревогами жизни здоровья. У него обнаружилась желчная лихорадка. Самъ Безбородко писалъ къ своей матери, 24 Декабря 1796 г.: «Наконецъ, слава Богу, я совершенно освободился отъ сильной болѣзни, желчной лихорадки, меня державшей, и теперь уже близко двухъ недѣль выѣзжаю повседневно. Милостію Его Императорскаго Величества я столько былъ взысканъ, что онъ не только всегда о моемъ здоровьѣ присылалъ освѣдомляться, но и самъ удостоилъ меня во время болѣзни моей своего высочайшаго посѣщенія».

---

[19]) Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы д. т. с. И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ, стр. 62—64.

Едва успѣлъ Безбородко оправиться отъ своей болѣзни, а можетъ быть еще и въ то время, какъ онъ лежалъ въ постели, на него возложена была важная дипломатическая работа по устройству Мальтійскаго ордена, переговоры съ которымъ начались еще при Екатеринѣ II. Она, послѣ перваго раздѣла Польши, совмѣстно съ Австріею и Пруссіею, поддерживала орденъ, хотя и не довѣряла ему. Еще въ 1773 г., подъ вліяніемъ политики Екатерины, Польскій сеймъ составилъ актъ, которымъ на Мальтѣ учреждено было великое пріорство и 6 командорствъ, съ отпускомъ на содержаніе ихъ 120,000 злотыхъ съ Острожскаго имѣнія, отошедшаго къ Россіи по первому раздѣлу Польши. Это побудило великаго магистра Эммануила Рогана, для окончательныхъ переговоровъ, назначить при Екатеринѣ полномочнаго министра въ лицѣ своего бальи графа Литты, Миланскаго уроженца, находившагося тогда въ Россійской службѣ контръ-адмираломъ. Удачно начатые имъ переговоры прекратились за смертію Екатерины, но тотчасъ возобновились при Павлѣ, который съ юныхъ лѣтъ оказывалъ сочувствіе всѣмъ стариннымъ рыцарскимъ учрежденіямъ, а особенно Іерусалимскому ордену. Графъ Литта, именемъ великаго магистра, ходатайствовалъ о возстановленіи существовавшаго на Волыни Мальтійскаго пріорства. Тронутый-ли несчастнымъ положеніемъ ордена, у котораго Французы отняли всѣ имѣнія и доходы во Франціи, или изъ давняго сочувствія къ его идеѣ и цѣлямъ [20], Павелъ въ Декабрѣ 1796 г. назначилъ графа Безбородку и князя Куракина полномочными для заключенія съ графомъ Литтою конвенціи. Въ одной изъ депешъ своихъ къ великому магистру, графъ Литта прямо высказался о князѣ Куракинѣ, что «Мальтійскій орденъ долженъ быть ему вполнѣ благодаренъ; онъ его творецъ въ Россіи, и онъ будетъ постоянно его поддерживать и ему пособлять». Разумѣется, графъ Литта судилъ только по тому, что́ видѣлъ, и о вліяніи, какое на Куракина имѣлъ Безбородко, знать не могъ. О Безбородкѣ онъ отзывается менѣе сочувственно. «Графъ Безбородко имѣетъ большое вліяніе, принадлежащее ему по его полезнымъ познаніямъ и глубокому просвѣщенію. Вполнѣ знакомый со всѣми дѣлами Имперіи, въ слѣдствіе весьма продолжительнаго управленія, и со всѣми государственными нуждами, онъ болѣе употребляемъ по распоряженіямъ и устройству, относящимся до внутреннихъ дѣлъ, чѣмъ по дѣламъ иностраннымъ» [21].

Быстрое веденіе переговоровъ и щедрость Павла, по выраженію историка Мальтійскаго ордена А. Ѳ. Лабзина, многократно изумлявшая вселенную, превзошли ожиданіе самого орденскаго магистра [22]: въ одинъ мѣсяцъ переговоры были окончены, и конвенція подписана въ С.-Петербургѣ 4 (15) Января 1797 г. [23]), а въ томъ же году къ конвенціи были присоединены «прибавочныя статьи», которыя почти всѣ писаны Безбородкою.

Донося о заключеніи конвенціи, графъ Литта просилъ великаго магистра наградить графа Безбородку и князя Куракина крестами; «а

---

[20]) Исторія ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго, А. Лабзина, СПБ., 1801 г., ч. 1, стр. 215—217.

[21]) Депеша графа Литты отъ 7 (18) Января 1797 г. Въ Сборникѣ Р. Ист. Общества, II, 229.

[22]) Исторія ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго, V, 216.

[23]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имперіи. № 17,708.

въ грамотахъ», добавляетъ онъ, «которыя ваше преимущество отправите на имя графа Безбородко и князя Куракина, съ назначеніемъ имъ креста благочестія, я умоляю васъ назвать ихъ кавалерами большаго креста, съ опущеніемъ выраженія: «почетный» [24]), и присовокупить, если возможно, наименованіе почетнаго члена высочайшаго главнаго орденскаго совѣта. Это наименованіе, которое, мнѣ кажется, ваше преимущество можете ввернуть въ частномъ письмѣ, не можетъ имѣть послѣдствій, здѣсь будетъ весьма пріятно принято и выставитъ въ лучшемъ свѣтѣ милости, оказываемыя вашимъ преимуществомъ» [25]).

Совѣтъ графа Литты не былъ принятъ вновь выбраннымъ 4 (17) Іюля 1797 г. великимъ магистромъ барономъ Фердинандомъ Гомпешомъ, которымъ была подписана 7 Августа 1797 г. «булла» на имя Безбородки. Въ ней просто сказано: «Твое къ ордену нашему особенное благоволеніе и превеликая благосклонность, которыми ты себя у насъ въ самой высшей степени по истинному достоинству заявилъ, внушаютъ намъ и побуждаютъ насъ, чтобы мы полноту твоихъ достоинствъ взаимнымъ одѣяли усердіемъ, и придали бы еще побужденіе къ усиленію любви твоей; и потому, собственнымъ нашимъ отъ истиннаго сознанія нашего побужденіемъ и по единодушномъ досточтимаго совѣта нашего обсужденіи, содержаніемъ настоящаго письма сообщаемъ тебѣ право, чтобы ты могъ постоянно носить на шеѣ золотой крестъ, по обычаю нашему устроенный» [26]).

29 Ноября поднесенъ былъ императору Павлу титулъ протектора и старинный крестъ «славнаго Лавалетта», а ранѣе были привезены знаки для Безбородки и другихъ лицъ. Государь, принялъ кавалерами большаго креста Безбородку и князя Куракина [27]). Безбородкѣ присланъ большой крестъ, осыпанный бриліантами.

Новый 1797 годъ принесъ Безбородкѣ новыя милости щедраго къ нему Монарха. «На сихъ дняхъ удостоился я, писалъ Безбородко къ матери, 6 Января, получить разные опыты особливаго Его Императорскаго Величества ко мнѣ благоволенія. На другой день (новаго года) Государь подарилъ мнѣ пребогатую звѣзду и крестъ, бриліантовые, ордена святаго Андрея, которые онъ самъ отъ самой первой своей свадьбы носить изволилъ; а сегодня пожаловалъ Якова Леонтьевича (Бакуринскаго) совѣтникомъ и Малороссійскимъ губернаторомъ. Дай Богъ, чтобы я былъ въ силахъ усердными трудами заслужить его милости».

---

[24]) Croix de dévotion, di devozione; въ договорѣ между Россіею и Мальтійскимъ орденомъ 4 (15) Января 1797 г. крестъ этотъ названъ «крестомъ благочестія» (Полн. Собр. Зак. № 17,708, ст. XXIV). Кресты благочестія и милости (di devozione e di grazia) давались лицамъ, не принадлежащимъ къ ордену и даже иновѣрнымъ. Почетные (ad honores) тоже, что кавалеры di grazia. (Сборникъ Р. Ист. Общ. II, стр. 164—275).

[25]) Тамъ же, стр. 230.

[26]) Подлинная грамота хранится въ семейныхъ бумагахъ графа А. И. Мусина-Пушкина.

[27]) Исторія ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго 1801 г., V, 242 и 244. Въ бумагахъ, хранящихся въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея, находится списокъ кавалеровъ Мальтійскаго ордена, писанный рукою князя Безбородки.

Не смотря, однако, на такія щедрыя милости и явные знаки особаго благоволенія Государя къ самому Безбородкѣ и къ близкимъ ему лицамъ, развившіеся болѣзненные припадки изнуряли его здоровье, и у него невольно являлась мысль, для сбереженія своихъ силъ и продленія жизни, оставить дѣла и службу. «Ваше сіятельство (писалъ онъ въ Москву къ гр. Воронцову отъ 13 Января 1797), извините меня благосклонно, что я долго не писалъ къ вамъ. Многія на то были причины, а болѣе, что не все еще установилось по нашему департаменту. Теперь, по крайней мѣрѣ, донесу вамъ, что Польскія дѣла послѣ завтра совершенно кончатся подписаніемъ конвенціи о долгахъ, кои Пруссаки согласилися платить по нашему плану, т. е. ровно съ нами по $^2/_5$, а Австрійцы $^1/_5$, пенсію же королю поровну. О Микетахъ (?) также соглашенось, и по сію пору политика наша идетъ тихо, безъ всякой особливой предилекціи. Съ Англіею хотятъ возобновить торговый трактатъ; но дѣло Шведское еще тянется, и о дозволеніи имѣть приватную церковь все еще происходитъ затрудненіе; но и тутъ Государь твердъ и не отступитъ отъ того, что его достоинство взыскиваетъ. Многое оставляю до свиданія. Милостями Его Величества не могу нахвалиться. Кромѣ его довѣренности, онъ не оставилъ около меня никого безъ награжденія. Сегодня, по полученіи первой реляціи на имя его отъ Кочубея, пожаловалъ его тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Кочубей и самъ рѣшился остаться еще на нѣсколько въ Царьградѣ, чтобъ при новомъ правленіи утвердить въ Туркахъ уваженіе надлежащее. Ваше сіятельство всегда отъ меня слышали, что я хотѣлъ удалиться отъ перваго мѣста нашей Коллегіи. Съ сими мыслями былъ я и при вступленіи Его Величества на престолъ. Я ему обѣщалъ посвятить себя на услуги его; на третій день угодно было ему предложить мнѣ канцлерское мѣсто, вмѣсто котораго я представилъ просто возведеніе меня въ первый классъ, прося Его Величество, чтобъ онъ Остермана наименовалъ канцлеромъ. Тогда же я напамятовалъ, что кн. Репнинъ насъ обоихъ старѣе, и онъ его тутъ же пожаловалъ. Гр. Остерманъ, по привычкѣ своей, искалъ играть первую ролю, и тутъ вышли недоразумѣнія, кои невиннымъ образомъ старику не въ лучшее обратилися; словомъ, что я, противъ воли моей и въ крайнюю тягость, очутился первенствующимъ въ департаментѣ de fait, а вижу, что скоро принужденъ буду и титуломъ тѣмъ-же учиниться. Сколько я ни желаю заслужить милости Государевы, но признаюсь, что мнѣ прискорбно, что сіе удаляетъ меня отъ моего вида жить покойно въ Москвѣ, и что предвѣстіе Маркова, что я брошенъ теперь въ пространное море плаванія, сбывается».

Въ тотъ же день, т. е. 13-го Января, Безбородко извѣстилъ мать о наградахъ, пожалованныхъ Государемъ «любимому ея внучку» В. П. Кочубею. «Къ 20-му Февраля ожидаютъ здѣсь короля Польскаго, съ которымъ ѣдетъ и графъ Илья Андреевичъ, а потомъ отправится въ Москву, чтобъ присутствовать при коронаціи Его Величества».

Но не за долго еще до пріѣзда въ Россію Станислава-Августа Понятовскаго, на Безбородку были возложены труды по вопросу о Польшѣ. 15-го Января 1797 года, Россія заключила съ Австріею и Пруссіею конвенцію объ окончательномъ раздѣлѣ Польши. Безбородко можетъ быть названъ главнымъ работникомъ съ Русской стороны въ устройствѣ этой конвенціи. За труды по заключенію этого дипломатическаго акта, Государь не замедлилъ вновь выразить Безбородкѣ свое расположеніе и вниманіе.

19 Января 1797 г. ему пожаловано званіе сенатора, о чемъ въ лестныхъ для него выраженіяхъ говорилось въ именномъ указѣ: «Графу Безбородкѣ повелѣваемъ присутствовать въ Сенатѣ нашемъ, когда онъ отъ прочихъ возложенныхъ на него дѣлъ время имѣть будетъ» [28]. Безбородко тѣмъ не менѣе ни въ одномъ изъ засѣданій Сената не присутствовалъ. Къ этому результату пришелъ я послѣ тщательнаго просмотра всеподданнѣйшихъ докладовъ Сената, съ 1797 года по 6-е Апрѣля 1799 г. (день кончины Безбородки). Ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ подписи Безбородки, какъ присутствовавшаго. Можно думать, что Государь, назначая Безбородку въ сенаторы, не желалъ и требовать отъ него обычной работы, соединенной съ этою должностію; пожалованіе это выражало лишь особенное расположеніе къ нему Павла и увеличивало только его содержаніе.

10-го (21-го) Февраля 1797 г. [29]) заключенъ съ Англіею новый торговый договоръ, при главномъ и дѣятельнѣйшемъ участіи въ составленіи его Безбородки и безъ всякаго участія со стороны только что возведеннаго въ канцлеры гр. Остермана. Кромѣ Безбородки упомянутый актъ подписали: князь Куракинъ, Соймоновъ и Англійскій посланникъ Витвортъ. Нельзя не замѣтить, что хотя этотъ договоръ касался только торговли, однако послѣ онъ получилъ весьма важное политическое значеніе по 10-й статьѣ, которая касалась спорнаго пункта о правахъ нейтральнаго флага [30]).

Время наконецъ приближалось къ коронаціи, торжество которой Павелъ хотѣлъ совершить какъ можно скорѣе. 23-го Февраля Безбородко увѣдомлялъ своего друга графа А. Р. Воронцова, жившаго тогда въ Москвѣ: «Иванъ Григорьевичъ Деминскій, отъѣзжая, желалъ имѣть мое письмо. Я тѣмъ пользуюсь, чтобы увѣрить ваше сіятельство, что у насъ нѣтъ ничего новаго послѣ отправленнаго отъ меня къ вамъ письма чрезъ посредство г. Пестеля. Бумаги, обѣщанныя вамъ, не готовы, но вы на сихъ дняхъ получите. Со дня на день ожидаемъ ратификаціи по Польскимъ дѣламъ. Король также на сей недѣлѣ прiѣдетъ и вслѣдъ за нами потащится въ Москву. Я завидую графу Петру Васильевичу [31]), что онъ скорѣе меня уѣдетъ и васъ увидитъ. Податель сего просилъ деревень, и письмо его ко мнѣ прислано. Я постараюсь о его пользѣ, хотя теперь и не такъ легко, какъ сначала подобныя просьбы успѣваютъ. Не случилось мнѣ написать къ вашему сіятельству, что покойная Императрица, за недѣлю предъ кончиною своею и въ послѣдній день, что я ее видѣлъ, много со мною говорила о намѣреніи своемъ всѣ деревни дворцовыя и экономическія раздать въ аренды заслуженнымъ, но не иначе, какъ произведя въ одной за другою губерніяхъ камеральныя описанія и раздачу, да и не съ публичнаго торга, а за заслуги, безъ потери казенной. Какъ вы думаете о семъ пунктѣ? О дворцовыхъ и помышлять теперь нельзя, ибо при раздачѣ отдѣлено до 150.000 душъ, и изъ нихъ уже сто тысячъ роздано, остальныя пятьдесятъ тысячъ отдѣлены для апанажей; да и изъ экономическихъ отдѣляется пятьдесятъ тысячъ на командоріи орденовъ».

---

[28]) Подлинникъ въ Архивѣ Прав. Сената, кн. именныхъ высоч. указовъ за Январь 1797 г.

[29]) Полн. Собр. Зак. № 17,796.

[30]) Война 1799 года, Милютина, изд. 1857 г. I, 28; III, 50.

[31]) Завадовскому.

Въ Мартѣ все было готово къ коронаціи, а 1-го числа, предъ отъѣздомъ въ Москву, Павелъ, на нѣсколько дней, переѣхалъ въ Павловскъ. Государя сопровождали немногія самыя приближенныя къ нему лица, при чемъ Безбородко былъ приглашенъ ѣхать съ Государемъ въ одной каретѣ» [32]). Въ концѣ Марта дворъ переѣхалъ въ Москву. Торжественный въѣздъ Павла изъ Петровскаго дворца въ Кремль и оттуда въ Слободской дворецъ совершился въ Вербное Воскресенье [33]). Нѣтъ сомнѣнія, что Безбородко употребилъ всѣ усилія къ блистательному пріему высочайшихъ особъ, избравшихъ его Московскій домъ мѣстомъ для своего пребыванія. «За недѣлю до коронаціи», писалъ Безбородко къ матери, «когда Ихъ Величества имѣли торжественный въѣздъ въ Москву и въ мой домъ на пребываніе прибыли, пожаловали мнѣ: Его Величество—портретъ на голубой лентѣ, а Государыня Императрица—перстень съ ея портретомъ». Тоже повторилъ Безбородко въ письмѣ къ Г. П. Милорадовичу, но съ подробностями: «Послѣ обыкновеннаго бываемаго предъ коронаціею торжественнаго въѣзда въ Москву, въ Субботу Вербную (?), по окончаніи всенощной, предъ ужиномъ, Государь, бывъ доволенъ домомъ моимъ и всѣми тутъ мною учиненными пріуготовленіями, почтилъ меня своимъ портретомъ весьма богатымъ, который и ношу на голубой лентѣ; Императрица же вручила мнѣ перстень съ ея портретомъ [34]).

На коронаціи, 5 Апрѣля, въ первый день Св. Пасхи, Безбородко былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Въ чинѣ дѣйствія коронованія» сказано: «Его Имп. Величество соизволилъ указать подать императорскую корону, которую д. т. сов. перваго класса гр. Безбородко подалъ митрополитамъ, а они поднесли Его Величеству на подушкѣ» [35]). Сличая «чины коронованія» двухъ предшествовавшихъ Государынь, я замѣтилъ, что въ коронацію Елисаветы Петровны корону подалъ ей первенствующій архіерей, который и возложилъ ее на главу Государыни; а при коронаціи Екатерины корону подалъ первенствующему архіерею канцлеръ (графъ Воронцовъ), и Государыня сама возложила ее на свою голову. Можетъ быть, повелѣніемъ, даннымъ именно Безбородкѣ, вручить корону іерархамъ для передачи, Павелъ хотѣлъ выразить предъ церковью и предъ народомъ, что корону эту, по волѣ Всевышняго, ему доставилъ передающій ее святителямъ старѣйшій при дворѣ и въ государствѣ сановникъ. При такомъ предположеніи, вполнѣ понятными становятся тѣ преимущественныя, такъ сказать, исключительныя милости, которыми осыпалъ его въ это время Государь. Князь Куракинъ, сообщая, что въ коронацію, кромѣ командорствъ, роздано было 105 лицамъ болѣе 82.000 душъ [36]), прибавляетъ къ этому, что больше всѣхъ получилъ Безбородко.

---

[32]) Письмо гр. Ростопчина къ гр. Воронцову, Р. Архивъ, 1876, II, 82.

[33]) Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго, Р. Архивъ, 1872, 158.

[34]) Изъ семейнаго архива графа Г. А. Милорадовича.

[35]) Чинъ дѣйствія коронованія Государя Императора Павла I, стр. 8.

[36]) Шишковъ въ своихъ Запискахъ (I, стр. 22) объясняетъ такую щедрость Павла съ государственно-политической стороны. Онъ пишетъ: «Графъ Безбородко и Кушелевъ, доброхотствовавшіе мнѣ, выпросили при раздачѣ или, лучше сказать, при расхватѣ деревень, и на мою долю 250 душъ, предоставляя мнѣ, какъ и всѣмъ другимъ, выбрать ихъ въ людномъ мѣстѣ. Причиною

Болѣе подробное и очень любопытное сообщеніе о полученныхъ Безбородкою и близкими ему лицами въ день коронаціи Павла наградахъ сохранилось въ собственномъ письмѣ Безбородки къ матери, отъ 8-го Апрѣля. «По крайней усталости, въ которую привели меня заботы какъ по пріуготовленіямъ, такъ и въ самый праздникъ, не въ состояніи я былъ писать и увѣдомить васъ о всѣхъ тѣхъ милостяхъ и щедротахъ, которыми Государю угодно было взыскать весь домъ нашъ. Учиненнымъ съ трона въ Грановитой Палатѣ провозглашеніемъ о сдѣланныхъ по сему случаю разнымъ особамъ награжденіяхъ пожалована мнѣ въ потомственное владѣніе, въ Орловской губерніи, вотчина Дмитровская, по духовной покойнаго князя Кантемира записанная блаженныя памяти государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Второй, въ которой 10 т. душъ слишкомъ и 30 т. десятинъ земли въ Воронежской губерніи по рѣкѣ Битюгу. Когда я пришелъ на тронъ для принесенія всеподданнѣйшей благодарности, то былъ пораженъ новымъ и всякую мѣру превосходящимъ знакомъ монаршаго благоволенія, о которомъ и предваренъ я не былъ. Тутъ прочтенъ былъ указъ Сенату, коимъ Его Величество возводитъ меня въ княжеское Россійской имперіи достоинство, присвояя мнѣ титулъ *свѣтлости* и жалуя, сверхъ того, еще 6 т. душъ въ потомственное владѣніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я самъ выберу. Графъ Илья Андреевичъ получилъ кавалерію св. Александра Невскаго и въ Литвѣ 1350 душъ. Якову Леонтьевичу (Бакуринскому) и Григорію Петровичу (Милорадовичу) пожалованы деревни въ Малой Россіи, въ копіяхъ указовъ, при семъ вложенныхъ, означенныя. Послѣ обѣда, когда Ея Величество Государыня Императрица, въ своей аудіенцъ - залѣ, для раздачи милостей отъ нея, по дозволенію Государя-супруга, ею пожалованныхъ, указала допустить предъ себя дамъ, то въ числѣ первѣйшихъ пожалованы были вы, милостивая государыня матушка, статсъ-дамою Ея Величества и дамою большаго креста ордена святыя великомученицы Екатерины, которыя знаки доставляются вамъ при письмѣ всемилостивѣйшей Государыни, ея собственною рукою писанномъ. Большая дочь графа Ильи Андреевича пожалована фрейлиною Ея Величества. Всѣ сіи милости тѣмъ вящшую имѣютъ цѣну, что я никогда не просилъ объ нихъ, а сдѣланы собственными подвигами Государя и Государыни. Я васъ отъ всего сердца тѣмъ поздравляю. Богъ да сохранитъ васъ до самыхъ позднихъ лѣтъ при наилучшемъ здоровьѣ. Въ день коронаціи, между прочими, имѣлъ я удовольствіе видѣть и пріятелей своихъ, взысканныхъ разными милостями, какъ-то: гр. Петра Васильевича (Завадовскаго) и гр. Семена Романовича (Воронцова), получившихъ голубыя ленты, а послѣднему и деревня. Осипу Степановичу (Судіенкѣ) пожалованы чинъ тайнаго совѣтника и въ Малороссіи деревни, и многимъ другимъ».

Въ письмѣ къ Г. П. Милорадовичу, отъ 8 Апрѣля, Безбородко говоритъ: «Теперь я вамъ скажу постепенно, дабы пріуготовить васъ къ рѣдкому примѣру милости Его Величества, и потому еще, что ни время, ни обстоятельства не могли мнѣ доставить случай хотя нѣсколько заслужить оныя. Я зналъ, что въ день коронаціи назначены мнѣ были деревни въ Орловской губерніи, покойнымъ княземъ Сер-

---

сей раздачи деревень, сказываютъ, былъ больше страхъ, нежели щедрость Павла I: напуганный, можетъ быть, примѣромъ Пугачева, онъ думалъ раздачею казенныхъ крестьянъ дворянамъ уменьшить опасность отъ народныхъ смятеній».

гіемъ Кантемиромъ блаженныя памяти государынѣ императрицѣ Екатеринѣ II духовною записанныя, болѣе 10 т. душъ, съ прибавкою 30 т. десятинъ самой плодоносной земли въ Воронежской губерніи. Когда, по прочтеніи генералъ-маіоромъ Ростопчинымъ воинскихъ награжденій, Дмитрій Прокофьевичъ (Трощинскій) началъ читать статскую моимъ именемъ, и пошелъ (я) къ трону благодарить Государя, то вдругъ онъ зачалъ читать оригинальный указъ въ Сенатъ, который Его Величество удержалъ меня слушать. Я былъ тутъ пораженъ, услышавъ, что Государь возводитъ меня въ княжеское Россійской Имперіи достоинство, присвояя титулъ свѣтлости, и жалуетъ еще мнѣ на выборъ 6 т. душъ! Теперь вы сами судите, какова моя при семъ случаѣ чувственность. Впрочемъ вы можете быть увѣрены, что я сіи 6 т. душъ не выберу въ Малороссіи, ни около Хмѣльника, ниже самихъ Водянокъ, которыя покойный и мною весьма оплакиваемый предобрый войтъ совѣтовалъ; а назначу, буде можно, сотъ нѣсколько душъ около Москвы, дабы содержать преогромный здѣшній домъ, а остальныя въ Воронежѣ по той же рѣкѣ Битюгу, гдѣ мнѣ и земли даны и гдѣ прямо рай земной. Дому Московскаго также не хочу продать, приведенъ будучи щедротами двухъ Монарховъ сряду до такого избытка, что, имѣя *сорокъ тысячъ душъ*, въ состояніи и деньги сколотить, и жить безъ нужды, и цѣлое имѣніе оставить тѣмъ, кому оно по наслѣдству по мнѣ принадлежать должно. Сообщите о семъ Якову Леонтьевичу» [37]).

Въ оффиціальныхъ документахъ, относящихся до этихъ милостей, мы находимъ еще бóльшія подробности и обращаемъ вниманіе читателя на выраженія, употребленныя въ трехъ указахъ, данныхъ 5 Апрѣля. Въ первомъ говорилось: «во всемилостивѣйшемъ уваженіи на усердную службу и труды»; въ другомъ: «въ изъявленіе къ усердной службѣ и ревностнымъ трудамъ графа Безбородко, на пользу государственную намъ въ благоугодность подъемлемымъ»; третьимъ указомъ родъ графа Безбородки повелѣвалось внести «въ число родовъ графскихъ Россійской имперіи». Далѣе въ рескриптѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны на имя матери Безбородки, Евдокіи Михайловны, при которомъ посланъ былъ Екатерининскій орденъ, сказано: «Отмѣнное Его Императорскаго Величества, нашего любезнаго Государя и супруга, благоволеніе къ усердію и доброй службѣ сына вашего, графа Александра Андреевича, даетъ вамъ право на особливое благоволеніе наше».

Всѣ милости, дарованныя Павломъ Безбородкѣ и его роднѣ, породили отзывы, неблагопріятные для самого Безбородки и ему близкихъ людей [38]). Графъ Ростопчинъ рѣзко осуждаетъ Безбородку за его чрезмѣрную доброту. Въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову, отъ 9 Ап-

---

[37]) Изъ семейнаго архива графа Г. А. Милорадовича.

[38]) Глафира Ивановна Ржевская, урожденная Алымова, въ «Памятныхъ Запискахъ» своихъ, говоритъ о Безбородкѣ, что онъ старался «радѣть человѣчеству», какъ выразился о немъ его землякъ. «Я никогда не искала», читаемъ въ Запискахъ, его (императора Павла) милостей, не желала ихъ и не сокрушалась, будучи лишена ихъ. Быть можетъ, въ душѣ я даже слишкомъ презирала ихъ. Князь Безбородко помѣстилъ мое имя въ спискѣ лицъ, представленныхъ къ наградѣ (при коронаціи Павла). Императоръ вычеркнулъ его, и мнѣ передали слова, сказанныя имъ по этому поводу: «она через чуръ гóрда» Р. Архивъ 1871, стр. 1—52.

рѣля, онъ пишетъ: «Привыкши говорить съ вами откровенно, я не скрою отъ васъ, что князь Безбородко сдѣлалъ большія неловкости. По проискамъ негодяевъ, его окружающихъ, онъ выхлопоталъ чинъ тайнаго совѣтника нѣкоему мерзавцу, да великолѣпное имѣніе въ 850 душъ и орденъ св. Екатерины своей любовницѣ Л***, распутной женщинѣ; а мужъ ея получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Вообще всѣ эти господа ведутъ себя дурно. Можно быть эгоистомъ, но не должно огорчать людей, которые, по чувству ли чести, или по глупости, поступали, какъ добрые простяки, относительно тѣхъ, кому считали себя обязанными» [39]).

Вскорѣ послѣ коронаціи Безбородко озаботился выборомъ для себя земель. Онъ обратился съ слѣдующею просьбою къ кн. А-ю Б. Куракину (10 Апрѣля 1797): «Въ совершенной надеждѣ на вашу ко мнѣ дружбу и благосклонность, я смѣю поручить вашему сіятельству дѣло мое въ полное распоряженіе; а прошу васъ только предостеречь, чтобъ назначеніе, мною дѣлаемое, деревень, на выборъ мнѣ предоставленныхъ, не было мнѣ вмѣнено въ нескромность: ибо, получивъ милости Монаршія, всякую заслугу превосходящія, прискорбно было бы мнѣ дать поводъ заключать, что я тутъ руководствуюсь какою либо жадностію. Я всѣмъ тѣмъ паче нежели доволенъ буду, что̀ Его Величество опредѣлить изволитъ; выборомъ же, вамъ предоставляемымъ, исполняю токмо его волю. Я раздѣлилъ (имѣнія) на три номера. Первый для меня былъ бы выгоднѣе; но, впрочемъ, повторяю, что совершенно слагаю все на щедроты Его Величества и на ваше стараніе. Тутъ причитается весьма малый излишекъ, который внесенъ для того, чтобы селенія не раздроблять; однакоже и въ семъ какъ угодно».

Изъ «перваго нумера», о которомъ Безбородко просилъ князя Куракина, видно, что ему хотѣлось получить въ Московской губерніи волости: Тайнинскую и Братовщинскую съ 1,560 душами и въ Воронежской губерніи, именно въ Бобровскомъ уѣздѣ, пять селъ съ 4,540 крестьянами. Желаніе Безбородки относительно Московской губерніи князь Куракинъ выполнить не могъ и на его просьбѣ написалъ: «Поелику Его Величество на раздачу въ Московской губерніи дворцовыхъ имѣній не соизволяетъ, то о семъ его свѣтлости князю А. А. Безбородкѣ дать знать, что̀ мною лично уже исполнено» [40]).

12 Апрѣля, въ указѣ, данномъ Сенату, были поименованы данныя Безбородкѣ восемь селъ въ Боровскомъ уѣздѣ съ 6,072 душами и съ землею въ количествѣ 15 десятинъ на каждую душу, и сверхъ того 30,000 десятинъ земли по рѣкѣ Битюгу въ Воронежской губерніи.

Прося за себя, Безбородко не отказывался ходатайствовать и за другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по его же просьбѣ состоялись и нѣкоторыя другія назначенія наградъ. Извѣстно, что Безбородко считалъ правиломъ своей жизни дѣлать добро, по возможности, всякому, о комъ онъ помнилъ или кто обращался къ нему съ просьбою, не говоря уже о родныхъ. Въ этомъ отношеніи любопытны два письма Безбородки къ томуже князю Куракину, касавшіяся Н. А. Львова и Яншина. О Львовѣ, 23 Апрѣля 1797 г., Безбородко писалъ: «Нѣсколько дней собирался я

[39]) Р. Архивъ 1876, II, 84. Ростопчинъ разумѣетъ здѣсь свои отношенія къ Безбородкѣ въ день кончины Екатерины.

[40]) Съ подлинниковъ, хранящихся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ архивѣ, сообщенныхъ мнѣ сенаторомъ Г. К. Рѣпинскимъ.

трудить ваше сіятельство изустнымъ моимъ предстательствомъ въ пользу Николая Александровича Львова, но за болѣзнію вашею не могъ то исполнить. Позвольте симъ просить васъ всепокорно объ употребленіи вашего милостиваго старанія при докладѣ о назначеніи пожалованныхъ ему деревень, чтобъ онъ могъ получить землю, въ запискѣ упоминаемую. Изъ нея 12,000 десятинъ въ Петровскомъ уѣздѣ были уже ему назначены и отмежеваны по силѣ рескрипта 1785 года, покойному князю Потемкину даннаго, но потомъ, по разнымъ обстоятельствамъ, не вошли въ его владѣнія; а между тѣмъ указъ о продажѣ земель остановилъ все дѣйствіе. Я совершенно полагаюся на вашу ко мнѣ благосклонность и на вашу охоту къ дѣланію добра людямъ». Во второмъ письмѣ, отъ 2 Іюля того-же года: «Ваше сіятельство, по склонности своей дѣлать добро, благодѣтельствовали г. Яншину въ его положеніи. Теперь отецъ его, коллежскій совѣтникъ, ищетъ подъ покровительствомъ вашимъ помѣщенъ быть по какой-либо приличной службѣ, не имѣя отнюдь ни малѣйшихъ видовъ корысти. Смѣю поручить его въ милость вашу и прошу принять благосклонно искреннія увѣренія въ моей вамъ преданности и истинномъ почтеніи».

Великое нравственное значеніе имѣютъ эти письма, которыми государственный сановникъ, стоящій на самой вершинѣ счастія и силы, какія только доступны подданному, охотно проситъ о другихъ лицахъ, не только родныхъ, но даже и постороннихъ.

XX.

Канцлерство.

Въ Москвѣ, 21 Апрѣля 1797 года, вышелъ, по прошенію, въ отставку незадолго предъ тѣмъ произведенный въ канцлеры 70-лѣтній графъ Остерманъ. Онъ уволенъ съ полнымъ «трактаментомъ», и кромѣ того съ подаркомъ серебряннаго сервиза, находившагося у него «по мѣсту канцлера» [1]).

Въ тотъ же день, Сенату данъ указъ о пожалованіи канцлерскаго званія князю Безбородкѣ [2]). Напрасно было бы думать, что со стороны Безбородки въ отношеніи къ графу Остерману велась какая либо интрига: графъ Остерманъ не владѣлъ вполнѣ своимъ мѣстомъ и при Екатеринѣ, будучи вице-канцлеромъ; но Екатерина его берегла, какъ старшаго сановника, къ которому привыкла, а за него для Екатерины думалъ и работалъ до совершенства понимавшій ея мысли и желанія Безбородко. Тоже продолжалось и при Павлѣ; но, не имѣя къ престарѣлому сановнику близкихъ отношеній и не отличаясь терпѣніемъ, Императоръ пожелалъ предоставить важнѣйшее государственное мѣсто тому самому лицу, которое давно уже направляло къ пользѣ и внутреннія, а особенно внѣшнія дѣла Отечества.

---

[1]) Подлин. именные высоч. указы, хранящіеся въ архивѣ Правительствующаго Сената, за 1797 годъ, кн. № 191., стр. 280. Въ сочиненіи Терещенки «Опытъ обозрѣнія» (II, 161), вѣроятно, по опечаткѣ, днемъ увольненія гр. Остермана означено 27-е, а не 21-е Апрѣля.

[2]) Подлинникъ хранится въ архивѣ Прав. Сената, кн. именныхъ ук., № 191. стр. 281, № ук. 219.

Не прошло и недѣли послѣ этого, какъ 26 Апрѣля (уже въ Петербургѣ) Государь пожаловалъ Безбородкѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе «порожжее мѣсто въ Москвѣ, купленное въ прошломъ году у генералъ-маіора Львова, у Яузы, у Николы въ Воробинѣ», что было выражено въ рескриптѣ, данномъ на имя Московскаго генералъ-губернатора Измайлова [3]). Въ другомъ рескриптѣ, данномъ на имя Безбородки въ тотъ же день, 26 Апрѣля, ему было уплачено 670.000 р. за его Московскій домъ «со всѣми въ домѣ имѣющимися уборами, исключая только серебряные буфетъ и фухлеты» [4]). Деньги эти повелѣвалось выдать изъ капиталовъ Главнаго Почтоваго Правленія, кои хранились въ Заемномъ Банкѣ, а Кабинету уплатить ихъ почтовому вѣдомству въ теченіи 8-ми лѣтъ, начиная уплату съ 1798 года [5]).

Въ первыхъ числахъ Мая 1797 года императоръ Павелъ отправился въ Литву для обозрѣнія областей, присоединенныхъ къ Россіи послѣ третьяго раздѣла Польши. Во все время путешествія Павелъ былъ доволенъ и веселъ. «Одинъ случай», пишетъ Ѳ. П. Лубяновскій, «разгнѣвалъ Государя, но и тотъ окончился смѣхомъ, по милости таракана. Его Величество желалъ видѣть обыкновенный, вседневный бытъ народа, и за тѣмъ строго было воспрещено поправлять дороги, чинить мосты и дѣлать какія бы то ни было приготовленія для путешествія Государя. Въ Смоленской губерніи, въ слободѣ Пневѣ, Государь замѣтилъ на мосту, по неубраннымъ щепамъ, свѣжія подѣлки и, спросивъ, кто приказалъ чинить мостъ, и о предводителѣ, отъ котораго то было приказано, велѣлъ князю Безбородкѣ написать что-то весьма нелегкое. Прибыли между тѣмъ на ночлегъ. Его Величество, смотря изъ окна на собравшуюся передъ квартирою толпу: «намъ здѣсь рады», сказалъ пришедшему. «Столько-ли бы еще было народа, тотъ отвѣчалъ, если бы не Безбородко!»—«А что съ нимъ?» поинтересовался Государь.—«Сѣлъ за столъ въ избѣ, въ своей квартирѣ, писать; тараканъ ему на руку; боится какъ огня таракановъ; выскочилъ изъ избы и, какъ шальной, съ перомъ въ рукѣ и безъ шляпы, побѣжалъ по селу, а народъ толпою за нимъ».—«Въ погоню за нимъ и сюда привести! Что, князь Александръ Андреевичъ, струсили? Бросьте!» [6]).

Въ разсказѣ А. И. Ханенки передаваемое Ѳ. П. Лубяновскимъ обстоятельство представляется въ иномъ видѣ и обрисовываетъ необыкновенную гибкость Безбородки, которою онъ, можетъ быть, всего лучше поддерживалъ свою завидную близость къ Императору. Ханенко пишетъ, что Государь, во время слѣдованія чрезъ Смоленскую губернію, замѣтилъ «множество крестьянъ, чинившихъ дорогу. Опрошенные Государемъ, они сказали, что высланы для исправленія пути помѣщикомъ Храповицкимъ по случаю царскаго проѣзда, и при этомъ удобномъ случаѣ жаловались вообще на притѣсненія своего владѣльца. Прибывши на станцію, взволнованный Императоръ, въ присутствіи окружавшихъ его придворныхъ и находивша-

[3]) Р. Архивъ, 1876, I, 11.

[4]) Вѣроятно, это—горки, которыя украшаются золотой, серебряной и хрустальной посудой, употребляемою въ парадные дни для сервировки обѣденныхъ столовъ.

[5]) Съ копіи, хранящ. въ дѣлахъ Кабинета Е. И. В., св. 446, ук. № 247.

[6]) Р. Архивъ 1872, стр. 159 и 160.

гося при немъ государя-наслѣдника, сталъ громко выражать свое негодованіе за ослушаніе его повелѣній.—«Какъ вы думаете, сказалъ Государь, Храповицкаго надо наказать въ примѣръ другимъ?» Всѣ безмолствовали. Тогда онъ, обратясь къ наслѣднику престола, сказалъ:—«Ваше высочество, напишите указъ, чтобы Храповицкаго разстрѣлять, и напишите, чтобы народъ зналъ, что вы дышете однимъ со мною духомъ». Благодушный Александръ въ смущеніи вышелъ въ другую комнату, какъ въ это самое время подъѣхала отставшая карета Безбородки, находившагося также въ свитѣ Государя. Великій князь-наслѣдникъ бросился къ нему, разсказалъ въ короткихъ словахъ происшедшее и просилъ его успокоить Государя.— «Будьте благонадежны», отвѣчалъ Безбородко обыкновеннымъ своимъ Малороссійскимъ выговоромъ, и вмѣстѣ съ наслѣдникомъ вошелъ въ комнату Государя.—«Ну вотъ, Александръ Андреевичъ!», обратился Павелъ къ нему и, объяснивъ дѣло, прибавилъ: «Какъ вы думаете, хорошо ли я сдѣлалъ, что приказалъ Храповицкаго разстрѣлять?»—«Достодолжно и достохвально, Государь», отвѣчалъ князь Безбородко тѣмъ-же Малороссійскимъ выговоромъ. Великій князь-наслѣдникъ и всѣ были поражены такимъ его отвѣтомъ.—«Вотъ видите, воскликнулъ Государь, что говоритъ умный человѣкъ; а вы чего всѣ испугались?» Подождавъ немного, князь Безбородко продолжалъ: «Только, Государь, Храповицкаго надо казнить по суду, чтобы всѣ знали, что ослушника повелѣній Государя караетъ законъ; слѣдовательно, нужно послать указъ Смоленской Уголовной Палатѣ, чтобы она немедленно пріѣхала въ полномъ своемъ составѣ на мѣсто и постановила свое опредѣленіе». Государь на это согласился, и сейже часъ о томъ былъ посланъ съ фельдъегеремъ указъ Палатѣ, а Государь отправился въ путь. Безбородко же съ намѣреніемъ отсталъ; замѣтивши вдали нѣсколько скачущихъ троекъ съ чиновниками въ мундирахъ и съ зерцаломъ, вышелъ изъ экипажа, пошелъ впередъ и, какъ бы гуляя, встрѣтилъ необыкновенный поѣздъ, остановилъ его, спросилъ предсѣдателя, отвелъ его въ сторону и сказалъ ему, чтобы онъ и его товарищи, не смотря ни на какія соображенія, какъ можно были осторожны и дѣйствовали сообразно съ законами въ предстоящемъ порученномъ имъ дѣлѣ; что въ противномъ случаѣ онъ и вся Палата могутъ подпасть подъ справедливый гнѣвъ Императора. По суду Храповицкій, выславшій крестьянъ для исправленія дороги не по случаю проѣзда Государя, а собственно потому, что она была испорчена дождями, былъ оправданъ» [7]).

Оффиціальнымъ путемъ дѣло разрѣшилось весьма просто, какъ и слѣдовало ожидать. Въ именныхъ указахъ, объявленныхъ Сенату, находятся два рескрипта Павла, писанные рукою Д. П. Трощинскаго и относящіеся до разсказаннаго событія. Одинъ изъ нихъ данъ на имя Смоленскаго военнаго генералъ-губернатора Философова, а другой на имя генералъ-прокурора, отъ 5 Мая 1797 г. Въ нихъ говорится, что Государь, проѣзжая чрезъ слободу Пневу, увидалъ новый мостъ. Узнавъ потомъ, что на постройку его употреблено двѣ недѣли времени и до 2000 р. денегъ, Государь тотчасъ-же велѣлъ выдать строющимъ его ямщикамъ изъ своей казны 2,500 р. и отыскать виновнаго,

---

[7]) Разсказы о старинѣ, А. И. Ханенки, въ Р. Архивѣ 1868, 1077—1080.

который, вопреки его повелѣніямъ, отягощалъ «ненужными работами» крестьянъ, а потому и повелѣлъ взыскать съ него эти деньги [8]).

Въ заключеніе разсказа о путешествіи, слѣдуетъ упомянуть, что князь Безбородко дѣйствительно боялся таракановъ; объ этомъ упоминаетъ въ своихъ «Запискахъ» и В. С. Хвостовъ, принимавшій участіе въ заготовленіи удобствъ для путешествовавшаго по Литвѣ императора Павла и его свиты, какъ предводитель одного изъ мѣстныхъ дворянствъ. По маршруту ночлегъ былъ назначенъ въ Ямбургѣ, а Государь, измѣнивъ маршрутъ, повелѣлъ приготовить ночлегъ въ Запольѣ, куда къ вечеру и прибылъ съ великими князьями и со свитою. «Я», разсказываетъ Хвостовъ, «приказалъ одному изъ четырехъ бывшихъ при мнѣ дворянъ доложить князю Безбородкѣ, зная, что онъ боялся таракановъ, что не угодно ли ему проѣхать въ Чирковицы, гдѣ ему приготовлена квартира въ господскомъ домѣ» [9]).

По возвращеніи Государя въ Петербургъ, не находимъ слѣдовъ внѣшней государственной дѣятельности Безбородки за цѣлый рядъ мѣсяцевъ, хотя онъ не переставалъ работать по внутреннимъ, обыкновеннымъ дѣламъ, о которыхъ будетъ сказано въ особомъ мѣстѣ. Однако нельзя не упомянуть здѣсь, что Безбородко въ это именно время былъ боленъ и, противъ него, если вѣрить графу Ѳ. В. Ростопчину, составлялся заговоръ при помощи бывшей его пріятельницы Нелидовой. Канцлеръ, страдавшій запущенною простудою и проводившій весь Іюнь мѣсяцъ въ городѣ для лѣченія сильнѣйшей рожи на ногѣ, послужилъ предметомъ желчной рѣчи графа Ростопчина, который, 18 Іюня 1797 г., писалъ въ Лондонъ къ гр. С. Р. Воронцову: «Жаль, что ему (Императору) не даетъ покоя...., которая вмѣшивается въ дѣла, суетится, сплетничаетъ, окружаетъ себя Нѣмцами и дозволяетъ негодямъ себя обманывать. На дняхъ она выхлопотала г-ну Шуазель-Гуфье двѣ тысячи душъ за то, что онъ поднесъ ей нѣсколько рисунковъ и наговорилъ приторныхъ любезностей. Она, для большей увѣренности въ успѣхѣ, вступила въ союзъ съ Нелидовою, которую справедливо ненавидѣла и которая сдѣлалась близкимъ ея другомъ съ 6 Ноября прошлаго года. Насъ трое или четверо нетерпимыхъ этими особами: ибо мы служимъ одному только Императору, а этого не любятъ и не хотятъ. Онѣ желали-бы устранить князя Безбородку и замѣнить его княземъ Александромъ К., глупцомъ и пьяницей, поставивъ во главѣ всего военнаго вѣдомства князя Репнина, и управлять всѣмъ чрезъ своихъ приверженцевъ» [10]).

Самъ Безбородко не проговаривается объ этомъ ни въ одномъ изъ цѣлаго ряда своихъ писемъ къ роднымъ, писанныхъ въ эти мѣсяцы. Можно здѣсь замѣтить, что въ случаѣ болѣзни, или вообще свободы отъ служебныхъ занятій, Безбородко обыкновенно отдавался влеченіямъ родственныхъ чувствъ и начиналъ усиленную переписку съ близкими людьми. За это время родственная переписка Безбородки началась еще раньше отъѣзда его съ Государемъ въ Литву.

Одной изъ его племянницъ сдѣлалъ предложеніе Волынскій губернаторъ. 27 Апрѣля Безбородко, извѣщая объ этомъ сватовствѣ мать свою, писалъ ей: «Получивъ на сихъ дняхъ отзывъ отъ г. губерна-

---

[8]) Подлинн. рескрипты хранятся въ архивѣ Прав. Сената, Спб., кн. именныхъ высоч. указовъ, 1797 г., Май, № кн. 192, № ук. 280.

[9]) Записки В. С. Хвостова, Р. Архивъ, 1870, 590.

[10]) Р. Архивъ II. 1876, 86.

тора Волынскаго Михаила Павловича Миклашевскаго о желаніи его сочетаться бракомъ съ вашею любезною внучкою, а моею племянницею Настасьею Яковлевною Бакуринскою, долгомъ почитаю донести о томъ вамъ, милостивая государыня матушка, а равно увѣдомить и ея родителей, прося вашего на то позволенія и благословенія. Вы сами изволите знать сего человѣка, въ котораго благосостояніи принималъ я всегда участіе. Онъ еще весьма не изъ пожилыхъ, въ знатномъ чинѣ и мѣстѣ, человѣкъ, впрочемъ, добронравный; самъ онъ не преминетъ отозваться, а получа отпускъ и пріѣхать». Въ слѣдъ за тѣмъ, 6 Іюля, Безбородко въ письмѣ же къ матери выражаетъ заботу о своемъ братѣ: «Не пишу теперь къ гр. Ильѣ Андреевичу, не зная, возвратился ли онъ въ Стольное изъ Гринева, а сверхъ того со дня на день ожидая извѣстія, къ которому времени назначится отъѣздъ посла Турецкаго изъ Царяграда, по полученіи котораго надобно будетъ гр. Ильѣ Андреевичу пріѣхать на малое время сюда для полученія своей инструкціи и слѣдованія на встрѣчу тому послу на Днѣстръ въ Дубоссары».

27 Августа Безбородко пишетъ къ своему племяннику Г. П. Милорадовичу: «Считая, что вы теперь постоянно живете въ Черниговѣ, къ вамъ влагаю письмо къ Татьянѣ Андреевнѣ (Бакуринской) и къ вамъ адресую посылки, къ ней и къ матушкѣ слѣдующія, прося доставить ихъ по надписямъ. Изъ чего вы взяли, что вы не имѣете чина 4 класса? Генеральный судья считается въ семъ классѣ не зарядъ, но навсегда. Вы опредѣлены не въ должность, а сказано вамъ быть судьею генеральнымъ, слѣдовательно вы на Русскомъ языкѣ и полное превосходительство; а только когда васъ пошлютъ министромъ, то я вамъ сего титула не дамъ, ибо у насъ ниже тайнаго совѣтника excellence не именуютъ. Насилу я выздоровѣлъ и не знаю, на долго-ли? Мнѣ жить покойно; да, правду сказать, и время такое въ Европѣ, что надобно быть очень безпокойнымъ министромъ, чтобъ захотѣть туда впутаться. Лишь бы у насъ дома шло хорошо, то всѣ прочіе въ дуракахъ останутся, а мы все людьми будемъ. Правду сказать, и масса большая: не скоро кто опрокинетъ, и много лѣтъ надобно». «Въ Москвѣ зачинаю я домъ строить огромнѣе прежняго. Планъ дѣлаетъ Гваренги, и какъ вы охотникъ снимать планы, то, по отдѣлкѣ, пришлю для образца. Коллекція моя знатно умножается ожидаемыми изъ Италіи и привезенными изъ Голландіи преславными. Я досталъ превели . . . . [11]), котораго одинъ плутяга хотѣлъ для меня купить за тысячу гиней, а мнѣ онъ достался за 300 гиней, и которому всѣ приходятъ кланяться. Да еще получилъ четырехъ Вернетовъ, одинъ другаго лучше. Тутъ же пріѣхали двѣ мѣдныя группы славнаго Жирардена, которыя Кольбертомъ были представлены Людовику XIV. Одна представляетъ похищеніе Плутономъ Прозерпины, а другая такое же Оретія Бореемъ на булечныхъ [12]) піедесталахъ. Прощайте: спѣшу ѣхать въ Гатчино, и вѣрьте моей къ вамъ искренней преданности».

Черезъ двѣ недѣли, 11 Сентября 1797 г., Безбородко пишетъ томуже Г. П. Милорадовичу: «Не любя ссоръ нигдѣ, а болѣе между роднею, я уже нѣсколько времени слышалъ съ сожалѣніемъ о таковой распрѣ у Павла Екимовича (?) съ Яковомъ Леонтьевичемъ (Бакурин-

---

[11]) Въ подлинникѣ нѣсколько словъ вырвано.
[12]) Т. е. на деревянной мозаикѣ.

скимъ) и давно собирался писать къ вамъ о примиреніи ихъ. Дальнее продолженіе того можетъ только сдѣлать обоимъ вредъ; а потому вы, яко служака добрый, и не оставьте постараться ихъ сблизить и отнять всякій поводъ ко взаимнымъ негодованіямъ, тѣмъ болѣе, что въ будущемъ году я не могу провожать Государя до Чернигова [13]; а въ моемъ отсутствіи, ссоряся, они лишь только навлекутъ на себя неудовольствіе, а на всѣхъ насъ предосужденіе. Я на васъ совершенно надѣюся и нетерпѣливо жду отъ васъ отвѣта. Что выдетъ изъ вашего хваленаго Хмѣльника? Сущая Малороссійская маетность. Хлѣба купи да вино кури, а продавъ вино, опять хлѣба купи, и такъ далѣе. Хозяйскіе обороты, изъ коихъ никогда не родятся деньги: на оборотъ же ни жить, ни строиться нельзя. Мнѣ досталися въ Сѣвскомъ и Кромскомъ уѣздѣ десять тысячъ душъ, хотя безземельныя, но за то хорошо, что, по росписанію, должны давать 66,000 р. доходу, и я уже половину ихъ получилъ, а въ Мартѣ бери другую. Воронежскія и безъ устройства 6400 душъ даютъ 50,000 р., а ежели я устрою хозяйство, то, думаю, пойдетъ и вдвое. Николай Карадыкинъ изъ своихъ 600 душъ беретъ безъ хлопотъ 8,000 рублей при грамотѣ отъ своихъ крестьянъ на языкѣ, имъ не понимаемомъ, ибо они Мордва. Если бы я не располагалъ Хмѣльницкаго староства на двѣ части дочерямъ гр. Ильи Андреевича, я бы его давно съ рукъ сжилъ. Евдокимъ Степановичъ (Судіенко) получилъ отставку и весьма добрымъ манеромъ, съ полнымъ жалованьемъ, съ правомъ мундира, а сверхъ того за его долговременную службу Государь прислалъ ему кавалерію Св. Александра Невскаго. Онъ считаетъ себя пресчастливымъ, уподобляясь Прусскому капитану временъ Фридриха Вильгельма, у котораго полонъ ротъ хлѣба, но, по выбитіи зубовъ, нечѣмъ ѣсть. На немъ сбылося писаніе: не видѣхъ праведника оставленна, ниже наслѣдіе его просяща хлѣба. И паки: за Богомъ молитва, а за Государемъ служба не пропадетъ. Сіе послѣднее я и на себѣ отчасти видѣлъ. Помните сей дурной день прошлаго года, когда думали, что будетъ Шведскій сговоръ? Нетерпѣливо ожидаю пріѣзда Виктора Павловича (Кочубея), ибо Коллегія наша опустѣла; работать нѣтъ человѣка за отправленіемъ гр. Панина въ Берлинъ. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ подъ конецъ проявилось много писарей такихъ, какъ въ старые годы у насъ бывали, то есть неписьменныхъ. Принужденъ большею частію самъ работать, а уже силъ мало стаетъ».

Въ тотъ же день, 11 Сентября, Безбородко писалъ матери о своихъ племянникахъ Бакуринскихъ: «По желанію Татьяны Андреевны отправляются дѣти ея, которыя съ симъ будутъ имѣть честь предстать предъ вами и донесутъ о здоровьѣ моемъ и гр. Ильи Андреевича съ его сыномъ. Впрочемъ, отъ Татьяны Андреевны и Якова Леонтьевича будетъ зависѣть, къ какой службѣ предназначатъ они дѣтей своихъ и сюда прислать ихъ, а я въ обязанность и въ удовольствіе себѣ поставлю споспѣшествовать ихъ добру».

Извѣстіями-же о родныхъ наполнены и два дальнѣйшія письма Безбородки къ матери отъ 19 и 25 Сентября. «Яковъ Леонтьевичъ по прошенію его, всемилостивѣйше уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, съ награжденіемъ чина тайнаго совѣтника, а на его мѣсто опредѣленъ Малороссійскимъ губернаторомъ Михаилъ Павловичъ (Миклашевскій). Ра-

---

[13]) Это путешествіе Государя до Чернигова не состоялось; онъ ѣздилъ въ 1798 году въ Казань.

дуюсь, что сіе дѣло по вашему желанію совершилося и усердно желаю, чтобъ толь близкое пребываніе внуковъ вашихъ служило къ вашему утѣшенію». Въ другомъ письмѣ: «Курьера настоящаго отправилъ я къ гр. Ильѣ Андреевичу съ тѣмъ, что ему уже время сюда пріѣхать для полученія инструкціи и разныхъ распоряженій, дабы зимою могъ онъ назадъ возвратиться и въ Мартѣ поспѣть на Днѣстръ, гдѣ близко Бендеръ назначено размѣнять обоихъ пословъ. Григорій Петровичъ Милорадовичъ 22 Сентября пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ. Теперь моя забота состоитъ въ томъ, чтобъ и Яковъ Леонтьевичъ, при первомъ удобномъ случаѣ, могъ получить повышеніе чина, ему по справедливости слѣдующее».

Къ 18-му Октября относится замѣчательное ходатайство Безбородки, касающееся извѣстнаго профессора Московскаго Университета и сотрудника Новикова по распространенію новыхъ идей и книгъ въ Россіи, Шварца. Безбородко писалъ о немъ князю А. Б. Куракину: «Мы бы его охотно у себя помѣстили, если бы здоровье и домашнія обстоятельства не убѣждали его предпочтительно искать пристроенія въ Лифляндіи. Впрочемъ, онъ самый честный и благонравный человѣкъ». На это ходатайство князь Куракинъ отвѣчалъ сообщеніемъ, что «надворный совѣтникъ Шварцъ опредѣленъ совѣтникомъ Лифляндскаго Губернскаго Правленія [14]).

Выздоровѣвъ и явившись при дворѣ съ возвращеніемъ императорской фамиліи, Безбородко по прежнему занялъ обычное мѣсто въ довѣріи и совѣтахъ Государя. Замыслы противъ него не оставили слѣдовъ, и въ это время, 12 Ноября, тотъ-же графъ Ростопчинъ уже писалъ своему другу, что «князь Безбородко продолжаетъ пользоваться большимъ значеніемъ и старается, по обыкновенію своему, какъ можно менѣе заниматься дѣлами. Если онъ не перестанетъ собирать картины, то его галлерея, черезъ нѣсколько лѣтъ, будетъ одною изъ богатѣйшихъ въ Европѣ; ибо она уже стоитъ ему около 250,000 р. и содержитъ нѣсколько образцовыхъ произведеній» [15]).

Какъ всегда, такъ и теперь, при первомъ случаѣ, который серьезно требовалъ усидчивости, Безбородко не отказывался отъ нея, несмотря на ослабѣвшія отъ болѣзни силы, ни на сознательное желаніе какъ можно болѣе беречь себя. Такъ, 9 Декабря, Безбородко шлетъ въ Лондонъ къ гр. Воронцову, большое, весьма важное и любопытное дипломатическое письмо: «По связи нашей съ Лондонскимъ дворомъ, чтобъ поставить ваше сіятельство въ удобность изъясниться по настоящимъ дѣламъ Австрійскимъ съ Французами, угодно было Его Императорскому Величеству позволить мнѣ извѣстить васъ о сообщеніи Вѣнскаго двора и о нашемъ на то отвѣтѣ. Графъ Кобенцель, извѣщая меня о заключеніи мира и чувствуя его невыгоды какъ для себя на будущее, по крайней мѣрѣ, время, такъ еще и болѣе для союзниковъ и ставя однако сущую необходимость, именемъ двора своего, спрашиваетъ мыслей Его Величества и предъявляетъ готовность рушить сіе постановленіе, если Государь Императоръ обѣщаетъ составить общее дѣло. Ваше сіятельство собственнымъ своимъ проницаніемъ объемлете, настала-ли возможность рѣшиться на послѣднюю мѣру, когда Вѣнскій дворъ ускорилъ уже совершеніемъ сво-

---

[14]) Съ подлинниковъ сообщенныхъ мнѣ сенаторомъ Г. К. Рѣпинскимъ и хранящ. въ Архивѣ Прав. Сената, въ СПБ.

[15]) Р. Архивъ 1876, II, 87.

его трактата, не смотря на то, что шесть недѣль до того назадъ, на предложеніе его, дабы, въ случаѣ продолженія войны, Его Величество принялъ на себя удержать короля Прусскаго отъ всякаго содѣйствія Французамъ, не требуя уже отъ Россіи иной помощи, со стороны Его Величества сдѣлана была согласная тому отповѣдь, и какъ въ Берлинѣ учинены были весьма ясныя и сильныя внушенія, такъ и самые переговоры у гр. Панина съ г. Кальяромъ бывшіе остановлены: можно ли было за таковою на миръ рѣшимостію императора Римскаго оказать свое сопротивленіе, когда Австрійскій дворъ, не говоря уже о разныхъ по Нѣмецкой землѣ несходственныхъ настоящему времени распоряженіяхъ, навлекъ намъ собственно немалую заботу, доставляя Французамъ удобность владычествовать надъ Портою и ею намъ наносить вредъ при всякомъ случаѣ? По сему уваженію, благоразуміе требовало, чтобъ мы отвѣтъ нашъ Вѣнскому двору ограничили въ слѣдующей силѣ: что если его римско-императорское величество предпочелъ для своей безопасности ускорить миромъ съ Французами, то Государь Императоръ, и по человѣколюбію, съ каковымъ отъ начала своего царствованія преподавалъ совѣты къ прекращенію настоящей пагубной войны, и по особливому доброхотству къ союзнику своему, желаетъ только, дабы миръ сей содѣлался прочнымъ и слѣдствія условій его не влекли съ собою новыхъ безпокойствъ; что дружескія нашего двора расположенія извѣстны наипаче изъ прекращенія собственныхъ нашихъ переговоровъ съ Франціею и изъ послѣднихъ сильныхъ внушеній, въ Берлинѣ сдѣланныхъ, для отвращенія короля Прусскаго отъ подкрѣпленія Французовъ противъ императора и противу цѣлости Германской имперіи, въ сохраненіи коея императоръ казался съ нами единомышленнымъ; что теперь остается ожидать на назначенномъ между интересованными контрессѣ общей развязки, дабы дальнѣйшіе поступки свои Государь Императоръ могъ учредить, какъ то достоинство его востребуетъ; что между тѣмъ, по тѣсной дружбѣ съ императоромъ и по сходству взаимныхъ интересовъ, не можетъ Его Величество не учинить ему примѣчанія, коль невыгодно для обоихъ союзниковъ нынѣшнее сосѣдство Французовъ съ Портою, когда первымъ дается полная удобность употребить послѣднюю орудіемъ для своихъ вредныхъ замысловъ; что по сіе время одна изъ главныхъ цѣлей связи между двумя императорскими дворами была удерживать Турковъ въ предѣлахъ и обезпечить цѣлость владѣній своихъ взаимныхъ гарантированіемъ; что Его Величество, конечно, удаленъ отъ всякихъ притязаній, кои могли бы дать поводъ къ остудѣ съ Портою, ограничивая всѣ свои къ ней отношенія въ простомъ исполненіи договоровъ и являя ей во всемъ пріязнь; но, что ежели бы, паче чаянія, сія держава, обольщенная или устрашенная Французами, рѣшилась, съ помощію ихъ, на непріязненныя противу Россіи дѣйствія, въ такомъ случаѣ Его Величество, надѣясь на добрую вѣру союзника своего въ исполненіи обязательства, кое дядя, родитель его и онъ самъ на себя восприяли, ожидаетъ отъ него и связи, и удостовѣренія, что въ отраженіи подобныхъ непріятельскихъ покушеній составитъ онъ общее дѣло и при настояніи случая предъявитъ такое же расположеніе, какъ Государь Императоръ сдѣлалъ равное объявленіе въ Берлинѣ въ пользу Вѣнскаго двора. Сіе есть истинное существо нашего отвѣта, и мы надѣемся, что Лондонскій дворъ не найдетъ тутъ ничего, чтó бы съ доброю вѣрою и съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ не согласовало».

Въ это самое время потребовались труды Безбородки и по дѣламъ Польши. Развѣнчанный король Станиславъ-Августъ особенно былъ близокъ къ Безбородкѣ, который познакомился съ нимъ во время Крымскаго путешествія Екатерины (въ первыхъ числахъ Марта 1787 г. въ Хвостовѣ). Король питалъ къ Безбородкѣ «уваженіе и довѣрялъ ему больше, чѣмъ другимъ Русскимъ вельможамъ». Въ Запискахъ своихъ онъ оставилъ воспоминаніе о гостепріимствѣ князя Безбородки, у котораго онъ обѣдалъ. «15 Декабря (1797 г.) король былъ на обѣдѣ у князя Безбородки. Чрезвычайная пышность! Воображеніе повара, который, между прочимъ, приготовилъ и славную Сарданапалову бомбу съ Эпикуровымъ соусомъ, изобрѣтенную кухмистеромъ Фридриха II, истощило все свое богатство. Подавали вина всякаго рода и самыя лучшія; вездѣ курились драгоцѣннѣйшія благовонія, и всѣ десертныя блюда накрыты были хрустальными колоколами, съ прекрасными Этрурскими фигурами здѣшней фабрики» [16]).

Недолго прожилъ въ Россіи Польскій экс-король: онъ скончался отъ апоплексіи 12 Февраля 1798 г., въ Мраморномъ дворцѣ, оставивъ огромное число придворныхъ чиновъ и прислуги, неоплаченныхъ жалованьемъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. По поводу этого обстоятельства, въ рескриптѣ на имя князей Безбородки, Куракина и барона Васильева императоръ Павелъ выразилъ между прочимъ: «Нашли мы сходственнымъ съ человѣколюбіемъ нашимъ призрѣть оставшихся послѣ Станислава-Августа разныхъ чиновъ и служителей». Нѣсколько мѣсяцевъ по смерти Понятовскаго Безбородко былъ занятъ разборомъ прошеній отъ чиновъ и служителей покойнаго короля, кои были подаваемы на имя Государя, и по его повелѣнію препровождаемы къ князю-канцлеру. Вся же тяжесть этого дѣла легла на барона Васильева, который занималъ тогда должность государственнаго казначея. Къ сожалѣнію, какъ увидимъ ниже, Безбородкѣ не суждено было увидѣть конецъ своихъ трудовъ по этому человѣколюбивому дѣлу императора Павла.

Труды по устройству дѣлъ покойнаго экс-короля Польскаго были щедро вознаграждены съ наступленіемъ весны 1798 года: 1-го Марта 1798 г. императоръ Павелъ пожаловалъ своему канцлеру «въ вѣчное и потомственное владѣніе земли и состоящія при нихъ изъ числа Астраханскихъ ловель воды» [17]).

Синеморскими водами Безбородко владѣлъ съ 1785 г.; тогда онѣ были отведены ему Астраханскою Канцеляріею, по повелѣнію Екатерины, которая, въ видахъ заселенія края Русскими, раздавала земли весьма многимъ сановникамъ, близкимъ къ князю Потемкину, «властителю Юга Россіи». Авторъ статьи: «Объ Астраханскомъ и Каспійскомъ рыболовствѣ» говоритъ, что графъ Безбородко и князь Вяземскій были первыми помѣщиками Астраханскихъ ловель, которыя, какъ извѣстно, составляютъ неисчерпаемый источникъ богатства [18]).

Но всѣ милости, дарованныя Безбородкѣ Павломъ, мало утѣшали Безбородку. Онъ писалъ къ гр. С. Р. Воронцову, 19-го Марта 1798 г.: «Пользуюсь возвращеніемъ въ Лондонъ курьера г. Витворта, чтобъ увѣдомить ваше сіятельство кратко, что Вѣнскій дворъ, вступая съ

[16]) Вѣстникъ Европы 1808, XI, 157 и 158.

[17]) Подлинный указъ въ архивѣ Прав. Сената, кн. именн. ук. № 202.

[18]) Архивъ историч. свѣдѣній, Калачова, 1860, V, 63 и 64.

Берлинскимъ въ безпосредственное сношеніе по настоящимъ дѣламъ (хотя основанное, впрочемъ, на той недовѣренности и зависти, которыя оба сіи двора не покидаютъ взаимно даже и тогда, когда ихъ цѣлость требовала бы хотя на сіе время откровеннѣйшаго и дружественнѣйшаго поведенія) предложилъ Прусскому двору окончить ихъ недоразумѣнія подъ медіаціею Его Императорскаго Величества. Предложеніе сіе у насъ принято съ удовольствіемъ. Его Величество ожидаетъ только равнаго отзыва отъ короля Прусскаго, а между тѣмъ пріуготовляются нужныя инструкціи, чтобъ дѣло сіе производить и доводить къ желаемому концу въ Берлинѣ для отвращенія медленности и для скорѣйшаго уличенія и уничтоженія всякихъ затѣй, коихъ, по образу мыслей наглаго г. Гохвица (Гаугвица), нельзя не ожидать. Съ нашей стороны, не на семъ одномъ ограничится негоціація. Мы совершенно согласны съ Лондонскимъ дворомъ въ томъ, что надобно, да и время, положить преграду дальнѣйшимъ Французскимъ замысламъ. Берлинскій дворъ отозвался, хотя не очень ясно, ощущая таковую же пользу и нужду новаго соединенія между разными державами; но въ переговорахъ о взаимныхъ у него спорахъ, до индемнизаціи касающихся или, лучше сказать, до захвата чужаго, станемъ мы настоять, чтобъ между Имперіею Всероссійскою, короною Великобританскою, обоими нашими союзниками на твердой землѣ, пріобща къ тому и Данію (въ разсужденіи Зунда, для насъ важную) заключенъ былъ союзъ, на правахъ оборонительныхъ основанный и къ тому клонящійся, чтобъ по крайней мѣрѣ сохранить державы въ цѣлости ихъ мѣрами надежными. По волѣ государевой сказано отъ меня о сей матеріи въ довѣренности г. Витворту. Но что касается до требованной на сей разъ помощи противу десанта Французскаго, ваше сіятельство сами признаете, что тѣже настоятъ происшествія и тѣже собственную нашу безопасность интересующія уваженія; наипаче же когда мы видимъ, что Франція уступкою Венеціанскихъ береговъ получаетъ вящшую удобность распоряжать Турками и ихъ подкрѣплять и что она нимало не теряетъ изъ виду возмущать Поляковъ. Что касается до существа инструкціи на негоціацію (между Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворами будущую), я могу въ крайней довѣренности сказать вашему сіятельству, что мы всему предпочтительнѣе желали бы, дабы отвращены были всякія притязанія обоихъ ихъ на счетъ Нѣмецкой земли, оставляя въ ней и внутреннюю цѣлость всѣхъ владѣній; да и можно бы королю Прусскому согласиться, получая ни за что удовлетвореніе прещедрое въ раздѣлѣ Польскомъ. Вѣнскій дворъ также бы съ Ляхова, какъ говорятъ, торгу могъ бы удовольствоваться хотя и несоразмѣрными пріобрѣтеніями въ Италіи; а еще бы лучше сдѣлалъ, еслибъ, въ замѣну замашекъ своихъ на Германію, уговорилъ Французовъ оставить въ его пользу острова Корфу съ товарищи. Но трудно на сіе надѣяться. Въ такомъ случаѣ наше дѣло будетъ, чтобъ они сколько можно меньше брали и сколько можно менѣе разрушали существованіе нынѣшнихъ вещей. Нелегко, конечно, будетъ намъ успѣвать, но мы имѣемъ надежду на самую необходимость, которая убѣдитъ обоихъ союзниковъ нашихъ предпочесть мирное распоряженіе новой ссорѣ.—Здоровье мое худо и ото дня на день оказываетъ признаки старости и упадка силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Ожидаю нетерпѣливо пріѣзда моего племянника (В. П. Кочубея изъ Константинополя), чтобъ могъ пособить мнѣ въ дѣлахъ, которыя на силу отправляю; при томъ хо-

чется остатокъ вѣка пожить для себя въ старой столицѣ, къ которой я имѣю большую предилекцію. Прощайте, живите спокойно и здорово; сохраните ко мнѣ вашу дружбу и будьте увѣрены въ непоколебимости моей къ вамъ преданности».

Къ описываемому времени относится участіе Безбородки и въ генеральныхъ собраніяхъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта. Еще съ 1793 г. онъ числился «почетнымъ благотворителемъ», а потому и былъ приглашенъ на генеральныя собранія Совѣта, происходившія 20-го Марта и 1-го Апрѣля 1798 г., когда обсуждалось дѣло Московскаго купца Ларина. По украденнымъ у него билетамъ Совѣтъ, «ошибочно», выдалъ г-жѣ Цыгоровой 80.000 р. Изъ всеподданнѣйшаго доклада «генеральнаго собранія», представленнаго императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, видно, что 10-ть голосовъ, въ томъ числѣ и князь Безбородко, «усматривали въ этомъ дѣлѣ подлогъ и ошибку», а потому и полагали: изслѣдовать предварительно подлогъ и имѣніе виновныхъ взять въ казну, и если его «недостаточно на удовлетвореніе Воспитательнаго Дома, тогда обратиться уже къ положенію дѣла, въ ошибкѣ заключающагося». Два противные голоса полагали, «что выданныя по билетамъ вкладчика Ларина деньги должно взыскать съ тѣхъ, которые опредѣленіе о выдачѣ оныхъ подписали». Собраніе рѣшило вопросъ по большинству голосовъ, и 9-го Апрѣля докладъ его, подписанный 12-ю лицами (между которыми Безбородко подписался вторымъ) послѣ графа I. Сиверса, представленъ императору Павлу. Государь повелѣлъ поступить согласно съ представленіемъ большинства голосовъ «генеральнаго собранія». До окончанія этого процесса, тянувшагося нѣсколько лѣтъ, Безбородко не дожилъ [19]).

Съ наступленіемъ лѣта, Безбородко, по волѣ Императора, отправился въ Москву, о чемъ онъ и писалъ 1-го Мая къ своей матери. Сказавъ предварительно, что «никакимъ образомъ не можно было пристроить къ мѣсту сына Ивана Васильевича Городинскаго», который просрочилъ отпускомъ и чрезъ то потерялъ право «на опредѣленіе къ дѣлу», и обѣщавъ ей отыскать «время и случай къ тому удобный», Безбородко продолжаетъ: «Его Величество, отправляяся въ Москву и Казань, повелѣть изволилъ мнѣ, чтобъ я за три дня въ Москву отправился и тамъ для близости остался, покуда Государь изъ Казани въ Ярославль прибудетъ, а тамъ поспѣшилъ бы къ его возвращенію въ Петербургъ: посему я завтра ѣду и надѣюся сюда обратно чрезъ шесть недѣль быть». Въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову находимъ больше подробностей. «Его Императорское Величество, въ Среду, то-есть, 5-го Мая, изволитъ ѣхать въ Москву и Казань, а оттуда, чрезъ Ярославъ, къ 15-му Іюня возвратится въ столицу здѣшнюю. Государю угодно было, чтобы я, по моему разстроенному здоровью, отъѣхалъ прежде въ Москву и потомъ, до пріѣзда его въ Ярославъ, остался тамъ, получая всѣ дѣла и къ нему пересылая, а къ 15-му Іюня воротился сюда. Я радъ, что увижу графа Александра Романовича, къ которому нарочно поѣду. Воспользуюся также симъ временемъ, чтобы заложить новый домъ въ Москвѣ

[19]) Подлинн. доклады по этому дѣлу хранятся въ архивѣ Прав. Сената, Спб., въ кн. именныхъ высоч. указовъ за 1798 г., мѣсяцы Мартъ и Апрѣль. Матеріальныхъ пожертвованій въ пользу Воспитательнаго Дома Безбородко не дѣлалъ, какъ о томъ можно заключить изъ обнародованнаго списка благотворителей.

на прекрасномъ и первомъ въ Москвѣ мѣстѣ, въ концѣ Воронцовскаго поля, на Яузѣ, у самаго Бѣлаго города лежащемъ, которое досталъ отъ княгини Хованской покойный князь Потемкинъ, а послѣ его купила блаженныя памяти Императрица. Везу съ собою Гваренги, сочинившаго огромный планъ. Дай Богъ прежде сооруженія дома получить покой и свободу самому смотрѣть за строеніемъ и всѣми дѣлами своими!»

Объ этомъ «огромномъ планѣ» необходимо сказать нѣсколько словъ. Онъ справедливо можетъ быть названъ «великолѣпно-роскошнымъ». Безбородко былъ въ свое время однимъ изъ лучшихъ знатоковъ изящнаго и однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ любителей комфорта. Джіакомо Гваренги былъ также однимъ изъ даровитѣйшихъ того времени художниковъ-архитекторовъ. Талантливый артистъ вполнѣ уловилъ утонченныя желанія князя и въ своемъ планѣ удачно совмѣстилъ блескъ, достойный неизмѣримаго богатства и совершеннѣйшаго вкуса, и удобства, требуемыя самою взыскательною и вмѣстѣ самою покойною семейною жизнію. Гваренги начертилъ великолѣпныя гостиныя, залы, скульптурную и картинную галлерею, нумизматическій кабинетъ, библіотеку, театръ, и даже указалъ на то, что должно было находиться въ домѣ по требованіямъ вкуса и роскоши. Домъ спланированъ былъ двухъ-этажный, съ огромнымъ садомъ и съ 25-ю жилыми покоями въ каждомъ изъ обоихъ этажей. Какъ на образчикъ того совершенства, какимъ обладало артистическое произведеніе Гваренги, достаточно указать на развалины, которыми предполагалось украсить садъ. Онѣ представляютъ не грубый видъ гротовъ, въ какомъ обыкновенно воспроизводили ихъ архитекторы того времени, а настоящія классическія руины въ Греческомъ и Римскомъ стилѣ. Смерть Безбородки прекратила работы по возведенію дома, когда еще не былъ оконченъ даже фундаментъ къ нему, и я былъ бы лишенъ всякой возможности сообщить что-либо о предположенномъ для дома планѣ, если бы копіи съ его рисунковъ не были изданы, въ послѣдствіи, въ Миланѣ почитателями архитектора Гваренги [20]). Достаточно всмотрѣться къ изданные рисунки Гваренгинскаго плана, чтобы заключить о величіи и красотѣ зданія, которое если бы было создано, то несомнѣнно сдѣлалось-бы памятникомъ, достойнымъ изученія.

2-го Марта 1798 г., Безбородко выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву [21]). Здѣсь прожилъ онъ, какъ и предполагалъ, около двухъ мѣсяцевъ. Торжественная закладка дома, происходившая 7-го Іюня,

[20]) Fabbriche e disegni di Giacomo Quarenghi, architetto di S. M. L' Imperatore di Russia, cavaliere di Malta et di S. Wolodomiro, illustrate dal cav. Giulio suo figlio. Milano, Presso Pavlo Tosi MDCCCXXI. Въ этомъ изданіи помѣщено описаніе дворца его сіятельства князя Безбородки (palazzo di s. e. il principi Besborotko), а къ описанію приложены четыре гравюры.

[21]) Передъ отъѣздомъ въ Москву Безбородко подалъ просьбу Св. Сvноду о дозволеніи матери его, въ селѣ Стольномъ, «по глубокой старости и болѣзнямъ», построить въ своемъ домѣ церковь во имя Св. Равноапостольной Маріи Магдалины. Св. Сvнодъ, опредѣленіемъ 3 Мая, разрѣшилъ имѣть церковь (Дѣло Св. Сvнода, 1798 г., № 192); а 22 Мая Безбородко отправилъ къ матери письмо, въ которомъ говоритъ: «Для комнатной вашей церкви сосуды, Евангеліе и крестъ съ кадильницею, серебряные, съ украшеніями, при семъ въ ящикѣ посылаются».

праздновалась великолѣпно и закончилась фейерверкомъ, который воспѣтъ пѣвчимъ хора, Московскаго Уѣзднаго Суда регистраторомъ нѣкіимъ Симскимъ. Онъ въ «Акростихахъ» на этотъ случай выражается между прочимъ:

«Если князь здѣсь будетъ обитати,
Какъ тѣнь, исчезнутъ всѣ несчастія съ бѣдами» [22]).

Послѣднія четыре строчки «Стиховъ» выражаютъ тогдашнія чувства Москвичей къ князю Безбородкѣ:

«Какъ огнь стремится вверхъ къ началу всѣхъ красотъ:
Такъ жители Москвы любовію стремятся
Къ тебѣ, свѣтлѣйшій князь! Стремленья-жъ прекратятся
Тогда, какъ смерть дней ихъ косой нить пресѣчетъ».

Отпраздновавъ закладку дома, Безбородко, 9 Іюня, отправился обратно въ Петербургъ и вскорѣ былъ обрадованъ пріѣздомъ своего племянника и воспитанника В. П. Кочубея, котораго онъ представилъ императору Павлу въ Павловскѣ. Объ этомъ представленіи онъ писалъ къ своей матери: «Вчера, то есть 13 Іюня, по утру благополучно прибылъ я въ Павловскъ, гдѣ Ихъ Императорскія Величества до Петрова дня пребыванія имѣть изволятъ. Викторъ Павловичъ, по дозволенію государскому, сегодня поутру изъ Петербурга сюда пріѣхалъ и удостоился весьма милостиваго и отличнаго пріема. Его Величество приказалъ ему на нѣсколько дней здѣсь остаться».

Какъ ни благодаренъ былъ Императору Безбородко за новый знакъ милости къ его питомцу, но изъ послѣдующихъ его писемъ замѣтно, что онъ все болѣе тяготился службою и искалъ покоя. Онъ писалъ въ Лондонъ къ своему другу, 29 Іюля 1798 г.: «Содержаніе депешъ, съ нимъ (т. е. курьеромъ) слѣдующихъ, безъ сомнѣнія будетъ пріятно двору тамошнему (Англійскому) и послужитъ къ вящшему утвержденію связи самой свойственной. Ничего новаго не нахожу дополнить со стороны политики, кромѣ, что Турки, утѣсняемые бунтомъ Пасванъ-Оглу и бывъ устрашены затѣями Французскими, приступаютъ къ намъ съ настояніями о союзѣ съ приступленіемъ Англіи и Пруссіи. Мы не откажемся ее вовлечь въ нашу систему, но послѣдняя держава ни для насъ, ни для нихъ ненадежна. За тѣмъ требуютъ помощи. Мы и сіе дать не отречемся, ежели они согласятся флотъ нашъ Черноморскій на настоящій разъ и ея войну пропустить изъ Чернаго моря въ Средиземное и обратно въ Черное; а на таковой случай вице-адмиралъ Ушаковъ имѣетъ запасное повелѣніе идти съ 14 кораблями, кромѣ меньшихъ судовъ, чрезъ каналъ и Дарданеллы и дѣйствовать по условію съ Турками. Ежели нашъ Черноморскій флотъ очутится въ Архипелагѣ, а Англійскій также будетъ съ нами въ Средиземномъ морѣ, тогда конечно рѣшительная поверхность будетъ на сторонѣ нашей; а дальнія слѣдствія во вредъ Фран-

[22]) Стихи, поднесенные Безбородкѣ Симскимъ, переписаны въ тетрадь, въ четвертку, на заглавномъ листѣ которой слѣдующая надпись: «Его свѣтлости, высокопревосходительному господину канцлеру, д. т. с., сенатору, надъ почтами въ государствѣ главному директору и орденовъ св. Александра Невскаго, св. Равноапостольнаго Князя Владиміра и св. Анны кавалеру, князю Александру Андреевичу Безбородку, пѣвческаго хора, Московскаго Уѣзднаго Суда регистратора Василія Симскаго, усерднѣйшее прошеніе».

цузовъ, кои могли бы выдти изъ подобнаго положенія, ваше сіятельство сами лучше объемлете.—Не смотря на прилежное лѣченіе, столь худо успѣваю, что долженъ терять надежду оправиться совершенно, развѣ покой моральный и физическій тутъ присоединится. Прощайте и сохраните дружбу къ человѣку, искренно вамъ преданному».

Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу, отъ 15 Августа 1798, Безбородко говоритъ: «Сегодняшняя экспедиція столь обширная, что никакого дополненія не требуетъ. Ваше сіятельство тутъ увидите, что мы далеко распространяемъ нашимъ союзникамъ помощь. Надобно же выросги такимъ уродамъ, какъ Французы, чтобъ произвести вещь, какой я не только на своемъ министерствѣ, но и на вѣку своемъ видѣть не чаялъ, то есть: союзъ нашъ съ Портою и переходъ флота нашего чрезъ каналъ. Послѣднему я радъ, считая, что наша эскадра пособитъ общему дѣлу въ Средиземномъ морѣ и сильное дастъ Англіи облегченіе управиться съ Бонапарте и его причетомъ; но что касается до сухопутнаго войска, я бы желалъ, чтобъ не удалося Французамъ двинуться отъ ихъ поссессій новыхъ близъ Албаніи: ибо мы бы тогда могли побольше отрядить въ Нѣмецкую землю, разумѣя, коли вы деньги выходите. Въ Польскихъ провинціяхъ войска очень много назначено подъ командою графа Солтыкова и князя Репнина, кои и край удержатъ въ тишинѣ, и короля Прусскаго поставятъ въ контенансъ. Ваше сіятельство изъ Турецкаго трактата увидите, что наше Черноморское вооруженіе не слишкомъ страшно, хотя 50-ти и 46-ти пушечные корабли съ большею артиллеріею и въ линіи на баталіи ложатся. Мы еще подкрѣпимъ сію эскадру двумя новыми 74 пушечными кораблями, и такъ мы будемъ въ одномъ 84 пушечномъ, въ четырехъ семидесяти-пушечныхъ и четырехъ шестидесятишести-пушечныхъ, и того въ девяти настоящихъ корабляхъ, въ трехъ 50 пушечныхъ корабляхъ, которые вымудрилъ князь Потемкинъ, и двухъ 46 пушечныхъ большихъ фрегатахъ, то есть: въ 14 линейныхъ судахъ, кромѣ двухъ легкихъ фрегатовъ и мелкихъ судовъ. Вотъ все, что́ у насъ есть живое и здоровое. Изъ оставшихъ трехъ кораблей большихъ, двухъ 50ти-пушечныхъ, четырехъ 46 пушечныхъ и двухъ фрегатовъ, кромѣ легкихъ судовъ, лучшіе, то есть двѣ трети, составятъ резервную эскадру, а прочіе останутся, какъ grands-cottes. Приуготовлена у насъ и флотилія, которая можетъ на крайній случай, буде бы Французы двинулися къ Турецкой столицѣ, чтобъ въ ней произвесть революцію, пойти къ Варнѣ или далѣе къ сторонѣ канала и тамъ высадить войско. Но дай Боже до сего не доходить! Деньги меня болѣе всего безпокоятъ, при крайней дороговизнѣ, при худомъ курсѣ, при большихъ издержкахъ и многомъ, чего и изъяснить нельзя. Если мы съ честью и добромъ выдемъ изъ всего сего, то велика милость Божія. Ожидаемъ теперь Кобенцеля со дня на день. Не пишу о прочихъ перемѣнахъ въ нашемъ внутреннемъ министерствѣ, въ чемъ я не имѣю ни малаго участія существеннаго, а вижу только одно доброе, что́ изъ сего вычту: перемѣну или поправленіе новаго Банка, возложенное на меня, графа Петра Васильевича (Завадовскаго) и барона Васильева, человѣка честнаго, твердаго и знающаго, съ пріобщеніемъ тутъ и бывшаго генералъ-прокурора князя Куракина. По крайней мѣрѣ дальнее зло прекратится и убавится общая жалоба».

Упомянутая Безбородкою эскадра Ушакова 23 Августа уже всту-

пила въ Босфоръ и бросила якорь у Буюкъ-дерэ. Турки съ восторгомъ приняли Русскаго адмирала [23]).

Между тѣмъ, не прекращавшаяся, а напротивъ усиливавшаяся болѣзнь Безбородки побудила его неотложно рѣшиться на оставленіе служебныхъ занятій. Принявъ такое рѣшеніе, онъ призналъ лучшимъ для дѣла указать Государю на преемника себѣ и передать канцлерство давнишнему своему другу, Лондонскому посланнику, графу С. Р. Воронцову, которому, 22 Сентября, онъ и писалъ объ этомъ: «Полагая, что Викторъ Павловичъ (Кочубей) пишетъ къ вашему сіятельству во всемъ пространствѣ, я сокращаюся въ немногихъ строкахъ, имѣя къ тому причиною и мое вовсе разстроенное здоровье. Года два почти, то есть съ послѣднихъ мѣсяцевъ предъ кончиною блаженныя памяти Императрицы, простудившися и запустивъ болѣзнь, столь сильно вкоренилася во мнѣ желчь, что, при малѣйшемъ физическомъ или моральномъ приключеніи, она во мнѣ производитъ самыя непріятныя слѣдствія. Ваше сіятельство одни меня вылѣчить можете, принявъ мѣсто, вамъ на первое время предлагаемое, чтобъ послѣ занять мое. Государь говоритъ, что не станетъ васъ женировать въ образѣ жизни вашей; да правду сказать, и я съ сей стороны пользуюся выгодою весьма обширною. Викторъ Павловичъ останется у васъ помощникомъ и сотрудникомъ, а я вамъ обязанъ буду несказанною благодарностію, что доставите мнѣ способъ полѣчить себя и пожить по своей волѣ послѣдніе годы или дни моего вѣка, такъ какъ заранѣе васъ прошу и самою дознанною ко мнѣ вашею дружбою заклинаю не говорить мнѣ ни слова въ удержаніе меня у дѣлъ или въ службѣ. Много ли, или мало я въ томъ потрудился, а былъ не токмо свидѣтелемъ, но и участникомъ многаго, къ чести государства и его прибыли совершившагося. Не справедливо ли, чтобъ мое желаніе добрымъ было увѣнчано успѣхомъ? Я разумѣю желаніе покоя. Василію Степановичу (Тамарѣ) крестъ Св. Анны съ симъ курьеромъ отправленъ».

О томъ, что́ отвѣчалъ графъ Воронцовъ Безбородкѣ на только что приведенное предложеніе послѣдняго, можно догадываться по письму князя-канцлера, полученному Воронцовымъ 1-го Ноября 1798 г. «Пользуясь твоимъ письмомъ чрезъ Н. В. Назаревскаго, я съ нимъ ознакомился, и бесѣда его во утѣшеніе мнѣ, ибо напиталъ я душу мою всѣми свѣдѣніями, каковы хотѣлъ имѣть о тебѣ и твоемъ семействѣ. Если въ чемъ услуги мои могутъ быть ему полезны, я готовъ ходатайствовать. Но до сего не дойдетъ дѣло, поелику новый вице-канцлеръ самъ его знаетъ довольно. Сожалѣю, мой другъ, что немощи одолѣваютъ тебя. Въ свою мѣру и на меня возлегла рука разрушающей насъ старости. Припадковъ болѣзненныхъ еще не дознаю, а признаки преломленія бреннаго человѣчества уже во мнѣ видимы. Впрочемъ, долготою вѣка и пресѣченіемъ онаго не прельщаюсь, ни мятусь, полагая, что для умершихъ то и другое совершенно ничто. Прости мнѣ, что я тебя уговаривалъ взглянуть на Роджерсонову картину. Сердечное побужденіе превозмогало надо мною. Желалось еще разъ въ мою жизнь тебя увидѣть. Но когда къ тому ты заперъ дверь, исповѣдую не обинуясь твое благоразуміе, что изъ покойной пристани не сунулся на зыбь. Подминистерство у насъ новое. Не попрекай молодостію въ большихъ званіяхъ. Въ Римѣ Сципіонъ, въ

[23]) Милютинъ, Война 1799 г. I, 71.

Англіи Питтъ превзошли старѣйшихъ. Производство въ дѣйствительные тайные совѣтники не малочисленно. Всѣ чины—монета безъ внутренняго вѣса. Я пребываю безъ перемѣны въ моихъ прежнихъ желаніяхъ—отойтить отъ большаго свѣта и водвориться въ деревню, гдѣ я нѣсколько и мотовато соорудилъ себѣ пристанище на дни послѣдніе и послѣ смерти. Подъ симъ разумѣй: домъ, садъ, церковь и гробъ. Обстоятельства непредвидимыя остановили только шагъ, а не мою рѣшимость. Должность эта по инымъ, а отнюдь не по моему желанію пришла: и прескучна, и презаботлива. Предмѣстникъ мой, по своему честолюбію и легкомыслію, какъ по другимъ частямъ, такъ и въ сей, насадилъ довольно спекулятивныхъ затѣевъ, а запачканное бѣлье для всякой прачки тяжкій трудъ. И такъ, мой другъ, я удерживаюся, выглядывая случай отпроситься съ благопристойностію, и если услышишь о моемъ удаленіи, принимай яко слѣдствіе моего стремленія къ покою, а буде достанется испить и не отъ сей чаши, то и та судьба, лишь бы не отымала покоя, несносна мнѣ не будетъ. По окончаніи воспитанія, совѣтую прислать сюда твоего сына на время, чтобъ увидѣлъ свое Отечество, своихъ родныхъ и со всѣми познакомился. Подвигъ для переду ему весьма нужный. Но доживу ли я до сего благополучія, чтобъ обнимать сына съ тѣми чувствами, которыя къ отцу его имѣю? Про дѣла скажутъ тебѣ депеши министровъ, а я возвѣщу тебѣ, что братъ твой совершенно здоровъ и благоденствуетъ въ своемъ уединеніи. Вчера полученное письмо отъ него сіе содержитъ. Прощай, милый другъ» [24]).

Въ тотъ день, когда графъ Воронцовъ читалъ предыдущее письмо, Безбородко писалъ ему:

«Ваше сіятельство меня извините, что, страдая самымъ сильнымъ ревматизмомъ, который почти отнимаетъ все дѣйствіе правой руки, да и чувствуя притомъ такіе во всей правой сторонѣ симптомы, которые скорое разрушеніе состава моего предвѣщаютъ, при многихъ моральныхъ непріятностяхъ, которыя, хотя до меня принадлежатъ, но интересуютъ другихъ; а я въ двадцать лѣтъ моей службы при весьма большомъ Государѣ привыкъ видѣть всѣхъ счастливыхъ и довольныхъ. Дѣла нынѣшнія не требуютъ дальнихъ распространеній сверхъ того, что̀ въ рескриптахъ увидите. О новомъ Банкѣ вышли указы, которыми публика, кажется, довольна. По крайней мѣрѣ, зло весьма значительнымъ образомъ уменьшено. Даны способы къ промѣну, и кредитъ удержанъ. Промѣнъ хотя не начатъ, но уже облигаціи вошли въ цѣну, и потеря, вмѣсто десяти, теперь менѣе пяти процентовъ, а съ новаго года, я думаю, они будутъ au pair съ ассигнаціями и выше мѣди. Казна тутъ выиграетъ около тридцати пяти милліоновъ, кои обратятся на истребленіе ассигнацій; а сверхъ того Ломбардъ или, лучше сказать, весь составъ Воспитательнаго Дома получаетъ въ пособіе, въ теченіе 25 лѣтъ, по четыреста тысячъ на годъ. Ломбардъ-то и былъ одною изъ причинъ сей худой операціи».

Сдержанность Безбородки въ объясненіяхъ касательно состоянія внутреннихъ дѣлъ, дошедшая до замѣчательной фразы только что приведеннаго письма: «дѣла нынѣшнія не требуютъ дальнихъ распространеній сверхъ того, что̀ въ рескриптахъ увидите»; упоминаніе о «многихъ моральныхъ непріятностяхъ» и о томъ, что «въ двад-

---

[24]) Письмо это (печатаемое авторомъ съ современнаго списка) принадлежитъ конечно не Безбородкѣ, а скорѣе не графу ли Завадовскому. П. Б.

цать лѣтъ своей службы, при весьма большомъ Государѣ», Безбородко «привыкъ видѣть всѣхъ счастливыхъ и довольныхъ»; намекъ на «зыбь», въ которую графъ Воронцовъ благоразумно «не сунулся изъ покойной пристани», и также сорвавшееся съ пера признаніе, что если бы «пришлось испить чашу удаленія отъ дѣлъ, и та судьба, лишь бы не отымала покоя, несносна» ему «не будетъ»: все это приводитъ къ предположенію, что въ числѣ обстоятельствъ, побуждавшихъ Безбородку искать удаленія отъ дѣлъ, кромѣ болѣзненности и усталости, имѣла мѣсто и тяжесть тогдашняго придворнаго и вообще Петербургскаго положенія, которая зависѣла отъ крутаго нрава Государя. Въ то время жизнь въ Петербургѣ доходила до мучительной нестерпимости. Сравнивая общественное настроеніе съ злыми морозами наступившей жестокой зимы, Ѳ. П. Лубяновскій говоритъ: «Нельзя было не замѣтить съ перваго шага въ столицѣ, какъ дрожь, и не отъ стужи только, словно эпидемія, всѣхъ равно пронимала. Называли ее, гдѣ какъ требовалось: торжественно и громогласно—возрожденіемъ; въ пріятельской бесѣдѣ, осторожно, въ полголоса—царствомъ власти, силы и страха; въ тайнѣ, между четырехъ глазъ—затмѣніемъ свыше» [25]).

Но болѣзненная старость и тревожное положеніе при дворѣ какъ будто теряли для Безбородки всякое значеніе, коль скоро ему приходилось вступать въ привычную сферу политики. Императоръ Павелъ, принявъ близкое участіе въ дѣлахъ Западной Европы и ставъ душею новаго союза противъ Франціи, рѣшился поддержать общее дѣло монарховъ. Безбородко ревностно трудился надъ устройствомъ и упроченіемъ этого союза, и перо его, удержавшееся отъ политическихъ сужденій въ предыдущемъ письмѣ къ гр. Воронцову, снова принялось за самыя подробныя изображенія политическихъ плановъ, внушеній, совѣтовъ и предложеній. Отъ 25-го Ноября князь-канцлеръ писалъ въ Лондонъ: «Ваше сіятельство желали отъ меня увѣдомленія о бывшихъ между графомъ Панинымъ и г. Кальяромъ переговорахъ. Они началися по желанію Французовъ, когда уже прелиминаріи Леобенскія [26]) подавали несомнѣнную надежду мира, а конференціи въ Лилѣ также были въ дѣйствіи. Вы сами признаете, что намъ однимъ оставаться назади было несходно, ибо Французы имѣютъ не одинъ способъ вредъ намъ причинить, если бы мы нашлись въ войнѣ съ ними и по замиреніи съ другими. Сіи переговоры ведены были къ тому, чтобъ возстановить доброе согласіе и переписку, но въ намѣреніи не возобновлять торговаго трактата, а еще меньше входить въ какія либо политическія сближенія. Оно было близко конца; но когда миръ съ союзникомъ нашимъ началъ становиться сомнительнымъ, а притомъ пошло тѣснѣйшее сношеніе съ Берлинскимъ дворомъ у Директоріи, Государь приказалъ суспендировать и гласно свою негоціацію; да и въ Берлинѣ учинили королю Прусскому деклараціи такія точно, какихъ и въ послѣднее царствованіе Вѣнскій дворъ не получилъ бы отсюда. Угодно было графу Кобенцелю слѣпить миръ, совсѣмъ не сходный съ нашими ожиданіями; а потому и не наша вина; а наше дѣло предохранять себя отъ дальней опасности и обезпечить себя покоемъ, нужнымъ и для того, чтобъ попра-

---

[25]) Р. Архивъ, 1872, 144.

[26]) Леобенскій договоръ былъ подписанъ 7-го (18-го) Апрѣля 1797 г. между Франціею и Австріею.

вить свои финансы послѣ безпрерывныхъ хлопотъ. Кто знаетъ, что, можетъ быть и скоро, обстоятельства произведутъ въ системѣ нашей перемѣну, хотя Его Величество настоящую предпочитаетъ той, которая до 1780 г. дѣйствовала. Всегда, однакожъ, мы будемъ хороши съ землею, гдѣ вы пребываете, а не соединимся съ Французами».

Черезъ нѣсколько дней, именно 6 Декабря, Безбородко вновь пишетъ гр. Воронцову замѣчательное письмо: «Пользуясь курьеромъ, отправленнымъ отъ кавалера Витворта для предварительнаго донесенія двору о мѣрахъ сильныхъ и рѣшительныхъ, которыя съ нашей стороны въ настоящей войнѣ предпринимаются, и полагая, что, по распоряженіи всего, пошлется къ вашему сіятельству нашъ курьеръ, спѣшу васъ увѣдомить, что сегодня я получилъ отъ Его Императорскаго Величества полныя приказанія по сей матеріи»:

1) «Съ г. Витвортомъ заключить зачатый субсидный трактатъ, по которому сорокъ пять тысячъ войска изъ дивизій Литовской и Лифляндской обратятся въ содѣйствіе противу Французовъ, какъ только рѣшится король Прусскій пойти на Голландію и отнять у Французовъ присвоеннаго ими къ сторонѣ Нидерландовъ и вообще за Рейномъ, гдѣ мы не удалены предложить ему и виды пріобрѣтенія; да и отъ графа Кобенцеля имѣемъ увѣреніе, что, исключая три духовныя курфиршества, не позавидуютъ они его Прусскому величеству, ежели онъ достанетъ себѣ что либо изъ земель, Французами присвоенныхъ по трактату Кампоформіо. Сіи субсидіи полагаемъ мы (по разсчету съ уменьшеніемъ противу шестидесятитысячнаго числа на 45,000) имѣть девятьсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ; на приготовленіе-жъ войска и на всякіе чрезвычайные расходы, по разсчету, также пропорціи въ прежнемъ проэктѣ положены, которыя Англія выплатитъ намъ послѣ мира. Но не можемъ обойтися безъ настоянія на сумму, для подъема единовременно нужную, а ограничивая оную по тому-же разсчету вмѣсто трехъ сотъ тысячъ въ 225,000 фунт. стерл., согласимся получить оную и въ теченіи года по срокамъ».

2) «Согласны мы съ планомъ Англіи, чтобъ искать возвратить Францію въ прежніе ея предѣлы и соединить Нидерланды съ Голландіею, да и вообще на разныя, отъ нея предъявленныя, распоряженія; и въ слѣдствіе того наступимъ на императора Римскаго, чтобъ онъ дѣйствовалъ и короля Сицилійскаго подкрѣпилъ теперь же, не отлагая».

3) «Заключимъ теперь-же съ дюкомъ Серра-Капріола конвенцію, силою которой Его Императорское Величество дастъ королю обѣихъ Сицилій десять полныхъ батальоновъ инфантеріи съ двумя ротами полевой артиллеріи и съ двумя стами казаками, не требуя ничего, какъ только перевоза ихъ на судахъ Неапольскихъ въ Италію, и довольствуя ихъ провіантомъ и фуражемъ, а при томъ и флотомъ нашимъ Черноморскимъ будемъ содѣйствовать операціямъ въ Италіи и сохранять связь съ морскими его Британскаго величества силами».

«Сказавъ, такимъ образомъ, кратко наше намѣреніе, я предоставляю вашему сіятельству заврeменно въ Лондонѣ приватно о семъ изъясниться и расположить, чтобъ согласное тому и тамъ рѣшеніе не умедлило. Я для сего отложилъ на десять дней свою поѣздку въ Москву, а по поднесеніи трактата и сдѣланіи къ вамъ, въ Вѣну, въ Берлинъ, въ Неаполь и Константинополь всѣхъ отправленій, пущуся въ путь, чтобъ освѣжить голову мою, весьма ослабѣвающую, крайнее имѣя удовольствіе увидѣть нашего любезнаго графа Александра Романовича, въ дружеской его бесѣдѣ воспользоваться его

добрыми совѣтами, которые) не одинъ разъ были мнѣ лучшіе путеводители и спасительны для государства. Между 20 и 25 Января мѣсяца (1799 г.) надѣюсь возвратиться въ Санктпетербургъ».

Такой обширный и величественный планъ выработанъ былъ княземъ Безбородкою для дѣйствій противъ революціонерной Франціи. Но творцу этого плана не было суждено увидѣть его осуществленіе. Трактатъ съ Португаліею касательно «дружбы, мореплаванія и торговли» [27]), заключенный десять лѣтъ назадъ и возобновленный 16 Декабря 1798 г., былъ послѣднимъ дипломатическимъ актомъ, писаннымъ и подписаннымъ Безбородкою.

Неоднократно приходилось намъ встрѣчаться въ настоящемъ трудѣ съ лестными, блестящими отзывами о Безбородкѣ, принадлежащими тогдашнимъ дипломатамъ-иностранцамъ. Но и Русскіе посланники при Европейскихъ дворахъ, и другія лица, близко знавшія князя Безбородку, высоко цѣнили его дипломатическія дарованія. По поводу отправленія князя Репнина въ Берлинъ, къ коронаціи короля Фридриха Вильгельма III, въ Мартѣ 1798 г., Лубяновскій сообщаетъ, что «остановка была за секретною инструкціею, за которою не одинъ разъ я ходилъ къ канцлеру князю Безбородкѣ. Находилъ я канцлера въ 6 часовъ утра каждый разъ въ безпрекословной преданности лихому парикмахеру. Въ послѣдній разъ, какъ только завидѣлъ меня сквозь облако пудры: «за инструкціею? Пишу послу (сказалъ мнѣ съ карандашемъ и бумагою въ рукахъ): вчера лишь получилъ приказаніе отъ Его Величества; надобно было дождаться отвѣта изъ Вѣны». Дѣйствительно, между тѣмъ, какъ художникъ трудился надъ волосами его, онъ продолжалъ писать карандашемъ на колѣняхъ и написанные листы бросалъ на полъ. Удивлялись въ свое время быстротѣ и легкости князя Безбородки въ работѣ, но въ этомъ, кажется, немного чудеснаго, когда съ хорошею памятью все напередъ порядочно обдумано. Переломъ въ дѣловомъ слогѣ у насъ отъ князя Безбородки» [28]). — Графъ Комаровскій, разсказывая въ своихъ «Запискахъ» о пріемѣ, сдѣланномъ въ Вѣнѣ великому князю Константину Павловичу [29]), ѣхавшему въ армію Суворова въ Италію, сообщаетъ мнѣніе посла нашего въ Вѣнѣ о дипломатическихъ талантахъ князя Безбородки. «Наконецъ назначенъ былъ день отъѣзда нашего къ Вѣнской арміи. За нѣсколько дней предъ выѣздомъ нашимъ изъ Петербурга, великій князь послалъ меня, по волѣ Императора, спросить у графа Безбородки: кому и какіе должно будетъ дѣлать подарки при Вѣнскомъ дворѣ? Я не могу не отдать и при семъ случаѣ полной справедливости необыкновенной памяти, великимъ познаніямъ и свѣдѣніямъ графа о всѣхъ Европейскихъ дворахъ. Онъ началъ мнѣ разсказывать, какъ будто читая въ книгѣ, родословную всѣхъ Вѣнскихъ вельможъ, кто изъ нихъ чѣмъ примѣчателенъ, кто и въ какое время наиболѣе оказалъ услугъ двору нашему, такъ что я около часа слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Онъ познакомилъ меня со всѣми вельможами, которыхъ я увижу въ Вѣнѣ. Потомъ онъ сѣлъ и написалъ своею рукою списокъ всѣмъ, которымъ должно дать подарки, и какіе именно. «Табакерку съ пор-

---

[27]) Полн. Собр. Законовъ № 18,779.

[28]) Р. Архивъ, 1872, 170 и 171.

[29]) Во время этого проѣзда Константинъ Павловичъ прожилъ въ Вѣнѣ съ 15 по 19-е Апрѣля 1799 года.

третомъ его высочества, осыпанную брилліантами, назначивъ, въ какую цѣну, сказалъ онъ, должно подарить тому, кто будетъ присланъ на встрѣчу великаго князя; вѣроятно это будетъ или князь Эстергази, или князь Лихтенштейнъ, ибо сіи суть двѣ знатнѣйшія фамиліи въ Австріи». Графъ, конечно, и о прочихъ дворахъ имѣлъ такія-же свѣдѣнія. Когда я получилъ отъ великаго князя приказаніе дѣлать подарки, его высочество приказалъ мнѣ показать списокъ, данный мнѣ графомъ Безбородкою, послу нашему, графу Разумовскому. Тотъ, прочитавъ списокъ, воскликнулъ: «этотъ геній знаетъ всѣхъ иностранныхъ сановниковъ, никогда не выѣзжая изъ Россіи, лучше, нежели я, который 15-ть лѣтъ слишкомъ живу здѣсь» [30]).

При такомъ близкомъ знакомствѣ съ лицами иностранныхъ дипломатическихъ корпусовъ, съ такою, можно сказать, всеобъемлемостію своей памяти, Безбородко, въ бесѣдѣ съ молодыми дипломатами-соотечественниками, имѣлъ полное право сказать: «не знаю, какъ будетъ при васъ, а при насъ ни одна пушка въ Европѣ, безъ позволенія нашего, выпалить не смѣла» [31]).

Если бы потребовалось въ отдѣльной монографіи изобразить исключительно-политическую дѣятельность Безбородки, то трудно было-бы прибрать къ ней другой, болѣе вѣрный и соотвѣтствующій эпиграфъ.

Николай Григоровичъ.

---

[30]) Р. Архивъ 1867, 526 и 527.

[31]) Записки А. С. Шишкова, Берлинъ, 1870, I, 20.

Князю П. А. Вяземскому.

Въ минуты грустнаго раздумья
О томъ что̀ вижу среди насъ,
Я, какъ изъ омута безумья,
Чтобъ отдохнуть хотя на часъ

* *
*

Бѣгу въ свои воспоминанья
И съ жадностью про оны дни
Читаю ваши, князь, сказанья,
Гдѣ оживаютъ такъ они.

* *
*

Почти ровесники мы съ вами.
(Лѣтъ нѣсколько не идутъ въ счетъ.
Коль смѣренъ вѣка четвертями
Ужъ трижды нашъ земной походъ):

* *
*

Я помню тѣже поколѣнья.
Духъ жизни тотъ же, что̀ и вы.
Въ однихъ я съ вами впечатлѣньяхъ
Взросъ на пожарищѣ Москвы.

* *
*

Я помню нашихъ бaръ почтенныхъ,
Подъ пудрой, стариковъ съ косой,
Снаружи будто иноземныхъ,
Но Русскихъ сердцемъ и душой.

* *
*

Звучала рѣчь ихъ пофранцузки,
Но смыслъ той рѣчи Русскій былъ;
Ихъ сердце билося порусски,
Ихъ умъ порусски говорилъ.

* *
*

Они любили жизнь родную:
И пѣснь, и плясъ родной страны,

Роговъ музыку хоровую,
О Святкахъ игры старины.

* *
*

Въ чужомъ Парижскомъ переплетѣ
Была то Русская печать,
Какъ Петръ рѣшалъ въ своемъ разсчетѣ,
Чтобъ насъ съ Европою связать.

* *
*

Учились мы любить Отчизну
На томъ пожарищѣ святомъ
И съ гордостью справляли тризну
Въ лицѣ Пожарскаго на немъ.

* *
*

На немъ въ насъ чувства молодыя
Скрѣпляли съ долгомъ свой союзъ,
И пѣлъ намъ пѣсни золотыя
Хоръ Арзамасскихъ вашихъ Музъ.

* *
*

Насъ эти пѣсни окрыляли;
Взлетали съ вами въ насъ умы;
Стихъ новый Пушкина встрѣчали,
Какъ пиршество, бывало, мы.

* *
*

Мы увлекались, мы кипѣли,
Кипѣли черезъ край подъ часъ,
Но сберегать въ себѣ умѣли
Добра залоги про запасъ.

* *
*

Начала наши были тверды,
И на борьбу хватало силъ;
Сердца безъ спѣси были горды,
За разумъ умъ не заходилъ.

* *
*

И путь предъ нами былъ широкій;
Жизнь намъ казалася легка;
Мы какъ пчела впивали соки
Изъ каждой вѣтки и цвѣтка.

* *
*

Любило сердце: наслаждаться
Намъ было чѣмъ, и было въ чёмъ

Съ бездѣльемъ дѣлу сочетаться,
Мечтамъ Поэзіи съ трудомъ.

***

Но мы состарѣлись. Чредою
Отцовъ смѣнили сыновья.
Спорѣй пойдетъ подъ ихъ рукою
Работа,—думала семья.

***

Мы снарядили ихъ исправно,
Всему оставили починъ;
Запасъ имъ завѣщали славный:
Сперанскій, Пушкинъ, Карамзинъ.

***

Пусть идутъ торною дорогой
Впередъ. Богъ помочь, дѣти, вамъ!
Еще работы будетъ много
И вамъ, и вашимъ сыновьямъ.

***

При вашихъ силахъ, въ ваши годы,
Идя во слѣдъ своимъ отцамъ,
Дойдете вы и до свободы,
До благъ, что́ снились только намъ.

***

И что же? На привѣтъ смиренный,
Въ отвѣтъ, хохочутъ молодцы:
«Не тотъ намъ нуженъ путь презрѣнный,
«Гдѣ вы тащилися, слѣпцы!

***

«Не вашей ищемъ мы свободы,
«Обмана глупыхъ въ царствѣ тьмы;
«Не Божій міръ, а міръ природы
«Уже познать успѣли мы.

***

«Насъ не прельщаетъ хламъ искусства,
«Ни риѳмъ, ни струнъ вашъ бредъ и звонъ;
«Не ослѣпляютъ глазъ намъ чувства:
«Одинъ разсудокъ нашъ законъ.

***

«Кумиры лѣтописи царской
«Ужъ намъ показаны вблизи:

«Донской, и Мининъ, и Пожарской
«Лежатъ растоптаны въ грязи.

* *
*

«Къ чему Отечество?—Чтобъ стадо
«Держало въ кучѣ разный сбродъ!
«Его единства намъ не надо:
«Мы федеральный вѣдь народъ.

* *
*

«А государство со штыками,
«Властей, жандармовъ эта рать,
«Съ бичемъ стоящая надъ нами:
«Пріятно, нечего сказать!

* *
*

«Нелѣпы ваши всѣ преданья!
«Смотрите, какъ живетъ вся тварь.
«И человѣкъ тогожъ созданья:
«Онъ долженъ самъ себѣ быть царь.

* *
*

«Вещей мы поняли причины
«Безъ вашихъ сказочныхъ небесъ.
«У насъ есть Бокли и Дарвины,
«Пары, машины—вотъ прогрессъ!»

* *
*

И понеслися безъ оглядки
Ребята наши на парахъ:
Предметы, мысли въ безпорядкѣ
Рябятъ у нихъ въ глазахъ, въ мозгахъ.

* *
*

Долой съ пути аристократы,
Кричатъ они, сотремъ вашъ слѣдъ!
Мы соль земли, мы демократы!
(Хоть этихъ словъ порусски нѣтъ).

* *
*

А для того, чтобъ между нами
Демократизму смыслъ былъ данъ,
Они роднятся со скотами,
Признавъ за предковъ обезьянъ.

* *
*

Скотскому роду подобаетъ
И жизнь скотская же—и вотъ

Въ ней идеалъ свой почерпаетъ
Нашъ бѣдный нравственный уродъ.

⁂

Безъ брака, безъ семьи, безъ Бога,
Томимъ животной пустотой,
Онъ пулей, думая немного,
Свой усыпляетъ мозгъ больной....

⁂

Ужель другаго исцѣленья
Злу нѣтъ? Ужель для пользы намъ
Младыя гибнутъ поколѣнья
Не по годамъ, а по часамъ?

⁂

И вздоръ неся съ толпой слѣпою
Гуманныхъ будто бы идей,
Изъ трусости передъ молвою,
Дождемся мы позорныхъ дней,

⁂

Когда и нашъ сосудъ священный,
Сосудъ и братства, и любви,
На лонѣ жизни обновленной
Погрязнетъ въ нашей же крови!

⁂

Неужто же нашъ духъ дворянскій,
Нашъ старый Русскій идеалъ,
Въ которомъ честь и долгъ гражданскій
Не раздвоялись, въ насъ пропалъ?

⁂

Увы, пропалъ! Теперь кто хочетъ
Губи народъ, мути умы.
Не наше дѣло! Пусть хлопочетъ
О томъ правительство, не мы.

⁂

Намъ кстати-ль быть ему слугою!
Намъ кстати-ль власти помогать!
Не помощью, а съ ней борьбою
Себя намъ должно отличать.

⁂

И вотъ вожди народа, сдавши
Въ архивъ преданія вѣковъ,

На чинъ трибуновъ промѣнявши
Свой прежній чинъ крѣпостниковъ,

* *
*

Быль неподлеглости мы панской,
Чтобы порусски перевесть,
Простились съ доблестью гражданской:
На *гоноръ* размѣняли *честь!*

* *
*

Вотъ почему въ часы раздумья
О томъ, что̀ вижу среди насъ,
Я, какъ изъ омута безумья,
Чтобъ отдохнуть хотя на часъ,

* *
*

Бѣгу въ свои воспоминанья
И съ жадностью про оны дни
Читаю ваши, князь, сказанья,
Гдѣ оживаютъ такъ они.

* *
*

Пишите же, не уставая.
Вамъ средства рѣдкія даны:
У васъ и мысль, и рѣчь родная
Избыткомъ силъ еще полны.

* *
*

Вашъ стихъ и проза пронизаютъ
И умъ и сердце на пролетъ,
И новый кладъ все добываютъ,
Чѣмъ больше глубь прожитыхъ лѣтъ.

* *
*

Таланта признаннаго слово
Не пропадаетъ. Съ нимъ не такъ
Легко бороться. Мысли новой
Лучь разгоняетъ часто мракъ.

* *
*

Вѣдь вы теперь уже послѣдній
Изъ стаи нашихъ лебедей.
Въ шаривари наставшихъ бредней
Вы нашъ единый соловей.

* *
*

Вы призваны хранить искусство
(Жить людямъ плохо безъ него)

И обмывать отъ грязи чувство,
Какъ мать ребенка своего.

* *
*

Хранимъ недаромъ небесами
На васъ особый Божій знакъ.
Не умолкайте жъ между нами,
Вы нужны намъ.—Да будетъ такъ!

М. Юзефовичъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ИППОЛИТА ОЖЕ [1].

(Переведено съ неизданнаго Французскаго подлинника).

Вигель представилъ меня своей родственницѣ, какъ умнаго Француза, не помнящаго зла, и въ доказательство разсказалъ, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Россію и какъ я путешествовалъ съ Измайловскимъ полкомъ. Г-жа Тухачевская была одна въ гостиной. Она поздравила меня и сказала, что съ своей стороны постарается сдѣлать для меня пребываніе въ Россіи по крайней мѣрѣ пріятнымъ и сочтетъ себя счастливой, если ей это удастся.

Это была женщина довольно толстая, нисколько не изящная, но на лицѣ ея выражалась такая доброта, что я ее сразу полюбилъ за ласковыя слова.—«Мой старшій сынъ, сказала она, еще не вернулся изъ Франціи, хотя Семеновскій полкъ уже пришелъ; онъ хотѣлъ повидаться въ Мецѣ съ семействомъ одной Француженки, дорогой для насъ особы. Недавно я ее выдала замужъ за Француза, и она по прежнему живетъ у насъ въ домѣ. У меня другой сынъ и племянникъ вашихъ лѣтъ. Сегодня вы ихъ увидите; они нынче отдыхаютъ послѣ дежурства. Подите, познакомьтесь съ ними: Филипъ Филиповичъ ихъ вамъ представитъ. Дочь моя тоже скоро пріѣдетъ, и мы всѣ будемъ всегда вамъ рады». Голосъ у ней былъ пріятный, и она проговорила все это чрезвычайно любезно и ласково.

Мы отворили дверь въ комнату молодыхъ людей, и чтоже? Я увидалъ передъ собою молодыхъ пажей, которые такъ поразили меня утромъ, когда они ѣхали за каретой Императрицы. Головы ихъ все еще были напудрены, и впечатлѣніе на этотъ разъ было такое же, какъ и тогда: что-то въ родѣ предчувствія, хотя предчувствовать было нечего.... Они были веселы, шаловливы какъ дѣти; и я, смотря на нихъ и слушая ихъ рѣчи, пожалѣлъ, что, при всемъ равенствѣ лѣтъ, я не могу быть такъ безпеченъ, какъ они: я не могъ забыть прошлаго, не могъ не думать о будущемъ.

Благодаря Вигелю, завязался непринужденный разговоръ, въ которомъ каждый принялъ участіе, не боясь показаться ни слишкомъ пустымъ, ни слишкомъ серьезнымъ. Чтобъ заставить такъ разговориться людей совершенно незнакомыхъ, которымъ нечего сказать другъ другу кромѣ пустяковъ, нужно много остроумія; даже больше: нужно имѣть особенный талантъ. Вигель владѣлъ этимъ искусствомъ въ совершенствѣ: онъ извлекалъ звуки изъ камня, но, конечно, не могъ заставить дурака говорить умно. Этого чуда и онъ не въ состояніи былъ сдѣлать.

---

[1]) См. выше, стр. 51.

Пришли доложить, что кушанье подано. Пажи сняли халаты, эту необходимую принадлежность отдыха для людей, затянутыхъ въ мундиры, и надѣли изящные полуформенные сюртуки. Мы вчетверомъ отправились въ гостиную, какъ люди уже освоившіеся между собою. Съ хозяйкой сидѣли двѣ дамы: одна ея дочь, молодая граціозная женщина, одѣтая чрезвычайно просто; другая, другъ дома, маленькая, сухая, угловатая Француженка, повидимому безъ всякихъ претензій. Рядомъ съ ней сидѣлъ ея мужъ, длинный, безобразный, вульгарный Французъ-учитель, г-нъ Туванъ (Touvent). Онъ первый заговорилъ со мной.

И опять Вигель, съ обычнымъ остроуміемъ и рѣдкимъ тактомъ, повелъ разговоръ такъ, что каждый имѣлъ возможность вставить свое слово. За обѣдомъ говорили обо всемъ: о Россіи, о Франціи, о войнѣ, о мирѣ, о дружескихъ отношеніяхъ въ будущемъ и очень много обо мнѣ, такъ что я могъ бы смутиться, если бы у меня были какіе нибудь предвзятые планы.

Но въ этомъ отношеніи меня ничто не стѣсняло, и я могъ говорить что̀ хотѣлъ, подвергаясь опасности быть заподозрѣну, что я или слишкомъ скрытенъ, или же совершенно равнодушенъ къ будущей судьбѣ своей. Такъ какъ я держалъ себя очень непринужденно, то и нельзя было сразу составить обо мнѣ какое нибудь мнѣніе. Какъ мнѣ показалось, Вигель, будучи безспорно умнѣе всѣхъ остальныхъ собесѣдниковъ, старался по догадкѣ оцѣнить мои достоинства, и повидимому былъ доволенъ: впечатлѣніе не понизилось; оно стояло на нулѣ.

Меня пригласили бывать какъ можно чаще, какъ только я устроюсь съ своими служебными дѣлами. Добрая Тухачевская выразилась, что она на меня будетъ смотрѣть, какъ на роднаго сына. «Еслибъ, сказала она, одному изъ моихъ сыновей пришлось въ ваши лѣта быть во Франціи въ такомъ же положеніи, въ какомъ теперь вы, какъ бы я была счастлива, еслибъ могла думать, что ваша мать приняла въ немъ участіе, какъ я принимаю въ васъ».

Камеръ-пажъ Николай Тухачевскій представлялъ собою самый красивый типъ Славянина, какой только можно было встрѣтить въ Петербургѣ. Сложеніемъ и чертами лица онъ напоминалъ древняго Антиноя. Напудреная голова придавала ему еще болѣе изящества. Его двоюродный братъ Кирѣевскій, бывшій также пажемъ, не уступалъ ему наружностью, хотя черты лица у него были менѣе правильны. Какъ у всѣхъ Русскихъ, музыкальное чувство въ нихъ было сильно развито отъ природы. Славянинъ поетъ какъ птица: у него свои напѣвы съ особеннымъ ритмомъ, чистый голосъ и вѣрный слухъ; пѣніе онъ любитъ больше всего на свѣтѣ.

Во всѣхъ Русскихъ деревняхъ, во всѣхъ полкахъ есть свои хоровыя пѣсни, въ коихъ мелодія искусно сочетавается съ гармоніею, и все это дѣлается само собою, безъ знанія какихъ бы то ни было правилъ. Въ пѣсняхъ преобладаетъ минорный тонъ, но хоровые припѣвы поражаютъ и увлекаютъ неожиданнымъ контрастомъ. Дайте Русскому струнный инструментъ, и онъ, не зная ни одной ноты, по слуху, по голосу, руководимый природнымъ вкусомъ, подберетъ вамъ совершенно правильные аккорды.

За обѣдомъ говорили о новой опереткѣ «Казакъ Стихотворецъ», которая тогда имѣла большой успѣхъ на сценѣ Русскаго театра. Когда встали изъ-за стола, Филипъ Филиповичъ, отчасти чтобъ сдѣлать

мнѣ удовольствіе, а также изъ легко-понятнаго національнаго тщеславія и чтобъ окончательно побѣдить меня, попросилъ молодыхъ людей спѣть что нибудь изъ этой оперы. Они тотчасъ же исполнили его желаніе, какъ будто у нихъ вошло въ привычку находить удовольствіе въ томъ, что могло быть пріятно другимъ. Я былъ въ восхищеніи: я зналъ многое множество оперъ, но ничего подобнаго никогда не слыхалъ.

Послѣ того Вигель, съ тонкимъ тактомъ всегда отличавшимъ его, обратился къ молодой Тухачевской:

— А вы, прелестная кузина, сказалъ онъ, протяните ваши прекрасныя ручки къ арфѣ: она давно зоветъ васъ.

— О нѣтъ! отвѣчала она съ милой улыбкой: у меня болитъ палецъ.

— Какой смѣшной пальчикъ! возразилъ Вигель: разболѣлся намъ на зло. Бьюсь объ закладъ, что это тотъ самый, на которомъ вы носите вѣнчальное кольцо.

— Какой вы злой! сказала она, подѣтски надувъ губки, совсѣмъ непохоже на вишенку двоюроднаго братца.

— Это почему? Въ самомъ дѣлѣ, я не вижу у васъ кольца.

— Оно у брильянтщика, вмѣшалась въ разговоръ г-жа Туванъ.

— Уже сломано?

— Оно было слишкомъ широко.

— Рука, должно быть, похудѣла, хотя обыкновенно бываетъ наоборотъ: въ замужествѣ все принимаетъ большіе размѣры, начиная отъ мѣшка съ червонцами.

Разговоръ этотъ имѣлъ какой-то скрытый смыслъ, котораго я понять не могъ. Вигеля называли злымъ языкомъ, потому что онъ часто въ свѣтѣ говорилъ колкія вещи и всегда съ цѣлію уязвить человѣка.

Я долженъ сказать, что Лиза Тухачевская была выдана замужъ, въ угоду Императору, за *выбритаго* сына *бородатаго* купца, страшнаго богача, милліонера, и гордость Вигеля, какъ родственника, нѣсколько страдала отъ этого родства. Императоръ Александръ I, по своей предусмотрительности, рѣшивъ необходимость реформы, совершившейся только въ наше время, хотѣлъ создать еще третій классъ, среднее сословіе, и въ видѣ опыта думалъ посредствомъ браковъ слить два сословія: дворянство и купечество. Купецъ Кусовъ обладалъ несмѣтными богатствами, которыя онъ пріобрѣлъ удачными торговыми предпріятіями. Царь велѣлъ сказать Кусову, что онъ ему доставитъ большое удовольствіе, если женитъ сына на дворянкѣ, а Тухачевской предложилъ выдать дочь за его сына.

Молодую Кусову нельзя было назвать красавицей, но она была въ высшей степени граціозна и мила. Лицо ея не отличалось чистотою линій и правильностію чертъ: оно было слишкомъ кругло. Она и братъ ея Николай могли служить представителями Славянскаго типа, въ которомъ всегда существовало рѣзкое различіе въ наружности мущины и женщины: превосходство на сторонѣ перваго, согласно съ закономъ природы. Кусова поражала граціей и гармоничностію всего своего существа; прямодушный взглядъ, улыбка, голосъ, лѣнивый умъ—все гармонировало между собою. Иногда она оживлялась, и тогда отвѣты ея бывали быстры и мѣтки. Подъ безмятежною наружностію таилась искра, которая могла вспыхнуть впослѣдствіи. Подчинившись волѣ другихъ, она не отказалась отъ своей внутренней самостоятельности и доказала это. Тридцать лѣтъ

спустя, я ее увидалъ въ Москвѣ, окруженную красивыми дѣтьми: овдовѣвъ, она вышла замужъ за Француза, доктора Делонэ.

Но въ то время, когда я увидалъ ее въ первый разъ, она была невинна и спокойна какъ ребенокъ: и чувства, и воображеніе еще не проснулись. Однако Вигель разгадалъ ее. Однажды она ему сказала: «Посмотрите, я точно изъ снѣгу!» Онъ отвѣчалъ: «Огонь бываетъ и подо льдомъ». Одѣвалась она всегда съ большимъ вкусомъ, но чрезвычайно просто, безъ брилліантовъ и блестящихъ украшеній, хотя ея шкатулкѣ могли бы позавидовать многія женщины. Гладко причесанные, блѣдно-бѣлокурые волосы низко спускались на лобъ и вполнѣ гармонировали съ матово-бѣлымъ цвѣтомъ лица; эта нѣжная, неопредѣленная окраска придавала ей большую прелесть. Единственная роскошь, которую она себѣ позволяла, это выѣзды, непремѣнно цугомъ и въ каретѣ съ фамильными гербами. Вигель сердился на нее за это дѣтское тщеславіе и въ тоже время гордился этимъ.

Наступило время возвращенія въ Ораніенбаумъ. Вигель отвезъ меня къ капитану и простился со мной.

Такъ кончился первый день, проведенный мною въ столицѣ Россіи. Впечатлѣніе было самое пріятное.

Здѣсь кончается *прологъ*. Но мнѣ хочется еще разсказать о праздникѣ, данномъ императрицей Маріей Ѳеодоровной Государю и офицерамъ гвардіи, за нѣсколько дней до торжественнаго вступленія войскъ въ Петербургъ. Память мнѣ не измѣнила: я все разсказываю по порядку.

Хотя я не былъ приглашенъ на этотъ праздникъ, но отправился изъ любопытства, какъ и многіе Петербургскіе жители. Этимъ торжествомъ мать Государя желала выразить своему сыну и его сподвижникамъ благодарность и радость по случаю ихъ благополучнаго возвращенія и окончанія славной войны. Назначено оно было въ ея любимомъ Павловскѣ, который тогда, благодаря ея ежегодному пребыванію, считался лучше и пріятнѣе всѣхъ императорскихъ лѣтнихъ резиденцій. Праздникъ имѣлъ сельскій характеръ. Устройство его было поручено придворному балетмейстеру Дидло, и онъ придумалъ представить Русскую деревню съ ея жителями и пастораль въ національномъ вкусѣ.

«Ваше Величество», сказалъ онъ Императрицѣ, «дадите мнѣ вашихъ коровъ, овецъ, козъ.... сыръ отъ этого не будетъ хуже. (Императрица устроила у себя на фермѣ производство Швейцарскаго сыра, который шелъ на продажу въ Петербургѣ). Мнѣ нужно мужиковъ, бабъ, дѣвушекъ, дѣтей, всю святую Русь.... Пусть все пляшетъ, играетъ, поетъ и веселится. Ваши гости совсѣмъ сдѣлались Парижанами: пусть же они снова почувствуютъ, что они Русскіе». Императрица любила обычаи прошлаго столѣтія; къ тому же она видала пасторали во всемъ ихъ блескѣ въ Тріанонѣ, у королевы Маріи Антуанеты, и для нея въ этомъ праздникѣ воспоминанія прошлаго соединялись съ мыслію о недавнихъ событіяхъ, когда Франція опять была возвращена Бурбонамъ. Для придворнаго бала построили большую залу, окруженную галлереей; на панеляхъ было нарисовано множество розъ, и съ тѣхъ поръ павильйонъ сталъ называться *розовымъ*. Гвардейскіе офицеры, вернувшіеся въ Россію, стояли по квартирамъ въ разныхъ мѣстахъ. Удобныхъ экипажей не было, а между тѣмъ они должны были явиться въ Павловскъ въ лѣтней формѣ безукоризненной свѣжести. Для этого нужна была

смѣлость, и они не струсили и тутъ, какъ не трусили на войнѣ. Я былъ въ статскомъ платьѣ по тогдашней модѣ: въ черномъ фракѣ, бѣломъ жилетѣ, нанковыхъ панталонахъ въ обтяжку и высокихъ сапогахъ съ кисточками; въ Парижѣ такіе сапоги назывались: а ла Суворовъ. На этомъ праздникѣ я казался чернильнымъ пятномъ на ярко-раскрашенной картинѣ. Но мои друзья водили меня всюду съ собой, и я, любуясь окружавшимъ меня великолѣпіемъ, свободно разгуливалъ въ толпѣ, вездѣ встрѣчая ласковый пріемъ и не задумываясь надъ причинами его. Чернильное пятно было тутъ, хотя условія мира были уже подписаны. Но «въ счастіи люди всегда добры».

Въ этомъ деревенскомъ праздникѣ принимали участіе всѣ лучшіе драматическіе пѣвцы и танцовщики императорскаго балета. Я какъ теперь еще слышу теноръ Самойлова и басъ Злова: такое сильное впечатлѣніе произвели они на меня. Когда стемнѣло, зажгли великолѣпный фейерверкъ, и весь садъ освѣтился разноцвѣтными Бенгальскими огнями. Балъ начался полонезомъ. Красота женщинъ, ихъ свѣжіе Парижскіе костюмы, точно волшебствомъ перенесли меня опять въ мой Парижъ, покинутый безъ сожалѣнія; а между тѣмъ живое воспоминаніе о немъ, возбужденное во мнѣ въ эту минуту, наполняло счастіемъ мою душу. Политическія событія вылетѣли изъ головы: я чувствовалъ только, что мнѣ 17 лѣтъ, и волновался отъ смутныхъ надеждъ, отъ нетерпѣливаго желанія поскорѣе занять мѣсто въ средѣ взрослыхъ людей. Между красавицами, которыми я любовался, одна особенно привлекла мое вниманіе. Это была Марія Антоновна Нарышкина, бывшая тогда во всемъ блескѣ красоты и славы. Она была одѣта очень просто, но казалась лучше всѣхъ. Въ ея правильномъ Греческомъ лицѣ красота чертъ соединялась съ прелестію выраженія: оно сіяло привѣтливостію. Стоя въ розовомъ павильйонѣ, я смотрѣлъ и учился, какъ танцуютъ вальсъ и мазурку, замѣчая манеры и обычаи большаго свѣта, чтобъ по возможности усвоить ихъ себѣ. Чернильное пятно обратило на себя вниманіе: великій князь Константинъ Павловичъ узналъ меня и удостоилъ сказать мнѣ нѣсколько словъ. При этомъ я замѣтилъ, что моя исторія возбуждала всеобщее участіе, которое въ послѣдствіи могло мнѣ пригодиться: на сильныхъ міра мелочи производятъ иногда большое впечатлѣніе.

По окончаніи ужинали во дворцѣ. Во всѣхъ залахъ были накрыты столы, на которыхъ въ красивомъ безпорядкѣ стояли цвѣты, плоды и кушанья. Все было прелестно и великолѣпно: торжественность не мѣшала простотѣ, а роскошная, изящная обстановка придавала идеальный характеръ предметамъ матеріальной жизни. Тутъ я могъ составить понятіе о томъ, какъ живутъ въ Россіи. Ужины при дворѣ отличаются полнѣйшимъ отсутствіемъ этикета: всякій можетъ садиться, гдѣ и съ кѣмъ хочетъ. Впрочемъ эта свобода, идущая сверху, не производитъ враждебныхъ столкновеній, какъ это иногда случается тамъ, гдѣ она идетъ снизу; здѣсь же свѣтскій тактъ и благовоспитанность гостей служатъ достаточнымъ обезпеченіемъ. Подобные примѣры и впечатлѣнія не могли не имѣть на меня вліянія. Мнѣ предстояло на выборъ: или быть ничѣмъ, оставаясь самимъ собою, или стараться возвыситься, чтобъ въ свою очередь дѣйствовать на другихъ. Судьба моя была рѣшена.

Къ концу ужина Императоръ и Императрица-мать, въ сопровожденіи остальныхъ членовъ царской семьи и первыхъ лицъ двора обо-

шли всѣ столы. Всѣ вставали при ихъ приближеніи и съ бокалами Шампанскаго въ рукахъ привѣтствовали ихъ благодарно и восторженно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого праздника, было назначено торжественное вступленіе гвардіи въ столицу Имперіи. Это былъ всеобщій праздникъ. Войска собрались на Петергофской дорогѣ; здѣсь былъ произведенъ смотръ, и послѣ небольшаго отдыха полки двинулись. Въ то время, вдоль всей дороги, начиная отъ Петергофа вплоть до Петербурга, тянулись дачи, гдѣ проводили лѣто богачи-дворяне. Роскошные дома, самой разнообразной архитектуры, тонули въ цвѣтахъ; подъ деревьями стояли скамейки; на прудахъ плавали лодки, украшенные флагами. По случаю торжества вездѣ было много гостей. Всѣ радовались возвращенію войскъ; солдатъ угощали квасомъ, офицеровъ пивомъ и медомъ. Знакомые узнавали другъ друга, называли по именамъ, кланялись; дамы махали платками, офицеры отдавали честь по военному. На меня указывали нѣсколько разъ, потому что я шелъ отдѣльно отъ другихъ, а не въ рядахъ Измайловскаго полка. Вигель уже успѣлъ вездѣ протрубить мою исторію, и на меня смотрѣли какъ на рѣдкость, привезенную изъ путешествія, или даже какъ на непріятельскій доспѣхъ, добытый на полѣ сраженія. Увы, я тогда еще былъ слишкомъ молодъ, слишкомъ влюбленъ въ свою личность, чтобъ чувствовать, какъ странно и смѣшно было мое тогдашнее положеніе. Лишь въ послѣдствіи я все понялъ.

Вечеромъ я пришелъ на квартиру къ моему капитану, гдѣ для меня была назначена маленькая комнатка и скоро заснулъ съ спокойною совѣстью, на жесткомъ диванѣ, который у Русскихъ зовется постелью. Утромъ, когда я проснулся, деньщикъ принесъ мнѣ стаканъ чаю и трубку. Потомъ пришелъ мой хозяинъ и, дружески пожимая мнѣ руку, просилъ считать его домъ своимъ.

Теперь, когда послѣ многихъ, многихъ лѣтъ, я пишу эти строки, я все еще съ гордостью и благодарностью вспоминаю это время и друзей, которые пришли *поздравить* меня. Они дѣлали это совершенно искренно, безъ малѣйшей ироніи, и они были правы: они считали мою судьбу дѣломъ своихъ рукъ и воли. При нихъ пришелъ полковой портной снять съ меня мѣрку, и они наперерывъ давали совѣты и старались *обрусить* меня помощію хорошо-сшитаго мундира.

Поступая въ гвардію, я не зналъ, что жалованье, получаемое офицерами, такъ ничтожно, что они его предоставляютъ солдату, который чиститъ сапоги и платье. Впослѣдствіи это обстоятельство имѣло вліяніе на мое дальнѣйшее рѣшеніе; но въ началѣ я не обратилъ на него вниманія.

Но прежде, чѣмъ ввести меня окончательно въ роту, капитанъ мой долженъ былъ, по приказанію великаго князя Константина Павловича, представить меня ему.

На другой же день мы отправились въ Стрѣльну. Я былъ очень взволнованъ предстоящимъ свиданіемъ, хотя оно было уже не первымъ. Но тогда я былъ еще свободенъ, теперь же это свиданіе рѣшало мою судьбу: я дѣлался рабомъ дисциплины. Но это было послѣдствіемъ моего сумазброднаго поступка: я самъ отказался отъ свободы, никто меня не принуждалъ. И теперь, нечего дѣлать, приходилось покоряться. Я сдѣлалъ усиліе надъ собой, и необходимая самоувѣренность вернулась опять ко мнѣ.

Великій князь принялъ меня очень милостиво, такъ что я немного ободрился. Онъ благоволительно осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ и сказалъ:

— Очень радъ, что вижу васъ такимъ молодцомъ. Какъ вамъ нравится у насъ?

— Ваше высочество! проговорилъ я съ поклономъ....

Одинъ изъ адъютантовъ поспѣшилъ меня выпрямить, говоря, что я долженъ стоять прямо и неподвижно.

Офицеры, бывшіе тутъ, захохотали; великій князь засмѣялся тоже. Я долженъ былъ проглотить готовую уже рѣчь.

Это происходило у входа въ садъ. Какой-то офицеръ показался въ концѣ крытой аллеи. «Идите, идите скорѣе, сказалъ великій князь: мы пробуемъ Француза и находимъ его подходящимъ во всѣхъ статьяхъ». Вновь прибывшій удивленно посмотрѣлъ на меня; въ свою очередь и я былъ изумленъ. Но адъютантъ ни на минуту не измѣнилъ своему величавому спокойствію, а я стоялъ смиренный и неподвижный, какъ того требовала моя военная форма.

Офицера этого я часто встрѣчалъ въ Парижѣ въ обществѣ, про которое нельзя сказать, чтобы оно было избранное.

— Все обошлося благополучно, сказалъ мой капитанъ, выходя изъ дворца.

— Кто этотъ офицеръ? спросилъ я.

— Это Алексѣй Орловъ.

Въ 1844 году, когда я въ другой разъ жилъ въ Россіи, я разъ получилъ приглашеніе отъ архитектора Монферрана пріѣхать къ нему. Онъ писалъ, что у него я увижу *одного изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ людей* въ Россіи. Это былъ графъ Орловъ, тогда только что назначенный шефомъ жандармовъ и пользовавшійся дружбою Государя. Онъ не забылъ прошлаго и доказалъ это.

И такъ, въ концѣ лѣта 1814 года, я надѣлъ мундиръ подпрапорщика и былъ зачисленъ въ Измайловскій полкъ. Я продолжалъ жить по прежнему, беззаботно отдаваясь на волю случая, изо дня въ день, не загадывая о будущемъ, довольный всѣмъ окружающимъ и въ особенности довольный успѣхомъ, который я имѣлъ въ свѣтѣ, какъ Французъ. Къ несчастію мнѣ все приходилось имѣть дѣло съ людьми чрезвычайно добрыми, которые только и старались о томъ, чтобы сдѣлать мое положеніе пріятнымъ; между тѣмъ какъ для моей пользы слѣдовало бы, чтобы кто нибудь взялъ меня въ руки и заставилъ заняться чѣмъ нибудь полезнымъ, напр. Русскимъ языкомъ, или бы принудилъ подчиниться требованіямъ службы. Но я дѣлалъ что́ хотѣлъ: въ качествѣ иностранца меня избавляли по желанію и отъ военнаго ученія, и отъ караула, и даже позволяли носить статское платье, что́ было строго запрещено всѣмъ безъ исключенія. Конечно, я занимался Русскимъ языкомъ, окружилъ себя книгами, твердилъ слова, составлялъ фразы, даже началъ писать и немного говорить. Всѣ мнѣ понемногу помогали и, видя мое желаніе выучиться, относились ко мнѣ снисходительно. Но въ сущности я былъ непослушнымъ ученикомъ, солдатомъ, не знавшимъ дисциплины, оставался тѣмъ же Парижаниномъ-вертопрахомъ и продолжалъ пописывать пустые стишки изъ тщеславія, которое всегда портитъ людей, хорошо одаренныхъ отъ природы.

Вигель не забылъ меня. Не дожидаясь моего визита, онъ самъ пріѣхалъ къ капитану, съ которымъ онъ не былъ близокъ, да и не желалъ сблизиться; но такъ какъ мои приключенія давали матеріялъ для разсказовъ, то онъ, за неимѣніемъ лучшаго, спѣшилъ пользоваться мною какъ новинкой.

— Ну, началъ онъ, вотъ вы живете въ большомъ селѣ. Привыкаете вы къ нашему климату?

— Климатъ вещь второстепенная, отвѣчалъ я. И тепло, и холодъ зависятъ отъ людей.

— Ну въ такомъ случаѣ, я надѣюсь, что вы перенесете и ту температуру, которая отъ людей не зависитъ. Но для этого нужно взаимное расположеніе; за насъ я ручаюсь...

— Увѣряю васъ, что я ничего такъ не желаю, какъ заслужить его.

— Если это такъ, то все дѣло во времени.

— Я не хочу предоставлять это времени и не пожалѣю усилій.

— Васъ полюбили въ семьѣ Тухачевскихъ и надѣются, что вы будете ихъ посѣщать.

— Я нетерпѣливо желаю поблагодарить ихъ за ласковый пріемъ. Для этого я даже сегодня хотѣлъ ѣхать къ вамъ.

— Не зная, гдѣ я живу?

— Я бы добрался.

— Будетъ гораздо благоразумнѣе, если я вамъ скажу свой адресъ. Я полагаю, капитанъ не пуститъ васъ одного странствовать по нашимъ пустынямъ; такъ я скажу его кучеру. Глаза у васъ есть, доброе намѣреніе тоже, какъ вы говорите; стало быть вы въ другой разъ не заблудитесь, когда пойдете ко мнѣ.

— Какъ вы думаете, дома сегодня г-жа Тухачевская?

— Она никогда не выѣзжаетъ. Но лучше пріѣзжайте завтра. Тамъ будетъ обѣдать вся семья: это ихъ день.

— Но вы мнѣ сказали, что я долженъ сначала ихъ поблагодарить за прежнее угощеніе.

— Такъ и будетъ, если вы опять пріѣдете къ нимъ обѣдать.

— Приличіе...

— У насъ приличіе требуетъ бывать часто въ домѣ, гдѣ намъ хорошо. Такъ какъ каждый можетъ пообѣдать у себя дома, то это нѣчто въ родѣ самопожертвованія, когда мы ѣдемъ обѣдать къ другимъ. Милостивый государь, мы въ Россіи: не забывайте!

Съ тѣхъ поръ и въ Россіи, и во Франціи многое перемѣнилось, благодаря цивилизаціи: обычай гостепріимства уже не таковъ какъ прежде. Говорятъ, это прогрессъ.

Я счелъ долгомъ тотчасъ же отдать визитъ Вигелю, точь въ точь какъ это дѣлается между коронованными особами. Какъ только онъ уѣхалъ, я велѣлъ кучеру везти меня къ нему, и мы въ одно время подъѣхали къ дому. Онъ жилъ небогато; да по моему мнѣнію ему не нужна была роскошная обстановка: его живой умъ, образованность, тонкій, изящный разговоръ были дороже всего. Я не зналъ ни одного Русскаго, съ которымъ бы было такъ пріятно разговаривать. Онъ былъ знакомъ съ нашими писателями и кстати умѣлъ приводить мѣста́ изъ ихъ сочиненій. Мы разговорились, а такъ какъ говоря съ умнымъ человѣкомъ и самъ бываешь умнѣе, то мы были очень довольны и другъ другомъ, и сами собою.

Въ серединѣ разговора, онъ вдругъ, безъ всякаго приготовленія, что̀ было несогласно съ его обычаемъ, спросилъ, что̀ могло заставить меня поступить въ Русскую военную службу. Я не сконфузился; напротивъ: я уже по опыту зналъ, что гораздо выгоднѣе смѣло говорить правду.

— Милостивый государь, сказалъ я, невольно принимая серьезный тонъ: я родился послѣ революціи, сравнявшей права всѣхъ сословій.

Выигралъ я или проигралъ отъ этого, можете судить сами. Мы вольны ничего не дѣлать, оставаясь въ ничтожествѣ; но въ тоже время способностямъ каждаго открыто широкое поприще, и онъ можетъ добиваться всего. За то, соискателей теперь такое множество, что мы мѣшаемъ другъ другу: прежде нужно было родиться на свѣтъ дворяниномъ, теперь нужно быть богатымъ.

— У насъ, прервалъ онъ мои слова, революціи никакой не было, ну а все таки нужно родиться и богатымъ, и знатнымъ.

— У отца моего большая семья, и состоянія никакого. Я старшій: нужно было подумать о карьерѣ. Въ Парижѣ я имѣлъ честь познакомиться съ Русскими, они меня совершенно обворожили. Мнѣ захотѣлось посмотрѣть, каковы вы у себя дома, я и поѣхалъ въ Россію.

Губы Вигеля стянулись въ вишенку, и онъ по своему обыкновенію быстро сталъ тереть указательный палецъ правой руки объ указательный лѣвой, что служило у него признакомъ удовольствія.

— Вы поступили еще лучше: вы стали нашимъ.

— Я имѣю склонность къ литературѣ; но чтобы существовать ею, нужно имѣть извѣстность. Я послушался совѣтовъ благоразумія.

— Извѣстность пріобрѣтается трудомъ.

— Не всегда, мнѣ кажется: трудится работникъ, а создаетъ геній.

— Но есть много писателей совсѣмъ негеніальныхъ, которые однако живутъ хорошо.

— Счастливая случайность; а иногда продажность мнѣній много помогаетъ.

— Но вы продолжаете писать?

— Желалъ бы перестать, но не могу: пьяница всегда будетъ пить.

— Ну и продолжайте пить! Я васъ познакомлю съ нашими поэтами. Самъ я не писатель, но за то знатокъ и цѣнитель. У насъ есть люди съ неоспоримымъ талантомъ: я близокъ съ ними и васъ познакомлю; вы меня поблагодарите за это.

Разговоръ, принявшій серьезный тонъ, смутилъ меня. Я инстинктивно дорожилъ молодостью и мечталъ какъ можно дольше продолжить ее: это было выгодно, потому что давало право на снисхожденіе. Я готовъ былъ испугаться, но подумалъ, что съ такимъ руководителемъ, какъ Вигель, бояться нечего.

Я уже собирался уходить, какъ онъ попросилъ меня сказать какіе нибудь стихи моего сочиненія. Я колебался, но отказаться было бы смѣшно, потому что онъ могъ подумать, что я придаю слишкомъ большое значеніе своимъ стихотворнымъ опытамъ. Я прочелъ шансонетку подъ названіемъ «Блудный сынъ». Она ему понравилась, вѣроятно потому, что въ этотъ день онъ былъ въ милостивомъ расположеніи духа; я долженъ былъ написать ему мои стихи. Въ то время отъ стиховъ требовались только звучность, легкость и рифма. Лиризмъ не выражался въ неестественности чувства, въ причудливости образовъ и туманности выраженій. Викторъ Гюго еще не существовалъ. Вольтеръ все еще служилъ образцомъ не по разрушительному духу своихъ произведеній, но болѣе благодаря прелестной формѣ и отдѣлкѣ легкихъ стихотвореній. Вигель не хуже любаго профессора сдѣлалъ тонкую оцѣнку Вольтера и, въ заключеніе, съ удивительною искренностію чувства и вѣрностью интонаціи, проговорилъ стансы Вольтера:

Si vous voulez que j'aime encore,
Rendez-moi l'âge des amours;

Au crépuscule de mes jours
Ajoutez, s'il se peut, l'aurore *).

Одного этого литературнаго разговора было бы достаточно, чтобы полюбить Вигеля и признать его власть надъ собою. У этого человѣка была пропасть яркихъ недостатковъ, но за то много и добрыхъ качествъ. Къ нему можно было приложить афоризмъ: хорошо, если про человѣка говорятъ и дурное, и хорошее; за хорошее ему извинятъ дурное, а за дурное простятъ хорошее.

Разговоръ о Вольтерѣ и его стансы заставили меня почувствовать мое ничтожество; самолюбіе мое было уязвлено, и я сказалъ Вигелю: Вы мнѣ дали жестокій урокъ за мои куплеты.

— О нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Я заговорилъ о Вольтерѣ, какъ о писателѣ, который можетъ служить для всѣхъ образцомъ. Обижаться тутъ нечѣмъ.

Послѣ того какъ онъ заставилъ меня высказать причины, побудившія меня поступить на Русскую службу, я счелъ себя въ правѣ удовлетворить своему любопытству и потому спросилъ у него, состоитъ ли онъ самъ на какой нибудь службѣ.

— О конечно, отвѣчалъ онъ: въ Россіи служба обязательна для всѣхъ. Человѣкъ не служащій считается за ничто, потому что не исполняетъ своего долга относительно государства. Въ службу должны поступать и способные, и неспособные. Конечно, потомъ, по естественному ходу вещей, первые идутъ впередъ, вторые остаются позади. При Петрѣ I у насъ было только два сословія, при чемъ большинство находилось въ полномъ порабощеніи у меньшинства. Нашъ великій Преобразователь хотѣлъ, чтобъ привилегированное сословіе помогало ему въ его реформахъ. Поэтому онъ сдѣлалъ службу обязательною для всѣхъ и раздѣлилъ насъ по чинамъ на четырнадцать классовъ. Это раздѣленіе существуетъ и въ военной службѣ, и въ гражданской; но конечно шляпа съ плюмажемъ всегда даетъ преимущество военному генералу предъ статскимъ. Я нахожусь въ статской службѣ, хотя не съумѣю точно вамъ сказать—что́ я дѣлаю. Меня посылаютъ съ разными порученіями. Недавно, подъ предлогомъ, что я хорошо говорю пофранцузски, меня отправляли на помощь къ вашему соотечественнику, инженеру, которому поручено устройство ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ. Этотъ инженеръ, по имени Бетанкуръ, ученикъ Политехнической Школы. Его прислалъ нашему Государю Наполеонъ вмѣстѣ съ двумя другими техниками. Какъ видите, не вы одинъ покинули Францію. Говорятъ, подарки поддерживаютъ дружбу, но должно быть не всегда.... Теперь я жду, чтобъ какой нибудь министръ нашелъ меня пригоднымъ на какое нибудь дѣло.

Я простился съ Вигелемъ въ восторгѣ отъ его остроумія; онъ умѣлъ понимать собесѣдника на полусловѣ и отвѣчать ему такъ, что мнѣ казалось, что я все еще у себя на родинѣ. На другой день я отправился къ Тухачевскимъ. Тамъ всѣ мнѣ обрадовались и приняли очень ласково. Они ждали меня и разсчитывали на мою помощь въ устройствѣ домашняго спектакля. Театръ — любимое удовольствіе всѣхъ образованныхъ Русскихъ, и нѣтъ ни одного богатаго дома,

*) Если хотите, чтобы я еще любилъ, возвратите мнѣ мою молодость; къ сумеркамъ дней моихъ прибавьте мнѣ, если возможно, зарю!

гдѣ бы не было особаго уголка, назначеннаго для сценическихъ представленій. Въ маленькихъ кружкахъ жизнь шла бы слишкомъ вяло и скучно, еслибъ по временамъ спектакли не вносили въ нее оживленія, возбуждая самолюбіе и тщеславіе.

Я былъ хорошо знакомъ со сценой и потому съ радостію ухватился за случай быть полезнымъ, а кстати и показать свое умѣнье. Въ тотъ же вечеръ мы распредѣлили роли. Кусова должна была, конечно, играть роли молодыхъ дѣвушекъ, а братъ ея первыхъ любовниковъ. Г-жа Туванъ годилась въ субретки. Пажъ Кирѣевскій, большой шутникъ, потребовалъ себѣ роли дураковъ, а другой Кирѣевскій, болѣе серьёзнаго характера, взялся вмѣстѣ съ Французомъ Аданомъ (сыномъ директора Императорскаго фарфороваго завода, служившимъ въ Дапартаментѣ Путей Сообщенія) за роли отцовъ и резонёровъ. Себѣ я выбралъ роль слуги. Выборъ пьесы мы отложили до слѣдующаго раза.

Спектакли наши продолжались всю зиму и, благодаря имъ, я коротко сошелся съ семействомъ, которое, не занимая виднаго мѣста въ Петербургскомъ большомъ свѣтѣ, было на хорошемъ счету у всѣхъ. Я написалъ что-то въ родѣ пролога и съ большимъ одушевленіемъ съигралъ роль Фигаро въ Сивильскомъ Цирюльникѣ. Я же руководилъ репетиціями и постановкою пьесъ. Положеніе мое было упрочено. Публика у насъ была образованная и снисходительная; все шло какъ нельзя лучше. Графъ Сологубъ, тогдашній левъ моднаго высшаго общества, былъ постояннымъ посѣтителемъ нашихъ спектаклей; двѣ княгини Куракины всячески одобряли меня. Успѣхи мои вскружили мнѣ голову.

Когда театръ нашъ былъ организованъ, мнѣ приходилось иногда по вечерамъ отправляться въ Пажескій Корпусъ, чтобъ, по окончаніи классовъ, репетировать тамъ роли съ моими молодыми актерами. Скоро эти вечернія посѣщенія обратились въ привычку, такъ что я сталъ всякій день въ сумерки заходить туда поболтать. Пажи были рады мнѣ какъ старшему товарищу, который раньше ихъ началъ пользоваться свободой и потому былъ опытнѣе ихъ; они желали узнать жизнь, я же въ обществѣ ровесниковъ отдыхалъ послѣ тѣхъ усилій, которыя мнѣ приходилось сдѣлать, чтобъ держаться наравнѣ съ людьми взрослыми, удостоивавшими меня своего знакомства. Эти юноши привлекали меня и молодостью своею и также нравственными качествами. Особенно сильно привязался я къ братьямъ Хрущовымъ; они тоже полюбили меня. По матери они приходились внуками знаменитому графу Миниху, геніальному человѣку, пользовавшемуся вліяніемъ въ царствованіе трехъ императрицъ: Анны, Елисаветы и Екатерины II. По своимъ замѣчательнымъ физическимъ и нравственнымъ качествамъ, они были призваны поддержать въ свѣтѣ и при дворѣ преданія своей семьи. По женскому колѣну они происходили отъ Нѣмцевъ, которые со времени Петра I стали родниться съ Русскими; по отцу же отъ одного изъ тѣхъ коренныхъ Русскихъ, которые содѣйствовали избавленію своего Отечества отъ Биронова ига. Любопытно замѣтить, что оба Хрущовы воспитывались въ заведеніи, помѣщавшемся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ дѣдушки-заговорщики сбирались у Елисаветы Петровны, жившей тутъ въ то время. Это былъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ дворцовъ въ Петербургѣ. Можетъ быть даже въ эту комнату, гдѣ мы болтали по вечерамъ, сходились тайно враги жестокаго любимца Анны Іоанновны: графъ

Минихъ, котораго считали единственнымъ Нѣмцемъ, могущимъ принять начальство надъ арміей, оберъ-егермейстеръ Волынскій, Мусинъ-Пушкинъ, Еропкинъ, Хрущовъ, стоявшіе во главѣ Русской партіи, Эйхлеръ, молодой Нѣмецъ, секретарь Тайной Канцеляріи, принадлежавшій къ той же партіи и докторъ Лестокъ, довѣренное лицо Елисаветы, вводившій въ ея общество немногихъ Французовъ, жившихъ тогда въ Петербургѣ. Но заговоръ былъ открытъ, и четверымъ друзьямъ отрубили головы по приказанію Бирона.

На правомъ берегу Невы, въ томъ мѣстѣ, которое по плану основателя должно было оставаться за городскою чертою, построена въ память Полтавской побѣды церковь Св. Самсонія. Тутъ же Петръ I устроилъ кладбище для всѣхъ военныхъ, чтобъ тѣмъ почтить ихъ преданность или, лучше сказать, покорность. На этомъ кладбищѣ, противъ самаго входа, лежитъ камень, почти разсыпавшійся отъ времени; на немъ можно еще прочесть имена Волынскаго, Мусина-Пушкина, Еропкина и Хрущова. Можетъ быть, эта катастрофа сблизила еще больше семью Миниха съ семьею Хрущова, и наконецъ они породнились. Геній Екатерины II-й съумѣлъ заставить примириться между собою враждебныя расы Тевтоновъ и Славянъ; но при Николаѣ I Русскіе взяли верхъ, и борьба снова возобновилась.

Оба Хрущовы были впослѣдствіи камергерами. Старшій, на всѣхъ придворныхъ балахъ, бывалъ постоянно въ свитѣ императрицы Александры Θеодоровны; младшему было поручено сопровождать тѣло императора Александра Павловича изъ Крыма до Петербурга. У братьевъ были различные характеры: старшій отличался живостью, пылкостью, страстью къ удовольствіямъ всякаго рода; младшій постоянно былъ серьезенъ и задумчивъ; онъ мнѣ нравился больше старшаго брата.

Наши частые разговоры въ корпусѣ о домашнемъ театрѣ Тухачевскихъ внушили воспитанникамъ мысль устроить театръ въ стѣнахъ заведенія, конечно, съ моею помощью. Начальство корпуса одобрило эту мысль, какъ средство для упражненія во Французскомъ языкѣ. Въ первой пьесѣ, представленной нами въ корпусѣ «Les deux billets» Флоріана, я съигралъ роль Арлекина, старшій Хрущовъ Скапена, а Аржантину изображалъ маленькій бѣлокурый пажъ. Я упоминаю здѣсь объ этомъ, потому что въ 1843 г., когда мнѣ было поручено устройство домашнихъ спектаклей у Государя въ Царскомъ Селѣ, я узналъ въ серьезномъ воспитателѣ великихъ князей, генералъ-адъютантѣ Философовѣ, нашу *Аржантину* 1815 года.

Я сильно увлекался этими пустяками, можетъ быть потому, что слишкомъ рано захотѣлъ занять мѣсто въ средѣ людей серьезныхъ и положительныхъ. Молодость брала свое, и я въ ту минуту, когда нужно было подумать о карьерѣ, колебался сдѣлать рѣшительный шагъ, боясь повредить себѣ поспѣшностью и сознавая свое ничтожество. Тогда-то я, изъ тщеславія, пристрастился къ своему солдатскому мундиру и сталъ всюду являться въ немъ, въ доказательство того, что я вполнѣ понимаю, какъ я ничтоженъ передъ другими. Этимъ я думалъ польстить людямъ, умѣющимъ наблюдать и понимать вещи. Тщеславіе играло тутъ немалую роль: я чувствовалъ, въ какомъ выгодномъ для меня свѣтѣ Русскій солдатскій мундиръ выставлялъ мою красивую Парижскую наружность, въ то время какъ мои манеры и разговоръ изобличали въ мнѣ свѣтскаго, образованнаго человѣка...

Однако нужно было рѣшиться на что нибудь, и въ одинъ прекрасный день я отправился къ Блудову.

Въ то время Блудову было лѣтъ 35; онъ былъ средняго роста и начиналъ полнѣть. Съ перваго раза лицо его не казалось привлекательнымъ, хотя въ немъ не было ничего безобразнаго. Но оно совершенно преображалось, какъ только онъ начиналъ говорить. Быстрый, логическій умъ, обиліе мыслей, живость и мѣткость выраженій, невольно заставили признавать его превосходство надъ собою. Слова срывались съ его устъ, и искра, вспыхивавшая въ немъ, передавалась и другимъ, заставляя ихъ безпрекословно покоряться силѣ его ума. Онъ чувствовалъ свое превосходство и давалъ его всѣмъ чувствовать; но это высокомѣріе не оскорбляло чужой гордости, не поднимало протеста. На хорошей почвѣ культура принесла обильные плоды. Его способъ выражаться напоминалъ Вигеля, но у него было больше содержанія, и онъ глубже захватывалъ. И тотъ, и другой много заботились о внѣшней отдѣлкѣ рѣчи, были литературно - образованы и, не будучи сами писателями, находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ замѣчательными людьми той эпохи. Благодаря имъ, и я узналъ этихъ людей такъ, какъ рѣдко удается иностранцу.

Я люблю вспоминать о моихъ тогдашнихъ разговорахъ съ Блудовымъ. Мнѣ все казалось, что я еще въ Парижѣ: такъ хорошо зналъ онъ нашъ языкъ со всѣми оттѣнками и особенностями, такъ свободно владѣлъ имъ. Ему извѣстны были малѣйшія подробности историческихъ событій не только своего времени, но также XVII и XVIII столѣтій; мало того, онъ зналъ также хорошо и частную, внутреннюю жизнь людей тѣхъ временъ. Память у него была изумительная: онъ говорилъ какъ книга. Разговаривая, онъ всегда ходилъ по комнатѣ, слегка подпрыгивая, точно маркизъ на сценѣ. Сходство было такое полное, что мнѣ всегда чудилось, будто на немъ шитый золотомъ кафтанъ и красные каблуки, а между тѣмъ онъ одѣвался чрезвычайно просто. Особенно любилъ я слушать, какъ онъ мастерски разсказывалъ анекдоты изъ царствованія императрицы Екатерины II. Онъ меня просто околдовалъ. Съ нимъ я никогда не чувствовалъ ни малѣйшаго смущенія: я признавалъ его превосходство надъ собой и зналъ, что онъ слишкомъ уменъ, чтобъ не относиться снисходительно ко мнѣ; къ тому же онъ дѣлился со мной своимъ умомъ, и я этимъ пользовался.

Въ то время Русскій языкъ, долго бывшій въ пренебреженіи въ высшихъ классахъ общества, снова началъ входить въ употребленіе, благодаря талантливымъ писателямъ, которые въ своихъ произведеніяхъ старались показать красоту, силу и звучность роднаго слова. У Блудова собирались замѣчательные люди, одушевленные любовью къ литературѣ и положившіе себѣ цѣлію обработку и усовершенствованіе Русскаго языка. Тутъ я увидалъ Карамзина, соперника Робертсона и Мюллера (подобнаго историка во Франціи тогда еще не существовало), Крылова, не уступавшаго Лафонтену въ остроуміи, наивности и граціи, добродушнаго моралиста, пользовавшагося великою извѣстностью; нѣжнаго поэта Жуковскаго, цѣломудреннаго Парни, Андрея Шенье, черпавшаго свое вдохновеніе изъ Германіи; Дмитріева, замѣчательнаго по силѣ мысли и выраженія; милаго Батюшкова; Дашкова, бывшаго отголоскомъ прочихъ, но человѣка съ сильной волей. Вигель и Блудовъ, одаренные изящнымъ вкусомъ,

усердно помогали общему дѣлу. Какая разница между этими людьми и тѣми застольными товарищами въ Парижѣ, которые выслушивали мои первые младенческіе стихотворные опыты! Я гордился тѣмъ, что былъ принятъ въ такомъ обществѣ и изо всѣхъ силъ старался удержаться въ немъ, инстинктивно надѣясь, что со временемъ буду въ состояніи, если не подражать имъ, то по крайней мѣрѣ понимать ихъ идеи. Разговоръ въ этомъ сѣверномъ отелѣ Рамбулье шелъ обыкновенно на Французскомъ языкѣ. Хотѣли ли такимъ образомъ незамѣтно посвятить послушнаго ученика въ свою умственную дѣятельность, или, можетъ быть, языкъ этотъ по своей законченности лучше служилъ имъ для передачи мыслей, которыя всѣ исключительно были направлены на усовершенствованіе роднаго языка. Сколько вспоминается мнѣ теперь блестящихъ остротъ, ѣдкихъ, летучихъ эпиграммъ, градомъ сыпавшихся на писателей противнаго лагеря: князя Шаховскаго и графа Хвостова. Своею безпощадною, тонкою злостію они напоминали Вольтера. Безъ сомнѣнія, и мой умъ принялъ нѣсколько саркастическое направленіе, вслѣдствіе сильныхъ впечатлѣній полученныхъ мною въ этомъ литературномъ кружкѣ: любезные дикари, ставшіе просвѣтителями, татуировали меня прочными красками.

Когда я познакомился съ Блудовымъ, онъ уже былъ женатъ на княжнѣ Щербатовой, фрейлинѣ императрицы. Жена его только-что оправилась послѣ родовъ. Она была отличная женщина. Вполнѣ понимая мое положеніе на чужой сторонѣ, вдали отъ семьи, она своимъ неизмѣнно-ласковымъ привѣтомъ старалась постоянно ободрять меня и требовала, чтобъ я смотрѣлъ на ея домъ, какъ на убѣжище для себя. Вечера ея бывали чрезвычайно пріятны; разговаривали, играли въ карты; въ двѣнадцать часовъ ночи, на тѣхъ же самыхъ игорныхъ столахъ, подавали ужинъ.

Въ то время широкое гостепріимство старинныхъ Русскихъ вельможъ, уже начинавшее исчезать, еще не замѣнилось утонченными причудами современной роскоши: вліяніе переходной эпохи сказывалось и тутъ, какъ и во всемъ остальномъ.

Мой вожакъ Вигель, которому еще ни разу не пришлось краснѣть за меня, продолжалъ знакомить меня въ тѣхъ домахъ, гдѣ онъ могъ надѣяться, что меня хорошо примутъ. Такимъ образомъ кругъ моего знакомства расширялся съ каждымъ днемъ. Дошло до того, что иногда я получалъ по нѣскольку приглашеній, что чрезвычайно льстило моему самолюбію, и я въ одинъ и тотъ же вечеръ бывалъ въ нѣсколькихъ домахъ. Я бы могъ составить длинный перечень именъ моихъ благосклонныхъ покровителей, но это было бы и скучно, и излишне, и потому я буду говорить только о тѣхъ людяхъ, которые тогда и послѣ имѣли вліяніе на мою судьбу.

Ну а что же моя военная служба? Говоря по правдѣ, отъ меня ничего не требовалось. По утрамъ я иногда удѣлялъ на нее часть времени; но ясно было, что мнѣ давали полную свободу, предоставляя самому заботиться о своей пользѣ въ этомъ отношеніи. Моего отсутствія не замѣчали; моя полнѣйшая безполезность никого не тревожила. Друзья мои, офицеры, по прежнему принимали во мнѣ участіе, но они не вмѣшивались въ это дѣло. Къ мундиру своему я скоро охладѣлъ, и на это никто не удостоилъ обратить вниманіе; въ гостинныхъ же, гдѣ бывало всегда много военныхъ, они были даже мнѣ благодарны за то, что я не носилъ солдатскаго мундира, который бы мѣшалъ свободѣ отношеній, производя непріятное впе-

чатлѣніе въ кадрили, гдѣ блестѣли густыя эполеты. Подпрапорщикъ говорилъ пофранцузски и интересовался болѣе литературой, чѣмъ военнымъ дѣломъ: этого было довольно. На разводахъ говорили со мной о моихъ удачныхъ четверостишіяхъ, и пустяки принимались за дѣло.

Однажды вечеромъ я получилъ записку отъ знаменитаго пьяниста Штейбельта, жившаго тогда въ Петербургѣ и дававшаго тамъ концерты вмѣстѣ съ неменѣе знаменитымъ Фильдомъ. Онъ занимался передѣлкою комическихъ оперъ, которыя уже не удовлетворяли Русскихъ, вслѣдствіе ихъ музыкальнаго образованія и постоянныхъ сношеній съ Германіей. Въ то время пріѣзжалъ также въ Петербургъ Боэльдьё. Пребываніе его въ Россіи принесло ему пользу: онъ много заимствовалъ у Русскихъ въ отношеніи гармоніи и даже запомнилъ многія мелодіи. Его оперы *Красная Шапочка*, *Бѣлая Женщина*—суть отголоски Русскихъ напѣвовъ. Штейбельтъ, еще до войны 1812-го года, уже передѣлалъ *Сандрильону* Николо, не удовлетворявшую болѣе Петербургскихъ диллетантовъ, и теперь занимался передѣлкою *Суда Мидаса*. Хотя уже существовала партиція Гретри; но къ несчастію въ этой комической оперѣ не было хоровъ, а Штейбельтъ, въ качествѣ ученаго Нѣмца, не могъ безъ нихъ обойтись; поэтому онъ и обратился ко мнѣ. Въ другой разъ, дирекція императорскихъ театровъ поручила мнѣ постановку *Жоконды*, которую перевелъ на Русскій языкъ одинъ изъ служившихъ при театрѣ, Петръ Корсаковъ. Это былъ братъ того Корсакова, адъютанта барона Розена, который содѣйствовалъ вступленію моему въ Русскую службу. Я скоро подружился съ переводчикомъ, а въ 1860 году, когда я жилъ въ Гіерѣ (гдѣ пишу эти воспоминанія) я познакомился съ его сестрой, княгиней Еленой Голицыной, и опять свидѣлся съ адъютантомъ, который въ то время уже былъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Петръ же Корсаковъ умеръ въ Петербургѣ въ 1844. Когда я во второй разъ пріѣхалъ въ избранное мною отечество, онъ уже былъ очень боленъ.

Хотя я только числился на службѣ, однако же бывали случаи, когда и мнѣ приходилось вмѣстѣ съ ротою исполнять военныя обязанности. Въ первый разъ это было при торжественномъ въѣздѣ Персидскаго посланника, когда всѣ войска должны были выстроиться рядами отъ городскихъ воротъ вплоть до дворца. Зима стояла тогда очень холодная, и въ этотъ день былъ сильнѣйшій морозъ, а военные должны были быть въ парадной формѣ. Измайловскому полку пришлось стоять на Исакіевской площади, у начала Вознесенскаго проспекта. Вѣтеръ былъ ужаснѣйшій. Вскорѣ я почувствовалъ, что ноги у меня начали застывать; но любопытство удерживало меня на мѣстѣ, и я, постукивая ногами, дожидался торжественнаго шествія. Наконецъ оно поравнялось съ нами: я увидалъ великолѣпныхъ лошадей и слоновъ, которыхъ вели въ подарокъ Императору. На слонахъ были шубы и мѣховые сапоги, для защиты отъ холода; на спинахъ ихъ были башенки, въ которыхъ сидѣли вожаки. Животныя подвигались съ восточною важностью, какъ бы чувствуя, что и они призваны играть роль въ этомъ посольствѣ, имѣвшемъ цѣлію скрѣпить миръ между двумя могущественными государями. На лошадяхъ были сѣдла и сбруя, усыпанныя бриллыянтами и драгоцѣнными каменьями. Прислуга, въ Персидскихъ костюмахъ, представляла живописный контрастъ съ придворными лакеями въ ливреяхъ, треугольныхъ шляпахъ и съ напудреными головами. Въ парадныхъ золоченыхъ каретахъ сидѣли спокойные, величавые послы, со смуглыми, правильными ли-

цами. Зрѣлище было великолѣпное, но между тѣмъ моя правая нога совсѣмъ онѣмѣла отъ холода. Я испугался. Мнѣ разрѣзали сапогъ и стали тереть снѣгомъ до тѣхъ поръ, пока кровь снова пришла въ движеніе; но тогда-то и началась страшная боль. И такъ первый мой походъ кончился тѣмъ, что я едва не лишился ноги.

Полки, стоящіе въ Петербургѣ, обыкновенно по очереди назначаются въ караулъ по городу, а также и во дворецъ. Передъ тѣмъ какъ отправляться всякое утро на смѣну, они собираются на смотръ въ манежъ, около Зимняго дворца. Государь почти всегда присутствуетъ на этомъ смотру. Когда наступилъ чередъ первому батальону Измайловскаго полка, капитанъ мой сказалъ, что благоразуміе и собственныя мои выгоды требуютъ, чтобъ и я шелъ съ ними, для того чтобъ меня тамъ видѣли. Но меня не замѣтили, и я былъ очень радъ. Я всегда любилъ оставаться гдѣ нибудь въ сторонкѣ, чтобъ не обращать на себя вниманія: таково свойство моей природы.

Послѣ смотра наша рота отправилась на гауптвахту Зимняго дворца, гдѣ офицерамъ, какъ гостямъ, всегда было очень хорошо. Въ это время тамъ содержался подъ арестомъ уланскій офицеръ, баронъ Николай Строгановъ, извѣстный въ Петербургѣ по своимъ сумасбродствамъ и выходкамъ. Такъ какъ въ Петербургскомъ гарнизонѣ служили самые знатные и богатые молодые люди, то неудивительно, что нѣкоторые изъ нихъ какъ бы нарочно выставляли на показъ всѣ пороки, свойственные ихъ природѣ и средѣ. За скандальныя продѣлки наказывали арестомъ, срокъ котораго зависѣлъ отъ важности проступка. Мѣсто же заключенія назначалось сообразно съ общественнымъ положеніемъ виновнаго: табель о рангахъ и здѣсь имѣла свою силу. Для Строганова арестъ во дворцѣ не былъ наказаніемъ; напротивъ, тутъ онъ могъ съ полнѣйшею безопасностью вести свой обыкновенный образъ жизни: принималъ старыхъ друзей, пріобрѣталъ новыхъ между караульными офицерами, приходившими его навѣстить, и всѣ вмѣстѣ коротали время за Шампанскимъ, которое въ изобиліи приносилось тайкомъ. Если дѣло не доходило до ночныхъ оргій, то это только оттого, что собутыльники пьянѣли раньше.

Когда заключенный узналъ, кто я и зачѣмъ пріѣхалъ въ Россію, то вдругъ почувствовалъ ко мнѣ необыкновенную привязанность. Остроумный, веселый, съ изящными манерами, отъ которыхъ онъ никакъ не могъ отдѣлаться, онъ былъ радъ найти во мнѣ пріятнаго собесѣдника; мы свободно и весело разговаривали, не нарушая приличій, какъ и слѣдовало свѣтскимъ людямъ, до тѣхъ поръ, какъ пріѣхали къ нему двое друзей его. Одинъ изъ нихъ былъ Анатолій Демидовъ, пріобрѣтшій въ послѣдствіи знаменитость своимъ несмѣтнымъ богатствомъ и женитьбою на принцессѣ Матильдѣ (родственницѣ Царя по своей матери, Виртембергской принцессѣ); другой былъ графъ Эдуардъ Шуазель-Гуфье, Французъ по отцу, Полякъ по матери, графинѣ Потоцкой. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Голицыной, дочери князя Григорья Голицына и умеръ на Русской службѣ. Оба они принадлежали къ высшему Петербургскому обществу. Они пріѣхали разсказать *новую* исторію о г-жѣ Луниной, надѣлавшую много шуму въ свѣтѣ. При этомъ припомнились разныя *старыя* исторіи: злословіе уже не знало мѣры, и посыпались по поводу той же особы разсказы, одинъ хуже другаго.

Лунина была львицей большаго свѣта. Ей уже было за тридцать лѣтъ. Она была не очень безобразна: тогда было въ модѣ находить

ее интересной. Она много путешествовала съ матерью, была во Франціи, въ Германіи, знала хорошо музыку и обладала прекраснымъ голосомъ. Въ Парижѣ, въ салонѣ королевы Гортензіи, она имѣла такой успѣхъ, что Наполеонъ просилъ ее пѣть въ дружескомъ кружкѣ, въ Тюильри. Этого было достаточно, чтобы доставить знаменитость въ Русскомъ обществѣ. Жила она въ нижнемъ этажѣ дома князя Гагарина, на Дворцовой набережной. Разсказывали, что однажды, рано утромъ, Государь, совершая свою любимую прогулку по набережной, увидалъ, что *кто-то* вылѣзалъ изъ окна нижняго этажа. Потомъ, черезъ оберъ-полицмейстера, онъ послалъ сказать хозяйкѣ квартиры, чтобы она остерегалась, потому что ночью къ ней могутъ влѣзть и похитить все, что у ней есть драгоцѣннаго. Разсказъ этотъ передавался со многими варіантами. Демидовъ и Шуазель прибавляли еще новыя подробности, одну смѣшнѣе и невѣроятнѣе другой, для того, чтобы развеселить нимало не огорченнаго узника. Справедлива Латинская пословица: asinus asinum fricat!

Эти сплетни и росказни навели на мысль написать героинѣ пламенное объясненіе въ любви. Я долженъ былъ сочинить письмо и исполнилъ это такъ удачно, что превзошелъ всѣ ожиданія проказниковъ.

Въ письмѣ выражалась самая безумная любовь, и такъ искренно, правдоподобно, что тутъ же было рѣшено переписать его набѣло и отослать по адресу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, Вигель, все по прежнему расположенный ко мнѣ, сказалъ мнѣ:

— Въ нашемъ обществѣ существуетъ нѣсколько кружковъ, совершенно различныхъ по образу мыслей и по своему времяпрепровожденію: въ однихъ все люди серьезные, въ другихъ люди пустые и ничтожные. Въ ваши лѣта хочется знать и тѣхъ и другихъ; въ мои же выборъ уже сдѣланъ. Есть здѣсь салонъ, въ которомъ я не имѣю никакого желанія бывать; но вамъ, конечно, это доставило бы удовольствіе: я говорю о салонѣ m-lle Луниной.

Хотя у ней были живы и отецъ и мать, но всѣ говорили: салонъ m-lle Луниной.

Я, конечно, ни слова не сказалъ о нашей продѣлкѣ на гауптвахтѣ, не желая выдавать виновниковъ шутки, въ которой и я былъ участникомъ. Вигель продолжалъ:

— Для этого я васъ познакомлю съ Хвостовой; она ничего не имѣетъ общаго съ поэтомъ Хвостовымъ, надъ которымъ мы всегда смѣемся. Это тетка львицы, которая живетъ на Дворцовой набережной.

— Въ домѣ Гагарина? невольно вырвалось у меня.

— Ну да! вскричалъ онъ. Стоустая молва дошла и до васъ. Но вы не вѣрьте всему, что разсказываютъ, хоть изъ уваженія къ дипломатическому корпусу, который бываетъ у Луниной. Вы вѣроятно слышали про исторію съ Португальцемъ..... или, можетъ быть, съ Испанцемъ.... а можетъ быть, съ Итальянцемъ?... Люди такъ злы! Былъ только одинъ... хотя онъ могъ быть въ трехъ лицахъ. Увы и ахъ! Хвостова очень умная женщина; она оставила свѣтскую жизнь во-время... Теперь она пишетъ книжки о воспитаніи.

— И она воспитала свою племянницу?

— Это ничего не доказываетъ. Принципы одно, слѣдствіе—другое. Они сглаживаются неизвѣстно какъ и отчего... то есть, оно, пожалуй,

и извѣстно... Ну такъ поѣдемъ къ Хвостовой, и она, какъ умная женщина, предложитъ вамъ познакомиться съ племянницей.

Хвостова приняла насъ отлично. Лицо ея еще сохраняло слѣды прежней красоты. Въ разговорѣ чувствовался умъ и опытность: въ свое время она таки пожила. Это и необходимо, чтобы быть въ состояніи писать о воспитаніи. Герцогиня Люксембургская, г-жа Буфлеръ, воспитали мадмуазель Лозенъ и сдѣлали изъ нея вполнѣ образованную особу.

Милая старушка Хвостова обѣщала устроить дѣло такъ, чтобы мы встрѣтились у ней съ ея племянницей.

Но когда я пріѣхалъ во второй разъ, она прямо обратилась ко мнѣ:

— Злополучный человѣкъ! Что вы такое надѣлали? Правду сказалъ Вигель, когда рекомендовалъ васъ какъ сочинителя (homme de lettres). Моя племянница просто пришла въ ярость. Вы пишете пламенныя письма.... Можете вычеркнуть ея имя изъ списка вашихъ знакомыхъ и вписать мое. Я буду всегда рада васъ видѣть. Посѣщенія ваши мнѣ доставятъ такое же удовольствіе, какъ и ваши произведенія.

И она дружески протянула мнѣ руку. Я ей разсказалъ все по истинѣ, какъ было дѣло, и она очень смѣялась нашей продѣлкѣ. Но когда мнѣ случалось встрѣчаться съ племянницей, то всякій разъ ея черные глаза загорались негодованіемъ.

Послѣ она вышла замужъ въ Италіи за какого-то синьора Риччи, или графа Риччи, у котораго былъ очень хорошій голосъ. Но дуэтъ кончился неудачно: въ 1845 году я видѣлъ графиню въ Москвѣ, въ крайней бѣдности. Она слишкомъ любила пѣніе; эта страсть и была причиною ея разоренія.

Посреди свѣтской жизни, у меня изрѣдка бывали минуты раздумья, правда не надолго, но все-таки я иногда твердилъ себѣ, что слѣдовало бы позаботиться о будущемъ и извлечь какую нибудь пользу изъ моего безразсуднаго поступка, т. е. добровольнаго оставленія родины. По временамъ на меня находили страсть къ изученію Русскаго языка и рвеніе къ военной службѣ. Но чтобы изъ этого что нибудь вышло, нужно было, во первыхъ, чтобы со мной не говорили пофранцузски; во вторыхъ чтобы люди, такъ дружески принимавшіе меня, перестали пускать къ себѣ въ домъ, что́ мнѣ, какъ человѣку оторванному отъ родины и семьи, было бы очень тяжело. Ни честолюбіе, ни тщеславіе не могли заглушить во мнѣ мыслей о родномъ домѣ и Отечествѣ. Я взялъ учителя Русскаго языка и съ его помощію очень скоро выучился читать и писать. Понималъ я, конечно, немного, да и теперь не могу обойтись безъ словаря, но все таки уроки принесли мнѣ пользу: они заставили меня оцѣнить силу и звучность языка, который, по простотѣ механизма и богатству оборотовъ, достоинъ того, чтобы сдѣлаться когда нибудь международнымъ языкомъ. Я переводилъ слово въ слово образцовыя произведенія литературы, а потомъ построчный переводъ передѣлывалъ въ изящную Французскую рѣчь и иногда довольно удачно передавалъ смыслъ оригинала. Такимъ образомъ я перевелъ *Марѳу Посадницу* Карамзина. Вигель похвалилъ мой переводъ, и я его издалъ въ Парижѣ въ 1818 году. Переводъ имѣлъ успѣхъ.

Въ то время познакомился я съ Алексѣемъ Зубовымъ, бывшимъ впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ дорогихъ друзей моихъ. Мать его, которая имѣла большое состояніе въ Сибири и у которой онъ былъ един-

ственный сынъ, приходилась сестрой графинѣ *Ивеличъ* и нѣкоей Титовой, супругѣ таможеннаго чиновника, писавшаго легкую оперную музыку. Не будучи родственникомъ извѣстныхъ графовъ и князей Зубовыхъ, Алексѣй Зубовъ принадлежалъ къ лучшему Петербургскому обществу. Императрица Александра Ѳеодоровна женила его на своей любимой фрейлинѣ, дочери астронома Эйлера, дѣвушкѣ безъ всякаго состоянія. Государыня хотѣла этимъ бракомъ дать ей богатство; но случилось такъ, что съ богатствомъ она пріобрѣла и счастіе. Когда я познакомился съ Алексѣемъ Зубовымъ, онъ былъ почти однихъ со мною лѣтъ и только что поступилъ унтеръ-офицеромъ въ Кавалергардскій полкъ. Это былъ высокій, красивый молодой человѣкъ, съ томнымъ взглядомъ, небрежный и лѣнивый. Не смотря на умственную вялость, онъ былъ очень насмѣшливъ, и насмѣшливое слово выходило у него такъ простодушно и искренне, что всегда мѣтко попадало въ цѣль. Двоюродный братъ его, Титовъ, служилъ унтеръ-офицеромъ въ Преображенскомъ полку. Онъ отличался живымъ, пылкимъ характеромъ. Я подружился съ обоими.

Такъ протекло нѣсколько мѣсяцевъ. Вдругъ по всей Европѣ пронеслась вѣсть о возвращеніи Наполеона въ Парижъ.... Все пришло въ смятеніе. Англія и Германія призывали Россію на помощь; война была неизбѣжна, и мое положеніе должно было тоже измѣниться.... Я сталъ меньше бывать въ обществѣ, отчасти потому что сезонъ уже оканчивался, а отчасти и оттого, что я чувствовалъ, что мое присутствіе стѣснительно для другихъ: при мнѣ неловко было выражать неудовольствіе противъ Франціи. Я обратился къ Вигелю. Онъ посовѣтывалъ мнѣ продолжать знакомство только съ тѣми людьми, которые, благодаря своему умственному развитію, не захотятъ измѣнять отношеній ко мнѣ. У Тухачевскихъ я былъ всегда дружески принятъ; Блудовъ постоянно принималъ во мнѣ большое участіе, которое еще усилилось въ эти трудныя минуты.

До сихъ поръ я жилъ безпечно, но упрекнуть меня было не въ чемъ, и совѣсть моя была спокойна; теперь же мое положеніе становилось затруднительнымъ: нужно было серьезно подумать и рѣшиться.

Капитанъ мой призадумался; его расположеніе ко мнѣ нисколько не измѣнилось, но онъ заговорилъ со мной иначе, чѣмъ въ Парижѣ.

— Подумаемъ, сказалъ онъ, и постараемся исправить невольныя ошибки. Я хотѣлъ вамъ тогда помочь, а вмѣсто того поставилъ васъ въ затруднительное, почти безвыходное положеніе, и мнѣ это очень непріятно, хотя всему виною обстоятельства. Когда вы пріѣхали въ Россію, я, полагаясь на вашъ здравый смыслъ и чувства собственнаго достоинства, предоставилъ вамъ полную свободу выбирать образъ жизни и знакомыхъ по вашему усмотрѣнію. Я зналъ про ваши успѣхи въ свѣтѣ и былъ доволенъ, что вы съумѣли пріобрѣсть извѣстное положеніе: это могло быть полезно впослѣдствіи. Въ то же время вы продолжали дружескія отношенія съ людьми, съ которыми сошлись въ Парижѣ, хотя эти люди, по своему скромному общественному положенію, не принадлежали къ высшему свѣту. Когда мы уговаривали васъ ѣхать съ нами въ Россію, мы имѣли въ виду вашу пользу: принуждать васъ намъ не было выгоды. Но теперь мы становимся отвѣтственны за ваши поступки, и въ особенности я, такъ какъ я обѣщалъ вашему отцу замѣнить его вамъ и заботиться о васъ. Наполеонъ вернулся и принятъ большинствомъ наро-

да съ восторгомъ. Европа не захочетъ перенести этого униженія, и потому война неизбѣжна. Исходъ ея тоже можно предвидѣть. Наша армія выступаетъ противъ Франціи, Англійскія и Нѣмецкія войска уже стоятъ на ея границахъ. Наша гвардія пойдетъ послѣ всѣхъ, и то только въ случаѣ крайней необходимости. Вы можете, если хотите, выйти въ отставку, но можете и продолжать служить: васъ не заставятъ сражаться противъ родины. Такъ было въ 1812 году, такъ будетъ и теперь. Тогда всѣмъ служащимъ иностранцамъ въ военной и гражданской службѣ была предоставлена полная свобода. Война скоро кончится; будетъ заключенъ миръ, и все пойдетъ по старому. Итакъ, если вы остаетесь на службѣ, то вамъ, въ случаѣ выступленія гвардіи въ походъ, позволятъ жить либо въ Петербургѣ, либо въ Варшавѣ, до ея возвращенія. Какая вамъ выгода выходить въ отставку теперь? Вернуться во Францію вамъ нельзя. Навигація еще не открылась, да и кромѣ того тамъ непріятельскій флотъ. Ѣхать сухимъ путемъ вамъ не по средствамъ. Кстати ужъ поговоримте и о денежномъ вопросѣ, благо мы его затронули. До сихъ поръ расходы ваши были незначительны, потому что въ вашемъ распоряженіи были мои лошади, а платье вы привезли съ собою изъ Парижа и въ достаточномъ количествѣ. Но если вы останетесь здѣсь по уходѣ полка и захотите вести по прежнему свѣтскую жизнь, то вамъ придется плохо безъ моего экипажа, да и модные портные разорятъ васъ. Кромѣ того, мало ли что можетъ случиться? Вы останетесь здѣсь совершенно одни, безъ друзей, и хотя вы хорошо приняты во многихъ почтенныхъ семействахъ, гдѣ вамъ не откажутъ въ гостепріимствѣ, но все таки подумайте! Вы самолюбивы и обидчивы. Фальшивое положеніе, неудачи могутъ дурно подѣйствовать на вашъ характеръ; вы будете чувствовать себя несчастнымъ, а меня тутъ не будетъ, чтобъ помочь вамъ. Вотъ этого-то я и боюсь больше всего.

Все это онъ высказалъ такъ просто и подружески, что я былъ тронутъ, и слезы выступили у меня на глаза. Я хотѣлъ отвѣчать, но онъ остановилъ меня.

— Я еще не кончилъ, сказалъ онъ; самое худшее еще впереди, но вамъ лучше знать всю правду. Мои доходы очень ограничены, а небольшая сумма, которая была мнѣ выдана въ Парижѣ на ваши расходы, уже давно истрачена. Въ тотъ разъ, когда вы, увлеченные дурнымъ примѣромъ, сѣли играть, вы выиграли; это былъ первый и единственный разъ, и тѣмъ дѣло и кончилось. Очевидно вы не игрокъ. Но кто же поручится за будущее? Праздная жизнь, жажда сильныхъ ощущеній, наконецъ крайность и дурные примѣры могутъ увлечь васъ на эту дорогу... Нѣтъ, не оставайтесь въ Петербургѣ! Поѣдемте вмѣстѣ, мой юный товарищъ! Въ Варшавѣ вы останетесь до окончанія войны; можетъ быть, придется вамъ и поскучать, за то искушеній меньше, чѣмъ здѣсь. А потомъ, когда мы опять свидимся, мы снова потолкуемъ о вашей военной карьерѣ. Къ тому времени дисциплина окажетъ на васъ свое дѣйствіе: вы возмужаете, да и опытности у васъ прибавится.

Я почувствовалъ справедливость его словъ и рѣшился во всемъ послѣдовать его совѣтамъ и отправиться вмѣстѣ съ полкомъ.

Во время похода не случилось ничего замѣчательнаго. По дорогѣ я заѣхалъ въ имѣніе одного изъ моихъ друзей, унтеръ-офицера Семеновскаго полка, Бибикова. Его мать была замужемъ во второй

17*

разъ за полковникомъ *Чуйкевичемъ,* который самъ переѣхалъ въ деревню для устройства имѣнія и сбора оброка. Я поѣхалъ вмѣстѣ съ Бибиковымъ. У дома стояла толпа крестьянъ съ хлѣбомъ-солью; старикъ, которому было сто двадцать лѣтъ отъ роду, привѣтствовалъ молодаго хозяина, въ первый разъ пріѣхавшаго въ свою вотчину, и поднесъ ему хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ. Около него стояли его два сына, которымъ было по девяноста лѣтъ, и вся многочисленная ихъ семья. Пѣсни раздавались цѣлый день. Къ концу обѣда, полковникъ Чуйкевичъ велѣлъ позвать троихъ стариковъ, чтобы мы могли полюбоваться ими. И дѣйствительно они стоили того: не смотря на года, они держались совершенно прямо, и глаза сохраняли прежній блескъ. Бѣлые волосы и длинныя бороды придавали спокойное величіе ихъ чертамъ. Особенно хорошъ и свѣжъ былъ старикъ-отецъ. Въ немъ еще было много жизни, и даже память ему нисколько не измѣнила. Онъ служилъ солдатомъ при Петрѣ I и находился при построеніи Петербурга. Онъ былъ сторожемъ при только что строившейся Александро-Невской Лаврѣ. Въ то время ему было восемнадцать лѣтъ. Легко вообразить, съ какимъ чувствомъ я пожалъ руку старику, знавшему Петра Великаго, исполнявшему его приказанія и даже, можетъ быть, видѣвшему, какъ царь самъ, съ топоромъ въ рукѣ, подавалъ примѣръ рабочимъ.

Въ мѣстечкѣ Глубокомъ мнѣ отвели помѣщеніе въ томъ самомъ монастырѣ, гдѣ жилъ Наполеонъ. Монахи показывали мнѣ маленькую, плохо-меблированную комнатку, гдѣ онъ помѣщался. Все тутъ оставалось въ томъ же видѣ. Монахи говорили о немъ съ чувствомъ благоговѣнія. Я снова почувствовалъ себя Французомъ и свободнымъ человѣкомъ.

Гвардія остановилась въ Вильнѣ. На другой день послѣ нашего прихода туда, я встрѣтился у самаго дома, гдѣ намъ была отведена квартира, съ графомъ Эдуардомъ Шуазелемъ. Онъ шелъ навѣстить знакомаго офицера, раненаго на дуэли, который жилъ въ томъ же домѣ. Мы обмѣнялись нѣсколькими словами, и на возвратномъ пути онъ вошелъ ко мнѣ.

— У меня есть къ вамъ просьба, сказалъ онъ.

— Очень радъ служить вамъ, отвѣчалъ я, но предупреждаю, что не стану писать болѣе любовныхъ писемъ мадмуазель Луниной.

— О нѣтъ, тутъ совсѣмъ другое. Ея двоюродный братъ Михаилъ Лунинъ, кавалергардскій полковникъ, лежитъ раненый въ этомъ домѣ и можетъ быть еще долго не встанетъ. Скука для него хуже всякой болѣзни. Онъ былъ бы очень вамъ благодаренъ, еслибы вы иногда навѣщали его. Исторія съ письмомъ ему очень понравилась, и онъ хочетъ поблагодарить васъ. Его милая кузина всегда служитъ ему мишенью для шутокъ.

— Но скажите пожалуйста, графъ, сказалъ я, какъ же узнали, что письмо писалъ я?

— Вѣроятно разболталъ Демидовъ или Строгоновъ, а можетъ быть и я самъ нечаянно. Но вѣдь это было такъ давно!

Лунинъ былъ извѣстенъ за чрезвычайно-остроумнаго и оригинальнаго человѣка. Тонкія остроты его отличались смѣлостью и подчасъ цинизмомъ, но ему все сходило съ рукъ. Повидимому онъ мнѣ очень обрадовался. Если бы я могъ двинуться, сказалъ онъ мнѣ, то я бы васъ обнялъ. Дайте мнѣ вашу правую руку, которая такъ ловко владѣетъ обоюдоострымъ перомъ. О, какой эффектъ произвело ваше письмо!

— Но, полковникъ, я только былъ послушнымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Виноваты тутъ Шуазель, Демидовъ и Строгоновъ.

— Не вѣрю! Они способны на все; только на это ихъ не хватитъ.

— Но какъ же узнали объ этомъ письмѣ? Кузина ваша показала его?

— Конечно! Развѣ у самолюбія есть тайны? Да она готова бы сама вамъ продиктовать такое письмо, только бы имѣть возможность прикинуться оскорбленной, негодующей. Это своего рода уловка. Кузина моя давно перестала краснѣть за себя, но она окружена толпою, которая восхищается ею. Будь это письмо написано глупо, она бы промолчала; но получить такое письмо, какъ ваше, было лестно и выгодно; она и разъиграла оскорбленную невинность.

Такъ началось мое знакомство съ Лунинымъ, скоро обратившееся въ дружбу. Обстоятельства впослѣдствіи разлучили насъ. Смѣлый на слова, онъ не струсилъ и передъ дѣломъ. Онъ былъ однимъ изъ зачинщиковъ возмущенія 14 Декабря и кончилъ жизнь въ Сибири. Это былъ человѣкъ замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ, и о немъ стоитъ разсказывать.

(Продолженіе будетъ).

Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи.

1.

Когда князь Николай Григорьевичъ Репнинъ былъ Полтавскимъ губернаторомъ, онъ получилъ жалобу на городничаго одного изъ уѣздовъ его губерніи. Жалоба состояла въ слѣдующемъ. Офицеръ, ѣхавшій изъ Петербурга съ казенной подорожной, требовалъ лошадей; но городничій, который праздновалъ въ этотъ день имянины дочери, обрадовался случаю представить своимъ гостямъ блестящаго Питерца и вмѣсто лошадей послалъ проѣзжему приглашеніе на вечеръ. Молодой человѣкъ отказался воспользоваться оказанной ему честью и повторилъ свое требованіе. Тогда разсерженный городничій посадилъ подъ арестъ непокорнаго юношу. Князь Репнинъ, разобравши дѣло, отрѣшилъ виновнаго отъ должности.

Наступили Рождественскіе праздники, и весь городъ съѣхался по обыкновенію встрѣчать новый годъ на балѣ у губернатора. Пиръ шелъ горой, и всѣмъ было весело, благодаря радушному гостепріимству хозяевъ дома. Одинъ лишь изъ гостей, Котляревскій, авторъ «Энеиды на изнанку», напоминалъ собою рыцаря печальнаго образа. Лице его необычайно вытянулось; онъ смотрѣлъ угрюмо и вертѣлся постоянно около губернатора съ видимой цѣлью обратить на себя его вниманіе. Уловка удалась. «Что ты такой пасмурный?» спросилъ его князь. —«Думку думаю, ваше сіятельство».-«Какую думку?»—«Хочу писать исторію Малороссіи.»-«Хорошее дѣло; да унывать-то не изъ чего».—«Я не то чтобъ уныль, ваше сіятельство, а стараюсь припомнить эпизодъ о вашемъ предкѣ: онъ былъ въ немилости и потомъ прощенъ послѣ Полтавской битвы... Что-то такое, да подробности путаются у меня въ головѣ». «Я разскажу тебѣ, какъ дѣло было», возразилъ князь, который любилъ семейныя преданія. «Предокъ мой, личный врагъ Михайла Михайловича Голицына, попалъ въ немилость у Петра и былъ разжалованъ въ солдаты. Въ первыхъ минутахъ упоенія послѣ Полтавской побѣды, когда ожидаемыя награды и повышенія были еще впереди, царь обратился къ Голицыну и сказалъ ему: «проси у меня чего хочешь, ни въ чемъ тебѣ не откажу на радости».—«Простите князя Репнина», отозвался Голицынъ, и Петръ простилъ».—«Такъ вотъ какъ дѣло-то было», сказалъ Котляревскій. «Что жъ, ваше сіятельство, въ память вашего предка, помилованнаго по ходатайству врага, не помилуете ли вы бѣднаго городничаго Н...скаго уѣзда?». «Какъ!» крикнулъ князь, «такъ это ты мнѣ ловушку подставилъ?»—«А вы попались, ваше сіятельство, такъ ужъ дѣлать-то нечего». Князь разсмѣялся. «Ну быть по твоему», сказалъ онъ, «городничаго я прощаю, но не возвращу его на прежнее мѣсто, а дамъ ему такое, гдѣ нельзя ему будетъ сажать подъ арестъ добрыхъ людей, когда они отказываются справлять имянины его дочери».

Мы передаемъ этотъ анекдотъ, который выставляетъ въ яркомъ свѣтѣ характеръ князя Николая Григорьевича; но за истину семейнаго преданія, дошедшаго до него, мы не отвѣчаемъ, потому что не нашли нигдѣ указаній о князѣ Репнинѣ, разжалованномъ Петромъ и помилованномъ вслѣдствіе великодушія князя Голицына. Въ документахъ же о Полтавской битвѣ упоминается лишь о томъ князѣ Репнинѣ, который выказалъ воинскую доблесть не въ качествѣ солдата, а генерала, и получилъ въ награжденіе кавалерію и помѣстья.

2.

Когда Лермонтовъ жилъ на Кавказѣ, кружекъ его пріятелей собрался разъ на вечеръ, если не ошибаюсь къ князю Валерьяну Михайловичу Голицыну. Но поэтъ не являлся, и его отсутствіе начинало безпокоить общество, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ гостей слышалъ, будто Лермонтовъ попалъ въ непріятную исторію. Пока шла рѣчь о томъ, чтобъ навести справки, хозяину дома подали, отъ имени Михайла Юрьевича, записку слѣдующаго содержанія:

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Браниться и драться я страстно любилъ.
Обѣдать однажды сосѣдъ меня звалъ;
Со мною заспорилъ одинъ генералъ.
Я свѣта не взвидѣлъ.... Стаканъ зазвенѣлъ
И въ рожу злодѣя стрѣлой полетѣлъ.
. . . .
Мой рабъ вечеркомъ, какъ свершился ударъ,
Ко мнѣ, на гауптвахту, принесъ самоваръ.

(Слышано отъ князя В. М. Голицына).

3.

Мнѣ довелось слышать отъ бывшаго попечителя Московскаго университета, Дмитрія Павловича Голохвастова, слѣдующій анекдотъ, переданный ему, какъ семейное преданіе, бабушкой его, княгиней Мещерской. Ея дѣдъ служилъ при Петрѣ Великомъ и, стоя разъ за нимъ во время обѣда, увидалъ таракана, ползущаго по спинѣ Императора. Всѣмъ извѣстно болѣзненное отвращеніе Петра къ тараканамъ: ихъ видъ доводилъ его иногда до послѣднихъ границъ бѣшенства. Князь Мещерскій, сотворивши мысленно молитву, поймалъ непрошеннаго гостя и сжалъ его въ рукѣ. Петръ обернулся: «Зачѣмъ ты меня тронулъ?» спросилъ онъ. «Вамъ, должно быть, показалось, ваше величество», отвѣчалъ князь: «я до васъ не касался».

Императоръ не отозвался, но послѣ обѣда пошелъ отдыхать и потребовалъ къ себѣ Мещерскаго. «Говори сейчасъ, зачѣмъ ты меня трогалъ?» спросилъ онъ опять. «Я не посмѣлъ вамъ доложить въ первую минуту, что по вашей спинѣ ползъ тараканъ, и я его снялъ».—«Хорошо сдѣлалъ, что смолчалъ давича», отозвался Петръ: «видно, не твой рокъ, не мой грѣхъ».

4.

Опочининъ не могъ помириться съ мыслію, что Наполеонъ овладѣлъ Москвой и говорилъ всегда съ отчаяніемъ о занятіи столицы.

«Утѣшьтесь», сказалъ ему разъ кто-то: «можетъ, и мы займемъ Парижъ».

— «Если мы его займемъ», отозвался Опочининъ, «я не только утѣшусь, но схожу пѣшкомъ въ Кіевъ».

Въ 1815 году, во время пребыванія своего за границей, императоръ Александръ узналъ о патріотической выходкѣ Опочинина и приказалъ ему сказать, что ждетъ исполненія его обѣта. Опочининъ поморщился, но побывалъ въ Кіевѣ.

5.

Шатровъ обладалъ способностью импровизировать, и его экспромиты нерѣдко потѣшали его современниковъ. Разъ у него спрашивали мнѣнія о стихахъ Жуковскаго: «Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ» и «Пѣвецъ въ Кремлѣ». Онъ отвѣчалъ:

Въ станѣ Русскихъ пѣвецъ
Удалой молодецъ;
Хоть и много онъ пьетъ,
А ни слова не вретъ.
Но въ Кремлѣ нашъ пѣвецъ,
Что̀ болтливый скворецъ,
Хоть ни капли не пьетъ,
А что̀ слово, то вретъ.

6.

Николай Филиповичъ Павловъ, сосланный въ Пермь въ Апрѣлѣ 1852 года, написалъ на 1-е Мая, день рожденія Алексѣя Степановича Хомякова, слѣдующіе стихи:

Первый день весны мгновенной,
Лучшій праздникъ у Москвы,
Гдѣ премудро и смиренно,
Въ этотъ часъ шумите вы.
Но не прелестью своею,
И не тѣмъ онъ сердцу милъ,
Что сбираться въ асамблею
Нѣмецъ Русскаго училъ,
Что Сокольничее поле
Сохранило память дѣлъ,
Какъ нашъ предокъ поневолѣ
Забавлялся, пилъ и ѣлъ.
Что мнѣ эти всѣ преданья,
Говоръ славы, иль позоръ:
Первый крикъ твой, крикъ страданья,
На землѣ твой первый споръ!
Этотъ день за то мы чтили,
И за то намъ дорогъ онъ,
Что тебя благословили
Златоустъ и Аполлонъ.
Сердца скорбныя усилья
Ограничили мой міръ;
Гдѣ бы взять для воли крылья,
Чтобъ примчаться къ вамъ на пиръ?
На пространствѣ тѣсной рамы
Обозначенъ мой предѣлъ;

Я ходилъ на берегъ Камы,
Долго въ быструю глядѣлъ,
И въ волнахъ ея глубокихъ,
Видѣлъ множество чудесъ,
Въ безднѣ водъ ея широкихъ
Чуялъ таинство небесъ.
Я хотѣлъ, смятенья полный,
Наклоняяся надъ ней,
Лечь на ласковыя волны,
Къ цѣли донестись скорѣй.
Но плѣнительныхъ для глаза
Отъ меня не жди даровъ,
Не для перловъ и топаза
Въ край попалъ я Пермяковъ.
И корысти жадной рану
На душѣ я не таилъ,
И за золотомъ къ шайтану
Я съ молитвой не ходилъ.
Въ эту землю роковую,
Сердца вѣчную грозу,
Внесъ я дань недорогую:
Примѣшалъ и я слезу.

7.

У императора Павла было два адъютанта: князь Николай Григорьевичъ Волконскій (впослѣдствіи Репнинъ) и графъ Несс. Перваго онъ очень любилъ, а втораго, хотя и держалъ при себѣ, но не жаловалъ за невзрачность, и говорилъ обыкновенно: «Видѣть не могу этой рожи». Когда Павелъ звонилъ, то, по его приказанію, къ нему входилъ князь Волконскій. Графъ Несс. показывался лишь за отсутствіемъ своего товарища. Однако онъ мирился съ незавидной ролью и не думалъ о томъ, чтобы покинуть дворъ.

Разъ, позднимъ вечеромъ, Императоръ уже легъ, а оба адъютанта сидѣли въ сосѣдней комнатѣ. Вдругъ раздался звонокъ, и князь Волконскій вошелъ въ спальню. Павелъ послалъ его съ приказаніемъ къ Императрицѣ. Невозможно было, особенно въ ночную пору, скоро обойти зимній дворецъ и получить, черезъ камеръ-фрау, отвѣтъ на данное порученіе, и молодой человѣкъ не успѣлъ еще возвратиться, когда Императоръ позвонилъ снова. На этотъ разъ вошелъ графъ Н.

Павелъ вспыхнулъ (онъ уже забылъ о порученіи, данномъ князю Волконскому) и крикнулъ громовымъ голосомъ: «Ты зачѣмъ? Гдѣ Волконскій?» Въ эту минуту князь показался въ дверяхъ. «Какъ!» загремѣлъ Павелъ, «я звоню, а ты не идешь»!... «Ваше Величество»... «Оправдываться! Въ Сибирь»!... «Ради Бога, Ваше Величество!» промолвилъ мнимый виновный, «позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, проститься съ семействомъ».-«Можешь, и прямо въ Сибирь!»

Въ домѣ Волконскихъ ложились поздно, и князь засталъ своихъ за ужиномъ. Объяснивши придуманной напередъ басней свое появленіе въ неурочный часъ, онъ подалъ знакъ своей бабушкѣ и скользнулъ въ сосѣднюю комнату. Старуха послѣдовала за нимъ. Разсказавъ ей о своемъ горѣ, онъ прибавилъ: «Надо приготовить мать: я ѣду сейчасъ». Она открыла, рыдая, бюро, откуда вынула тысячу рублей, которыя вручила внуку; потомъ отерла глаза

и пошла къ невѣсткѣ. Но какъ ни старалась она смягчить ударъ, бѣдная мать пришла въ отчаяніе. Обнявши сына и благословивъ его, она упала въ обморокъ. Молодой человѣкъ поцѣловалъ ея руку и выбѣжалъ изъ комнаты.

Не успѣлъ онъ еще выѣхать изъ воротъ, какъ кто-то крикнулъ его имя на улицѣ. Онъ отозвался. «Васъ требуетъ Императоръ», сказалъ незнакомый голосъ: «ступайте къ нему».

На пути во дворецъ князь встрѣтилъ нѣсколькихъпосланныхъ, которые требовали его отъ имени Павла; наконецъ въ ту минуту, какъ онъ сбрасывалъ шубу съ плечъ, камеръ-лакей кричалъ, спускаясь съ дворцовой лѣстницы: «Его Величество приказали узнать, пріѣхалъ ли князь Волконскій».

Князь уже чуялъ счастливую перемѣну въ своей судьбѣ, и сердце его было спокойно, когда онъ вошелъ въ спальню Императора, который встрѣтилъ его словами: «Чтó я надѣлалъ? Вѣдь совсѣмъ забылъ, что самъ тебя послалъ. Прости ты меня, Христа ради», продолжалъ онъ, приподымаясь на постели и низко кланяясь. «Ну, а теперь ступай!»

«Ваше Величество», сказалъ князь, «позвольте мнѣ возратиться на минуту къ моимъ: мать была безъ памяти, когда я уѣхалъ изъ дома».

«Что я надѣлалъ!» повторилъ Павелъ. Онъ опять приподнялся и поклонился. «Я сей часъ кланялся тебѣ», прибавилъ онъ, «а вотъ этотъ поклонъ передай отъ меня матери. Попроси ее, чтобъ и она меня простила».

Когда князь вбѣжалъ съ сіяющимъ лицомъ въ комнату, гдѣ плакали обнявшись его мать и бабушка, всѣ бросились къ нему. Онъ разсказалъ о своихъ похожденіяхъ и заключилъ, обращаясь къ бабушкѣ:

«Воля ваша, а тысячи рублей я вамъ не возвращу: вы мнѣ ихъ подарили!»

«Твое счастіе», отвѣчала, смѣясь, старушка.

8.

Прасковья Александровна Волкова (впослѣдствіи Миллеръ), фрейлина императрицы Маріи Ѳеодоровны, была очень жива, весела и ни при комъ не стѣснялась, начиная съ императора Павла, котораго очень потѣшали ея безцеремонныя выходки. Онъ находилъ, что она похожа на него и прозвалъ ее своимъ портретомъ.

Былъ пріемъ во дворцѣ. Когда г-жа Волкова вошла вмѣстѣ съ другими фрейлинами, Императоръ поклонился ей и примолвилъ. «А! мой портретъ!» «Je suis donc bien laide, Sire, возразила она. Онъ разсмѣялся и отвѣчалъ: «C'est que j'étais joli garçon dans ma jeunesse» *).

Въ другой разъ онъ увидалъ двухъ фрейлинъ, которыя перешептывались, вспылилъ и объявилъ, что впредъ проучитъ по своему того, кто вздумаетъ говорить шопотомъ во дворцѣ. На другой же день, входя къ Императрицѣ, онъ засталъ Прасковью Александровну разговаривающею вполголоса съ своей сестрой.

«Зачѣмъ вы шепчетесь?» крикнулъ онъ.—«Намъ нельзя говорить вслухъ, Ваше Величество», отозвалась Прасковья Александровна: «мы говорили

---

*) И такъ я больно невзрачна, Государь.—А въ молодости я былъ красивымъ мальчикомъ.

о васъ».—«А что́ жъ вы обо мнѣ говорили?»—«Что вы очень курносы».— «Сами вы курносыя», отвѣчалъ, смѣясь, Павелъ.

Ему вздумалось приказать, чтобъ экипажи не подъѣзжали къ дворцовому крыльцу, но останавливались у въѣзда на площадь, а мужчины и дамы, являвшіяся во дворецъ, обязаны были идти пѣшкомъ по площади. Кучеру Прасковьи Александровны не было еще извѣстно новое постановленіе, и онъ ѣхалъ смѣло обыкновенною дорогой, когда полицейскіе погнались за нимъ съ крикомъ: стой! Кучеръ остановился. Прасковья Александровна должна была выйдти изъ кареты и добраться пѣшкомъ до дворца, а кучеръ былъ, по приказанію полиціи, отосланъ на съѣзжую вмѣстѣ съ лошадьми.

Въ этотъ день Императоръ былъ въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. При появленіи г-жи Волковой онъ привѣтствовалъ ее милостивой улыбкой и самыми любезными словами.

«Ne me parlez pas, Sire, крикнула она, car je suis furieuse contre vous». «Et pourquoi?» спросилъ онъ. «Car mon cocher et mes chevaux ont été saisis par la police et que par la pluie et la boue j'ai du traverser toute la grande place à pied. Ce n'est pas de quoi mettre les gens en belle humeur!» *).

Императоръ извинился передъ ней и приказалъ, чтобъ освободили немедленно ея кучера и лошадей.

9.

Извѣстно, съ какой любовью императрица Марія Ѳеодоровна занималась своими заведеніями. Была между прочимъ больница, состоявшая подъ ея покровительствомъ, и медикъ являлся къ ней каждый день съ рапортомъ во дворецъ. Разъ онъ доложилъ, что одной изъ больныхъ надо отнять ногу и что дѣло не терпитъ отлагательства.

«Въ такомъ случаѣ», сказала Императрица, «сдѣлайте сегодня же операцію».

На слѣдующій день она встрѣтила его словами:

«Что́ эта бѣдная женщина? Хорошо ли удалась операція?» Докторъ немного сконфузился: операція не была еще сдѣлана, и онъ пытался извинить свое замедленіе недостаткомъ времени и заботой о другихъ больныхъ. Но Императрица была недовольна. «Предупреждаю васъ», сказала она, «что я не намѣрена выслушивать завтра подобныя объясненія, и требую, чтобы дѣло было покончено сегодня же».

Однако на другой день оказалось, что къ операціи еще не приступали. Императрица вспыхнула отъ гнѣва. «Какъ!» вскрикнула она, «не смотря на мои приказанія!» - «Умоляю васъ не гнѣваться на меня», отвѣчалъ медикъ, «я право не виноватъ. Эта женщина просто сошла съ ума: она объявила, что допуститъ операцію лишь въ присутствіи Вашего Величества. Я не посмѣлъ вамъ объ этомъ доложить вчера».—«Какъ вамъ не стыдно!» замѣтила Императрица, «за что вы ее промучили даромъ?»

Она приказала немедленно подать карету, взяла съ собой доктора, поѣхала въ больницу и присутствовала при операціи.

---

*) Не говорите со мною, Государь; потому что я взбѣшена противъ васъ.—Это отчего?— Кучеръ мой и лошади задержаны полиціей, и я должна была, подъ дождемъ и по грязи, пройти всю большую площадь: послѣ этого поневолѣ взбѣсишься.

10.

Послѣ Вѣнскаго конгресса вышла во Франціи остроумная каррикатура: представлена была карета, на козлахъ сидѣлъ императоръ Александръ, форейторомъ былъ Меттернихъ, на запяткахъ стоялъ король Прусскій. За экипажемъ бѣжалъ Наполеонъ съ крикомъ: Arrêtez, arrêtez, on m'a jeté dehors! А императоръ Австрійскій кричалъ, высунувши голову изъ опущеннаго стекла: Arrêtez, arrêtez, on m'a mis dedans [1]).

11.

Когда графъ Остерманъ-Толстой переселился въ Женеву, онъ держалъ при себѣ Русскаго камердинера, который выучился говорить немного пофранцузски, и Швейцарца Фрица. Впродолженіе своего долгаго пребыванія за границей графъ составилъ себѣ довольно обширный кругъ знакомыхъ, и они часто къ нему съѣзжались. Ему коротко были извѣстны слабыя стороны нашей жизни, но онъ не позволялъ никогда иностранцамъ рѣзкихъ сужденій о Россіи въ его присутствіи. Когда же къ нему являлся новый посѣтитель и рѣчь заходила о крѣпостномъ правѣ, хозяинъ дома предоставлялъ часто полную свободу высказывать свое негодованіе на униженіе Русскаго народа и на общепринятый помѣщиками обычай бить своихъ крѣпостныхъ. Выслушавши молча, графъ звонилъ и спрашивалъ у вошедшаго камердинера:

«Depuis quand êtes vous à mon service?»-«Depuis mon enfance, m. le comte». «Vous ai-je jamais frappé?»-«Dieu garde, m. le comt!».-«C'est bon. Faites moi venir Fritz». Фрицъ являлся: «Je me sens aujourd'hui d'humeur massacrante, citoyen d'un peuple libre, говорилъ ему графъ Остерманъ, et la main me démange pour vous souffleter» [2]).

Швейцарецъ подходилъ, получалъ пощечину и скрывался. Графъ держалъ его *исключительно* для того, чтобъ угощать его, отъ времени до времени, пощечинами при своихъ гостяхъ, и Женевскій гражданинъ жилъ у него припѣваючи и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ дешево-заработанный хлѣбъ.

12.

Князь Александръ Александровичъ Шаховской, человѣкъ умный, добрѣйшій, глубоко-религіозный, взбалмошный и вспыльчивый, казался созданнымъ для комическихъ положеній, чему способствовала самая его наружность. Высокій, толстый старикъ былъ неловокъ, неуклюжъ и сильно картавилъ; глаза у него были узки какъ щелки, голова совсѣмъ почти лысая, и огромный, горбатый

---

[1]) Стой, стой! Меня выбросили вонъ.—Стой, стой! Меня посадили сюда.

[2]) Съ которыхъ поръ ты у меня служишь?—Съ самаго дѣтства, ваше сіятельство.—Билъ я тебя когда нибудь?—Сохрани Богъ ваше сіятельство.—Ну хорошо. Позови Фрица.—Гражданинъ свободнаго народа! Сегодня я въ раздраженномъ состояніи, и рука у меня чешется, чтобы дать тебѣ пощечинъ.

носъ напоминалъ птичій клювъ. Князь приходилъ въ неистовое отчаяніе при малѣйшей бездѣлицѣ, раздражавшей его, билъ себя въ грудь или въ лысину, проклиналъ всѣхъ и, угомонившись наконецъ, уходилъ въ свою комнату, гдѣ, по его-же выраженію, онъ замаливалъ свое *окаянство* и клалъ земные поклоны до синяковъ на лбу. Любовь его къ сценическому искусству составляла одно изъ главныхъ элементовъ его жизни и главныхъ источниковъ его терзаній. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ театральными директорами *), разбиралъ съ ними піесы, предназначенныя для Московской сцены, распредѣлялъ роли, являлся на репетиціи, кричалъ, шумѣлъ и приводилъ актеровъ въ отчаяніе. Разъ, сцена представляла комнату при вечернемъ освѣщеніи. Князь былъ недоволенъ всѣмъ и всѣми, волновался и бѣгалъ по сценѣ. Наконецъ онъ обернулся къ лампѣ, стоявшей на столѣ посреди сцены, и крикнулъ: «Матушка! Не туда свѣтишь!»

Ему случилось провести лѣто въ Москвѣ съ дочерьми своего брата. Онъ съ утра отправлялся на репетицію, возвращался домой къ ожидавшему его обѣду, потомъ пилъ кофій и, отдохнувши, ѣхалъ опять въ театръ. Молодыя дѣвушки очень любили добряка, ухаживали за нимъ и строго наблюдали за домашнимъ порядкомъ, чтобъ ничѣмъ не нарушить привычекъ дяди. Но въ одинъ роковой день дѣдовскія дрожки князя остановились дребезжа у подъѣзда, а столъ не былъ еще накрытъ. Въ домѣ поднялась суматоха: буфетчикъ прибѣжалъ съ столовой посудой, и одна изъ княженъ помогала ему разставлявать приборы, когда князь показался на порогѣ.

«Не готово!» крикнулъ. «Опоздаю! Безъ ножа зарѣзали! Непремѣнно опоздаю, а́ безъ меня душегубы-то мои утопятъ мою комедію!»

Пока онъ бурлилъ, супъ былъ принесенъ, и буфетчикъ, желая изгладить свою вину, быстро принялъ стулъ, на который князь собирался уже садиться, и подставилъ на мѣсто покойное кресло. Старикъ грузно въ него опустился, и ужасъ! — кресло провалилось подъ нимъ съ трескомъ. Тучное тѣло увязло въ рамкѣ сидѣнья, а голова и ноги торчали съ верху.

«Злодѣй!» вопилъ Шаховской, подразумѣвая подъ этимъ именемъ услужливаго буфетчика. «Тебя подкупили мои театральные враги! Дай вылѣзу, въ Сибирь упеку!»

Онъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ ухватиться за край стола, болталъ ногами и оралъ на весь домъ. Люди сбѣжались; одинъ изъ нихъ взялъ его за руки, другой за ноги, между тѣмъ какъ третій, ставши на колѣни, выпихивалъ его изъ дубовой рамки креселъ. Операція продолжалась довольно долго, такъ что супъ успѣлъ остыть. Кромѣ того, обѣдъ былъ заказанъ не по вкусу князя: ему рѣшительно не везло въ этотъ день.

Когда собрали со стола, одна изъ княженъ, боясь, чтобъ на бѣду, не опоздалъ еще кофій, побѣжала въ буфетъ, схватила подносъ, на которомъ стоялъ уже весь кофейный приборъ, и отнесла его дядѣ. Ея появленіе вызвало улыбку на устахъ старика, который былъ большой охотникъ до кофію. Онъ поставилъ передъ собой дымящуюся чашку, потомъ взялъ молочникъ, но какъ его ни нагибалъ, изъ молочника не показалось ни малѣйшей струйки сливокъ. Шаховской взглянулъ на племянницу:

---

*) Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, потомъ М. Н. Загоскинъ. Въ ихъ время Московскій театръ былъ совершенно независимъ отъ Петербургской дирекціи.

«Матушка», сказалъ онъ, «у меня только и отрады что кофій, только надъ нимъ и отвожу душу, а ты мнѣ принесла пустой молочникъ! Ужъ если вы рѣшились меня извести, отравите меня разомъ. Ради самого Бога, отравите меня!» Онъ остановился, потомъ поднялъ глаза къ образу, висѣвшему въ углу, всплеснулъ руками и крикнулъ: «Господи! Прости меня грѣшнаго; не допусти, чтобъ моя окаянная душа попала въ адъ!»

Наконецъ появились сливки, князь напился кофію и пошелъ отдыхать, къ великому удовольствію молодежи, которая тотчасъ дала волю долго сдержанному смѣху.

Толычова.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1877 ГОДУ

„НОВОРОССІЙСКАГО ТЕЛЕГРАФА",

ГАЗЕТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ.

«Новороссійскій Телеграфъ» выходитъ въ 1877 году ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, листами большаго формата, по тойже програмѣ и съ тѣми же отдѣлами, какъ въ 1876 году.

Съ 1877 года НИЛЪ АДМИРАРИ (Л. К. Панютинъ) будетъ въ числѣ ПОСТОЯННЫХЪ сотрудниковъ «Новороссійскаго Телеграфа».

ОБЪЯВЛЕНІЯ, печатающіяся въ «Нов. Тел.», будутъ безплатно вывѣшиваться на главныхъ станціяхъ Одесской желѣзной дороги и будутъ такимъ образомъ ежедневно распространяться на протяженіи около тысячи верстъ въ районѣ четырехъ губерній Новороссійскаго края. Право вывѣшивать 4-ю страницу газеты на главныхъ станціяхъ Одесской желѣзной дороги исключительно принадлежитъ «Новор. Телеграфу».

Подписка принимается *въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Соборной площади, въ домѣ Папудова.*

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

	На годъ.	на 6 мѣс.	на 3 мѣс.	на 1 мѣсяцъ.
Съ пересылкою или доставкою. .	12 р.	7 р.	4 р.	1 р. 35 к.
Безъ доставки или пересылки. .	10 р.	6 р.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено при годовой подпискѣ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодовые (6 руб.). или по четвертямъ года (3 руб.)—но всегда впередъ.

Для *различныхъ казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій* допускается *выписка газеты въ кредитъ*, по письменнымъ оффиціальнымъ предложеніямъ, съ условіемъ высылки денегъ втеченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1877 года.

Заявленія, предложенія, статьи, корреспонденціи и письма адресуются въ Одессу, въ редакцію «Новороссійскаго Телеграфа».

Редакторъ *В. Золотовъ*
Издатель *М. Озмидовъ.*

Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**.—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго** и **князя Васильчикова**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова**. Опала **графа Н. П. Панина** въ царствованіе Павла. Вѣсти изъ Россіи въ Англію (Письма **графа Ростопчина**. 1791—1796). Политическая автобіографія **князя Адама Чарторыжскаго**. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. **Сочиненіе А. Н. Попова**. Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова**. Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ и значеніи событія 14 Декабря. Цѣна 2 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Пугачевщина: письма **графа П. И. Панина** къ его брату. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина**. 1799 годъ). Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Записка Польскаго **епископа Бутневича** (Разговоры съ императоромъ Николаемъ и Папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ. Статья **князя П. А. Вяземскаго**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его біографія и переписка съ Екатериною II-ю и другими лицами. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина** 1800 и 1801 года; опальное время; обозрѣніе Павловскаго царствованія). Французское нашествіе: письма **И. М. Муравьева-Апостола**. Сборникъ стихотвореній **Пушкина**, не вошедшихъ въ изданіе его сочиненій. Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева**. Записка **графа С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна 3 рубля.

Лица, желающія выписать 1872, 1873, 1874, 1875 и 1876 годы Русскаго Архива за пересылку ничего не прилагаютъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1877 ГОДУ.

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, выходящаго, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу) какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко-написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію, Бельгію и Францію **10** рублей, въ Англію, Швейцарію и Италію **11** рублей.

О продажѣ прежнихъ годовъ Русскаго Архива смотри на внутренней сторонѣ этой обертки.

Лица, подписавшіяся въ С.-Петербургѣ на Русскій Архивъ 1876 года въ бывшемъ магазинѣ Базунова и по случаю его несостоятельности не дополучившія своихъ книжекъ, благоволятъ обращаться за ними въ Магазинъ для Иногородныхъ на Невскомъ Проспектѣ, куда книжки эти для нихъ доставлялись ежемѣсячно.

Составитель и Издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.